

**Министерство образования Московской области
Государственное образовательное учреждение
высшего образования Московской области
Московский государственный областной университет**

Ю.А. КЛЕЙБЕРГ

КРЕАТИВНАЯ ДЕВИАНТОЛОГИЯ

Монография

CREATIVE DEVIANTOLOGY

**Москва
2016**

УДК 316.624;159.9:7.01
ББК 60.52+88.8
К48

*Печатается по решению Ученого совета
факультета психологии
и Редакционно-издательского совета МГОУ*

Рецензенты:

Д.В. Ушаков – член-корреспондент РАН, доктор психологических наук, профессор, зав. лабораторией психологии и психофизиологии творчества Института психологии Российской академии наук;

Я.И. Гилинский – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

Дизайн обложки:

Б.Ю. Клейберг – кандидат юридических наук

Клейберг, Ю.А.

К48

Креативная девиантология : монография / Ю.А. Клейберг. – Москва : ИИУ МГОУ, 2016. – 160 с.
ISBN 978-5-7017-2539-1.

Монография является первым в России изданием по креативной девиантологии. В ней излагается психологическая природа творчества, представлена синтагма исследований девиантности, рассматривается творчество как специфическое проявление девиантности, мотивационный конфликт как ресурс креативной личности, предложен первый опыт амплификации брутальности в искусстве в контексте креативной девиантологии, а также граффити, мода как социально-психологический феномен, черный юмор и др.

Монография может представлять интерес для специалистов (как российских, так и зарубежных) в различных областях научного знания: психологов, социологов, юристов, социальных философов, педагогов, а также для всех тех, кто интересуется поднятыми в книге проблемами.

Материал монографии может быть использован также и в качестве учебного пособия для магистрантов, аспирантов, бакалавров и студентов гуманитарных вузов.

УДК 316.624;159.9:7.01
ББК 60.52+88.8

Все материалы публикуются в авторской редакции.
За содержание материалов ответственность несёт автор.

В оформлении использована репродукция картин Э. Мунка «Крик» и В. Кандинского «Химерическая», а также изображение главного героя серии фильмов о Гарри Поттере, размещенные в сети Интернет в свободном доступе

ISBN 978-5-7017-2539-1

© Московский государственный
областной университет, 2016
© Оформление. ИИУ МГОУ, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	4
ГЛАВА 1. Психологическая природа творчества	9
ГЛАВА 2. Синтагма исследований девиантности	24
ГЛАВА 3. Мотивационный конфликт – ресурс креативной личности.....	34
ГЛАВА 4. Творчество как специфическое проявление девиантности	47
ГЛАВА 5. Творческий беспорядок	61
ГЛАВА 6. Творчество как способ сублимации виктимности личности	67
ГЛАВА 7. Брутальность в искусстве в контексте креативной девиантологии.....	80
ГЛАВА 8. Эпатаж и манипуляция в искусстве: теоретическая экспозиция проблемы.....	94
ГЛАВА 9. Девиантный имидж личности.....	103
ГЛАВА 10. Вандализм: граффити	115
ГЛАВА 11. Мода сквозь призму психологии девиантного поведения.....	125
ГЛАВА 12. Пропедевтика психологии добра и зла	140
ГЛАВА 13. Черный юмор как форма проявления девиантного поведения.....	146
Заключение	154
Литература	156

*«Психология личности есть психология драматическая.
Почва и центр этой драмы – борьба личности против своего
духовного разрушения. Эта борьба никогда не прекращается»*

А.Н. Леонтьев

ВВЕДЕНИЕ

Пытливый читатель может задать вопрос: «какая связь между творчеством и девиациями? Ведь «творчество» – это созидание, а «девиация» – отклонение. Согласен, необычное и, на первый взгляд, необъяснимое терминологическое сочетание – *«креативная девиантология»* и по звучанию пессимистично. Оно рождает неоднозначные ассоциации. Но это только на первый взгляд. Дело в том – рискну сказать – ***что вся наша жизнь во всем ее многообразии и мозаичности имеет девиантологическую основу.*** Мы просто об этом никогда не задумываемся. Стоит только внимательно присмотреться к действительности, к «реалиям жизни», и мы непременно обнаружим взаимосвязь и даже взаимозависимость творчества и девиантности.

Памятуя о том, что «реальность является девиантной» (по Н.Луману), девиантность жизни проявляется в труде, учебе, искусстве и культуре, науке, образовании и воспитании, спорте и досуге, общении и семейной жизни и т.п. и имеет множество различных форм проявления: инициативность, трудоголизм и тунеядство; инновации и разгильдяйство; образованность и бескультурье; великие достижения и невежество и хамство; пьянство, алкоголизм, проституция и добропорядочность и милосердие; преступления, агрессия, насилие и доброта, терпимость и альтруизм; коррупция, мошенничество, взяточничество, ложь, маргинальность, социальное неравенство и законопослушность, честность, справедливость, интеллигентность, одиночество, остракизм; экстремизм и эпатаж и юмор и бесшабашность; добро и зло; любовь и ненависть; война и мир; и т.д. и т.п.

А поэтому, как мне кажется, ***девиантность создается не обществом как таковым, по утверждению Говарда Беккера, но, безусловно, в обществе, а конструируется властью (режимом), где и культивируется, приобретая специфические черты и оттенки.*** Люди же, живущие в таком обществе, строят (или не строят) свое

поведение в соответствии с предписаниями этого общества (юридическими или моральными).

Социальная неустроенность, конфликт, неудовлетворенность и т.п. порождают не только поиски выхода в творчестве, **но и** «выход» в насилие, вандализм, а также в различные формы «ухода» (алкоголизм, наркомания, «хиппизм» и др.).

И это еще не все. Каждая личность живет и действует в противоречивой и агрессивной социальной среде, где одинаковые социальные нормы и методы воздействия применяются к разным по своим способностям, характеру, привычкам, стилю поведения, культуре и образованности, образу жизни людям. Противоречивость и агрессивность социальной среды определяет отношение каждого человека к самой социальной среде, социальным нормам, мотивации поступков и отношений, традициям, культуре и к самому себе. И если это отношение явилось результатом социально значимого осознания себя в этом мире и мира (вещей, поступков, отношений) в себе, то мы имеем дело с целенаправленной, творческой работой человека над собой, со стойким социально-психологическим иммунитетом к негативным социальным отклонениям и, наоборот, неспособность (или нежелание) человека осознать важность и ценность своего социального бытия (в широком смысле слова) – приводит к нарушениям (деформациям) социальной нормы, проявляющимся в различных видах и формах девиантного (отклоняющегося и криминального) поведения.

Результаты исследований подростков с девиантным поведением показывают, что многие из них нередко являются более креативными людьми, чем некоторые представители поведенческой нормы (Л.Р.Вафин, Ю.А.Клейберг, В.Д.Менделевич). Список сходных черт креативных и девиантных личностей (по Ф.Баррону и Д.Харрингтону) включает в себя самостоятельность суждений, способность находить привлекательность в трудностях и рисковать. Ф.Фарли выделяет даже особый тип личности – *«искатель возбуждения»*: лица такого типа могут, с одной стороны, достигать высокой степени креативности, но, с другой, – демонстрировать деструктивное и даже криминальное поведение. Подросток-девиант излишне любознателен, он – экспериментатор, в высшей степени склонен к риску и существованию в неопределенности [24]. Любое давление на него может вызвать протестные формы поведения, что часто приводит к дистанцированию и разрыву связей с образовательным учреждением и семьей.

Следует помнить, что личностные особенности людей (и детей, и взрослых) эмоционально окрашиваются, «шлифуются» в оценках и поведенческих стереотипах, обретают функции и свойства социальных чувств, а применительно к обществу это проявляется в массовидных социальных явлениях, в общественных течениях и

настроениях, моде, в коллективном творчестве, действиях и поведении людей и т.д.¹

И в заключении специально обращаю внимание читателя на следующие **принципиально важные моменты**. *Во-первых*, в научной литературе (зарубежной и отечественной) я не встречал книг и статей с названием «**креативная девиантология**» и даже употребления такого словосочетания.

Во-вторых, **креативная девиантология** должна приобрести свою синтагму – систематизированную и логически выверенную систему знаний, полученных на базе разных парадигм, свой статус методологически конституирующей теории в психологии и девиантологии (пока она существует на правах частного раздела этих наук). Но даже как частный раздел психологии и, особенно, девиантологии, творческая деятельность человека на сегодняшний день непростительно обделена вниманием российских исследователей.

В-третьих, **креативная девиантология** помимо нашей воли прорывается в научную жизнь и заявляет о себе на уровне эвристичности, создает образ предмета, так как у нее пока нет собственной целостной концепции, отвечающей запросам философской, искусствоведческой, психологической мысли. Тем не менее, креативная девиантология, прародителями которой являются психология творчества, социология и девиантология, то есть человековедческие науки, хотя и имеет слабую методологическую и эмпирическую основу, все же подает большие надежды и потому чрезвычайно востребована и интересна для научных поисков и экспериментов.

В-четвертых, процессы интеграции современной креативной девиантологии с психологией, искусствоведением, социологией, философией и др., позволяющие осуществлять анализ традиционных и новых проблем на основе междисциплинарного синтеза, могут привести к существенному обогащению проблемно-тематического поля этих наук.

С учетом этого сложилась структура данной монографии, в которой главный акцент сделан на преодолении статики в изложении основных проблем и понятий девиантологической науки.

Как видно из изложенного, на сегодняшний день было бы преждевременным говорить о креативной девиантологии, как о уже сформировавшейся области научного знания. Скорее всего, можно говорить о набросках к различным теоретическим точкам зрения и подходам, которые, безусловно, ценны и уже сейчас «работают» на создание методологической основы креативной девиантологии.

¹ Цит. по: Новиков В.В. Социальная психология – феномен и наука трансцендентные // Человеческий фактор: Социальный психолог. 2008. №1 (15). С. 9.

И в этом направлении психологами, социологами, криминологами уже делаются серьезные научные шаги. Так, **впервые в России** коллективом ученых под редакцией профессора *Я.И.Гилинского* опубликована монография *«Творчество как позитивная девиантность»* (СПб, 2014), где помещена глава автора данной монографии; монография *Ю.А.Клейберга «Основы психологии девиантного поведения»*, в которой есть глава *«Творчество как специфическое проявление девиантного поведения»* (СПб, 2014). А еще раньше – статьи *Я.И.Гилинского «Творчество: норма или отклонение?»* // СоцИС. 1990. №2; *«Художественное и научное творчество как девиантность»* // Общество и право. 2012. №1(3). Статьи *Ю.А. Клейберга «Творчество как позитивная форма девиантного поведения: теоретическая экспозиция проблемы* // Проблемы творческого развития личности в XXI веке» (2004); *«Социально-психологическая взаимосвязь творчества и девиантного поведения»* // Человеческий фактор: общество и власть. 2006. №4 (12); *«Креативность образовательной среды как фактор профилактики и коррекции девиантного поведения школьников»* // Общество и право. 2007. №4 (18); монография *Ю.А.Клейберга и С.Ю.Каниной «Креативность образовательной среды и профилактика девиантного поведения»* (2007); статья *В.В.Бахарева «Креативность как позитивная девиация процесса социализации личности»* (Белгород, 2007). В 2015 году опубликованы две статьи *Ю.А.Клейберга «Креативная девиантология: опыт институализации»* // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Психологические науки». 2015. №1. С. 47-52 и *«Креативная девиантология: опыт амплификации»* // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 2 (62). Т.1. С.125-130.

Современная эпоха – это время социальных новаций, перемен, смены политических, личностных, научных, ценностных ориентаций. Но это и время утраты идеалов, девальвации ценностей и традиций, время – потери поколений, культурного и интеллектуального генофонда страны. Это время обостренной оценки морально-этических парадигм. Психологическая наука с ее погруженностью в отдельные способности, качества, элементы личностного, деятельностного поведения часто не в силах одна ответить на возникающие вопросы экзистенциального звучания: *в чем смысл современной жизни; как относиться к «эпохе Мракобесия в России»* (термин *Я.И.Гилинского*): *маркирование музеев с целью запрета несовершеннолетним смотреть на «Венеру Милосскую», «Давида» (Микеланджело), не говоря уже о Босхе, Родене, Пикассо, Дали т.д.; какими глазами смотреть (а главное, с какой совестью!) на травлю музея Виктора Набокова («Лолиту» написал, гад!» – читаем в Интернете), что делать с запретом постановки «Лолиты»; а как*

реагировать на требование убрать из Русского музея картину Ильи Репина «Иван Грозный убивает своего сына», как «оскорбляющую патриотические чувства граждан»? Как нам жить в XXI веке, наконец, с вопиющим ростом детско-подростковой беспризорности и бродяжничества, наркомании, проституции, насилия, агрессии, самоубийств, жестокости и зла?! И т.д., и т.п.

Как показывает история, *мракобесие в политике, идеологии, социальной сфере – а по большому счету – в СОЗНАНИИ отдельных групп людей этих сфер!* – всегда сопровождало общество и, как видно, сопровождает и сейчас, хотя времена уже не те. Тогда возникает естественный вопрос: *«Как нам жить дальше?»*. Хотелось бы сказать – *«ЧЕСТНО»*. И это было бы правильно во всех смыслах! Однако современное жизнеустройство (тотальная ложь, всепоглощающая коррупция, бесстыдное воровство чиновников, и т.д. и т.п.) все меньше и меньше оставляют выбора большинству членов общества жить честно (то есть, *творить добро*), и все больше и больше провоцирует людей на неблагоприятные поступки (то есть, *творить зло*). Вот такая странная «диалектика»! *Одно знаю наверняка – сейчас России нужна ДОБРОДЕТЕЛЬНАЯ ЛИЧНОСТЬ* во всех смыслах!

Отсюда возникло желание институализировать креативную девиантологию – востребованную и комплексную научную и учебную дисциплину.

Автор монографии отдает себе отчет в том, что для действительного самоопределения новой области знания (а креативная девиантология претендует на это!) необходимо обосновать выбор объекта и предмета исследования (*в чем специфика нового подхода?*), выбор общих и специальных исследовательских задач (*в чем специфика этих задач?*), а главное – обосновать место нового раздела девиантологического знания в целом в психологической и девиантологической науке.

Мое знакомство с отечественными и зарубежными научными публикациями, свидетельствует, что такого методологического анализа, преобладающего над художественными сентенциями, проведено не было. Не всегда термин «психология», также как и термин «искусство/творчество», взятые совместно, рождают «психологию искусства/творчества». Какое содержание лежит за этим словосочетанием – вот в чем вопрос. Однако начинать с чего-то надо.

Ну, а теперь все по порядку.

ГЛАВА 1.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПРИРОДА ТВОРЧЕСТВА

Творчество возникает тогда, когда индивид начинает осознавать себя личностью. Творчество всегда личностно обусловлено. Известный русский философ Н.А.Бердяев (1989) [3] считал, что творчество – единственный вид деятельности, который делает человека человеком. Движущей силой человечества, как отмечает российский психолог Е.П.Ильин (2009), являются творческие личности [22].

Творчество – художественное, научное, техническое, спортивное и др. – связано с созданием какого-то нового продукта, который должен быть оценен обществом. Этот продукт творчества, как правило, бывает индивидуальным или коллективным, и он должен быть значимым, в первую очередь, для самого творца (индивидуального или коллективного). Для творца часто важна (но не обязательна) психологическая составляющая как самого процесса создания нового, оригинального, эксклюзивного, так и результата – признание, почет, слава, деньги (эффект «медные трубы»). Однако можно встретить со стороны творца и безразличие и даже игнорирование знаков внимания к своей персоне и продукту своего труда со стороны общества. Эта работа бескорыстна и творцом воспринимается как само собой разумеющееся. Вспомните феномен современного российского гения (включен в мировой список гениев!), ученого-математика *Григория Перельмана*, первым доказавшим одну из «задач тысячелетия» – гипотезу Пуанкаре и отказавшегося от миллиардной (в долларовом эквиваленте) премии за свое открытие и ютящегося с мамой в двухкомнатной «хрущевке» Санкт-Петербурга.

Вообще в истории науки и искусства есть немало примеров самоотверженности, смелости и бескорыстия ученых и деятелей культуры и искусства, чьи имена стали мировой гордостью. Вот только некоторые из них: Айвазовский, Гёте, Дарвин, Достоевский, Ньютон, Моцарт, Леонардо да Винчи, Менделеев, Пушкин, Рублев, Толстой, Хемингуэй, Циолковский, Чайковский, Чехов, Шекспир, Эйнштейн, Сахаров, Лихачев, и многие другие. Важное значение для настоящего Мастера имеет духовное богатство внутреннего мира личности творца, его постоянная направленность на творческое действие во внешнем мире.

Правда, отношение к творчеству в различные эпохи изменялось кардинально. В *Древнем Риме* в книге ценился лишь материал и работа переплетчика, а автор был бесправен – не преследовались ни

плагиат, ни подделки. В Средние века и значительно позднее творец был приравнен к ремесленнику, а если он дерзал проявлять творческую самостоятельность, то она никак не поощрялась. Творец должен был зарабатывать на жизнь иным путем: Мольер, например, был придворным обойщиком, великого Ломоносова ценили за утилитарную продукцию – придворные оды и создание праздничных фейерверков. И лишь в XIX веке художники, литераторы, ученые и прочие представители творческих профессий получили возможность жить за счет продажи своего творческого продукта. Как писал А.С.Пушкин, «не продается вдохновенье, но можно рукопись продать». При этом рукопись ценили только как матрицу для тиражирования, для производства массового продукта. В XX веке реальная ценность любого творческого продукта также определялась не вкладом в сокровищницу мировой культуры, а тем, в какой мере она может служить материалом для тиражирования (в репродукциях, телефильмах, радиопередачах и т. д.). Поэтому существуют неприятные для интеллектуалов различия в доходах, с одной стороны, представителей исполнительского искусства (балета, музыкального и театрального исполнительства и т. д.), а также дельцов массовой культуры и, с другой стороны, творцов [15]. В китайской «Книге перемен» говорится о том, что **«высшая форма творчества – творчество добра»**.

Существенное влияние на дальнейшие исследования творческого мышления в психологии оказали идеи Аристотеля, которые легли в основу ассоциативной психологии. Ассоцианистский подход получил широкое распространение в XVII-XVIII веках.² Он объяснял все умственные (когнитивные) процессы в терминах двух основных компонент: идей (или элементов) и ассоциаций (или связей) между ними.

Важнейшей чертой человека-демиурга (с др.-греч. δημιουργός – творец, мастер) является сильная и устойчивая потребность в творчестве. «Творческая личность не может жить без творчества, видя в нем главную цель и основной смысл своей жизни. Вот почему сам процесс творчества и продукты креативной деятельности доставляют творцу наслаждение и требуют постоянного возобновления. Правда, у А.Эйнштейна, как он сам указывает в своих «Автобиографических записках», теория относительности была «актом отчаяния» [11, с.477].

Независимость, ориентация на личные ценности, а не на внешние оценки, пожалуй, может считаться главным личностным качеством творческой личности. В.Н.Дружинин выделяет следующие личностные черты, присущи креативным людям:

1) независимость – личностные стандарты важнее стандартов группы; неконформность оценок и суждений;

² См.: Мартыняненко В.Ф. Введение в философию: Учебное пособие. Мн.: БГУ, 1986.

2) открытость ума – готовность поверить своим и чужим фантазиям, восприимчивость к новому и необычному;

3) высокая толерантность к неопределенным и неразрешимым ситуациям, конструктивная активность в этих ситуациях;

4) развитое эстетическое чувство, стремление к красоте [15].

Однако следует различать такие понятия как «творчество» и «креативность». Это сложные и неоднозначные понятия. *Творчество* может рассматриваться двояко – как компонент какой-либо деятельности и как самостоятельная деятельность. Существует мнение, что в любой деятельности, даже деструктивной, присутствует элемент творчества. В последнем случае – это будет деструктивное творчество. Наверное, так оно и есть. Однако когда творчество направлено на поиск нового, оптимального, возможно, ранее неизвестного решения, оно обретает статус деятельности и представляет собой сложную многоуровневую систему. В этой системе выделяют специфические мотивы, цели, способы действия, фиксируются особенности их динамики. Творчество есть выход за пределы традиции и стереотипов.

Основной особенностью творческой личности, его чертой является креативность. *Креативность* – интегративное качество психики человека, которое обеспечивает продуктивные преобразования в деятельности личности, позволяя удовлетворять потребность в творческой активности. Креативность – это личностное качество, базирующееся на развитии высших психических функций, когда творчество, как автоматизированный навык, включается во все виды деятельности, поведения, общения, контакта со средой.

Креативность (от лат. creatio – созидание) – творческие способности индивида, характеризующиеся готовностью к продуцированию принципиально новых идей и входящие в структуру одаренности в качестве независимого фактора. По мнению П.Торренса, креативность включает в себя повышенную чувствительность к проблемам, к дефициту или противоречивости знаний, действия по определению этих проблем, по поиску их решений на основе выдвижения гипотез, по проверке и изменению гипотез, по формулированию результата решения.³

Творческая личность характеризуется не просто высоким уровнем креативной способности, но особой жизненной позицией человека, его отношением к миру, к смыслу осуществляемой деятельности. Для деятеля (творца) важное значение имеет духовное богатство внутреннего мира личности, ее постоянная направленность на творческое действие во внешнем мире, и в этом творческий

³ Головин С. Словарь практического психолога / С.Головин (составитель, автор). М.: АСТ, Харвест, 2001.

человек не похож на других, «не творческих» людей. Креативная личность отличается от других людей целым рядом особенностей:

- когнитивных (высокая чувствительность к субсенсорным раздражителям);
- чувствительность к необычному, уникальному, единичному;
- способность воспринимать явления в определенной системе, комплексно;
- память на редкие события;
- развитые воображение и фантазия;
- развитое дивергентное мышление как стратегия обобщения множества решений одной задачи и др.;
- эмоциональных (высокая эмоциональная возбудимость, преодоление состояния тревожности, наличие стенических эмоций);
- мотивационных (потребность в понимании, исследовании, самовыражении и самоутверждении, потребность в автономии и независимости);
- коммуникативных (инициативность, склонность к лидерству, спонтанность).

Творчество как один из видов деятельности и креативность как устойчивая совокупность черт, способствующих поиску нового, оригинального, нетипичного, обеспечивают развитие и личности самого творца, и социальной среды его жизнедеятельности, и общества в целом. На уровне общественных интересов креативность действительно рассматривается как эвристический способ жизнедеятельности, но на уровне социальной группы поведение творческой личности может быть оценено как вид деятельности, не согласующийся с нормами и предписаниями, принятыми в данном сообществе людей. Творчество может рассматриваться как форма поведения, не согласующаяся с принятыми нормами, но при этом не нарушающая правовые и моральные предписания группы [50, с.165-210]. Поэтому творчество и креативность можно рассматривать как позитивные девиации.

Само творчество – не только как понятие, но и как феномен – весьма многозначно. Отнюдь не все его проявления могут быть оценены в качестве позитивных с точки зрения интересов и потребностей общества, системы его норм и ценностей. В творческом процессе, как указывает В.В. Козлов, человек настолько вовлекается, погружается в то, что он делает, что у него исчезает осознание себя как чего-то отдельного от совершаемых им действий. В процессе творчества возникает единая когнитивно-ментальная структура сознания человека, которая, растворяя «Я» в деятельности, растворяет

деятельность в «Я». В некотором смысле творчество – всегда забывание себя, некое заклятие, жертвоприношение «Я».⁴

Творчество по своей психологической природе «*созидательное разрушение*» (термин В.Н.Дружинина). Как считает В.Н. Дружинин (2001), творчество как способ социального поведения изобретено человечеством для реализации идей – плодов человеческого активного воображения. Альтернативой творчеству является адаптивное поведение и психическая деградация или же разрушение как экстернализация психической активности человека по уничтожению собственных мыслей, планов, образов и т. д. [15]. Заключая эту мысль В.Н.Дружинина, отмечу, что нет искусства (а, значит, и творчества) нравственного и безнравственного, есть искусство (а, значит, и творчество) высокое, талантливое и есть пошлое и бездарное. В последнем случае – это уже не творчество.

Согласно научным источникам, на сегодняшний день учеными разработана и успешно функционирует ***единая (интегративная, системная, многофакторная, синтетическая, общая) теория творчества.***

Построение всеобщей теории творчества основывается на следующих *методологических предпосылках*:

1. Рассмотрение творчества как комплексного, интегративного, многофакторного и полисферного феномена, выявление его отдельных компонентов и способов их взаимодействия.

2. Определение единого, универсального, базового основания, обуславливающего и пронизывающего все формы проявления творчества.

3. Выявление и построение системы единых, инвариантных и универсальных механизмов творчества.

Однако не безынтересно будет рассмотреть существующие ***теории творчества.***

1. Единая теория творчества, построенная на закономерностях художественного творчества и законе Р.Авенариуса, Э.Маха «Экономии сил в мышлении» (А.А.Потебня, 1862; А.Н.Веселовский, 1904; Д.Н.Овсянко-Куликовский, 1909).

2. Предположение о единстве психологических механизмов поэтического творчества, детской игры, сновидений и остроумия («Творческий писатель и грезы», З.Фрейд, 1908).

3. Всеобщая теория творчества, основанная на закономерностях художественного и технического творчества, созданная группой авторов (И.О.Белецкий, И.Лапшин, А.Л.Погодин, В.Харциев, Т.Райнов и др.) и изложенная в 8-ми томном труде «Вопросы теории и психологии творчества», выпущенного в 1907-1923 годах в Харькове под редакцией Б.А.Лезина.

⁴ Козлов В.В. Расширенные состояния сознания: творчество и игра // Человеческий фактор: Социальный психолог. 2008. №1 (15). С.13.

4. Создание единой теории творчества «эврилогии», объединяющей техническое, научное и художественное творчество. Связь природы творчества с универсальными законами Вселенной и общей эволюцией природы (П.К.Энгельмейер,1910; М.А.Блох, 1920).

5. Вариант самостоятельной теории творчества, основывающейся на универсальных методологических принципах и обладающей своим собственным специфическим методом (С.О.Грузенберг, 1923).

6. Визионерское творчество как проявление коллективного бессознательного, образов космоса и универсальных архетипов (К.Юнг,1930).

7. Творчество как реализация врожденных структур и механизмов: мифологическое мышление (К.Леви-Стросс, 1931); врожденные структуры языка (Н. Хомский, 1955); архаическое мышление (М.Элиаде, 1963); «Бессознательное структурируется как язык» (Ж.Лакан, 1979); скрытые, бессознательные механизмы и закономерности человеческого познания (М.Фуко, 1966); примитивное, «премордиальное» мышление (С.Martindale, 1976, 1990).

8. Универсальная модель построения теории творчества, в основе которой лежат четыре фундаментальные условия существования человека, «логика жизни» (R. Mooney,1957,1962).

9. Целостная модель творчества – 4Ps, представляющая собой взаимодействие 4-х факторов: процесса, продукта, личности и среды (process, product, person, press) (J.M. Rhodes, 1961); 4Ps (process, product, person, place) (R. Mooney, 1962; S.E. Golann, 1963).

10. Гипотеза о единстве механизмов художественного, изобретательского творчества и остроумия. Выделение универсального механизма «биссоциации», лежащего в основе всех форм творческой активности личности (А.Костлер,1964).

11. Эволюционная эпистемология: представление о единых, врожденных структурах и механизмах эволюционного развития природы, языка, познания и творчества (К.Поппер, 1972; С.Тулмин, 1972; Д.Кэмпбелл, 1974, Ч. Ламсден, Э.Уилсон,1981; Э.Ойзер, 1984; С.S. Findlay, С.J. Lumsden 1988, Ф. Вукетич, 1990).

12. Объединение и слияние художественного, научного и технического творчества при усилении специфики каждого (Б.С.Мейлах, 1972).

13. Определение методологических и ценностных оснований творчества (М.Г.Ярошевский, 1972).

14. Выделение универсальных механизмов творческой деятельности (Я.А.Пономарев, 1976).

15. Социальная, контекстная теория творчества, представляющая многофакторное пространство взаимодействия личности с миром (S.Arieti, 1976; D.K.Simonton, 1975, 1990;

T.Amabile, 1983; М.Чиксентмихайи, 1988, 1993, P.Goldfarb, S.C.Brackfield, 1990; R.W.Woodman, L.F.Schoenfeldt, 1989, 1990; Д.Харрингтон, 1990; Г.Гарднер, 1993).

16. Креатология, в основу которой положено создание креатологической матрицы, включающей проявление творчества на уровне культуры, организации, малых групп и личности, а также способности, процесс и продукт творчества (I.Magyary-Beck, 1977, 2011).

17. «Трехкольцевая» модель одаренности и творчества: творчество, интеллект, мотивация целью (Дж.Рензулли, 1978, 1986).

18. Модель эволюционирующих систем (Evolving-systems model): знания, цели и аффективные состояния, взаимодействуют, развиваются во времени и меняют реакции человека и порождают творческий продукт (H.Gruber, 1981, 2000; H.Gruber, S.N. Davis, 1988; H.Gruber, D. Wallas, 1999).

19. Целостные, многофакторные модели интеллекта, лежащего в основе всего многообразия творческой активности: общая теория интеллекта, структура интеллекта (SI) (J.P.Guilford, 1967, 1977); теория множественного интеллекта (H.Gardner, 1983, 1999); «Триархическая» теория интеллекта: аналитический, творческий или синтетический, практический (P.Стернберг, 1985, 1988).

20. Комплексный подход к творчеству (S.G. Isaksen, M.I. Stein, D.A.Hills, S.S.Gryskiewicz, 1984).

21. Мюнхенская модель одаренности (MMG) (К.А.Heller, E.A.Nany, 1986; К.А. Heller, 2005).

22. Трансгрессивная теория творчества: творчество как пересечение, преодоление материальных, общественных и символических границ (Ю.Козелецкий, 1987, 1997).

23. Компонентная модель творчества: специальные умения, творческие умения, внутренняя мотивация (T. Amabile, 1983, 1989, 1996).

24. Синдром Творчества: интеграция, применение и инновации (D.W.MacKinnon, 1960, 1983; M.D .Mumford, S.B. Gustafson, 1988).

25. Многофакторный творческий комплекс, в который входят как личностные факторы (когнитивные, метакогнитивные, мотивационные, установочные, аффективные или психодинамические), так и социальные, и средовые (R.S.Albert, M.A.Runco, 1989, 1993, 1996; M.A.Runco, D.Kim, 2011).

26. Системная теория творчества, творчество как единство трех систем: области культуры (domain), сообщества ценителей (field), личности (person) (М.Чиксентмихайи (1988, 1993, 1999), Г. Гарднер, 1993; М.Чиксентмихайи, Д.Фелдман, Г.Гарднер, 1994).

27. Интеракционистская модель творчества: креативность как результат взаимодействия трех компонентов: антецентов,

индивидуальных свойств и характеристик ситуации (R.W. Woodman, L.F. Schoenfeldt, 1989, 1990).

28. Экологическая модель творчества, включающая четыре области и четыре измерения творчества (Р. Шульц, 1990).

29. Семантические пересечения, диалог и риторические приемы как универсальные механизмы смыслопорождения и творчества (Ю.Лотман, 1990, 1992).

30. Представление общей психологии как частного проявления единой теории творчества (В.Т. Кудрявцев, 1990).

31. Комплексный подход к творчеству (Т. Lubart, 1991, 1994, 1999; R.W. Wiesberg, 1993).

32. Концептуальная модель и логическая структура творчества (G.Kaufmann, 1993).

33. Общая теория творчества (Центр по изучению творчества, Buffalo):

- Концептуальная модель творчества: Творчество как многофакторный конструкт, предсказывающий творческое поведение и являющийся результатом междисциплинарного подхода. (M. Murdock, S. Isaksen, S. Vosburg, D. Lugo, 1993).

- Многофакторный междисциплинарный, трансдисциплинарный подход к творчеству, изучающий его как единое целое (S. Isaksen, M. Murdock, G. Puccio, 1993).

- Экологический подход к творчеству, существенными характеристиками которого является многообразие методов исследования, а также их широкая контекстуальность (G. Puccio, D. Treffinger, S. Isaksen, M. Murdock, 1994).

34. Интеракционистская, многокомпонентная модель творчества в организационном контексте (R.W. Woodman; J.E. Sawyer; R.W. Griffin, 1993, 2007).

35. Эволюционный подход к творчеству: Принцип дарвиновской теории эволюции (D. Campbell, 1960; R. Dawkins, 1975; L.L. Cavalli-Sforza, M.W. Feldman, 1981; G. Czikó, 1998; C.S. Spencer, 1997; D. Simonton, 1998, 1999; R. Anger, 2000; A. Mesoudi, A. Whiten, K. Laland, 2006). Культуро-эволюционный подход к творчеству (M. Csikszentmihalyi 1993, 1999; L. Gabora, 1996, 2000; L. Gabora, S.B. Kaufman, 2010).

36. Синергетическая теория творчества, как трансформация хаоса в порядок: Синергетический подход к творчеству (Е.Н. Князева, С.П. Курдюмов, 1988, 1992; Д. Чернавский, 1990; И.С. Добронравова, 1991); Творчество как универсальный процесс самоорганизации (S. Kauffman, 1993, 2008); Творчество как взаимопроникновение диалектических тенденций к беспорядку и порядку (Ф. Баррон, 1995), Теория нелинейных динамических систем (D. Schulberg, 1999).

37. Инвестиционная теория творчества («покупать дешево, продавать дорого» или разработка непризнанных, но потенциально

богатых идей и их доступное предложение обществу). Наличие шести специфических, но взаимосвязанных ресурсов: интеллектуальных способностей, знаний, стилей мышления, личностных характеристик, мотивации и окружения (среды). (Р.Стернберг, Т. Любарт, 1995).

38. Интегративный подход к творчеству (J.F. , В.Е.Goh, 1995).

39. Единая теория творчества: квантовая модель (А. Goswami, 1996).

40. Развивающая перспектива творчества (developmental perspective): раскрытие совокупности факторов (или измерений) сложного, многогранного развития творческой одаренности (D.Feldman, 1999; D.Feldman, Н. Gardner, 2003).

41. Синтетическая теория творчества: творчество как аттитюды, процессы и творческие акты, которые выражают уникальность личности (В.Clark, 1997, 2002).

42. Четыре господствующие парадигмы творчества: функциональная, интерпретационная, радикальный структурализм, и радикальный гуманизм (Т. Rickards, С. De Cock, 1997).

43. Творчество как взаимодействие биологических, психологических и социальных факторов (J.S. Dacey, К.Н. Lennon, 1998).

44. Системная теория творчества (W. Cowington, 1998).

45. Трансцендентальные творческие системы (С. Bergquist, 1999).

46. Общая теория лингвистического творчества (Robert-Alain de Beaugrand, 2002).

47. Общая теория творчества, в основание которой положен универсальный трансмерный переход от дизъюнкции в конъюнкцию, от оппозиции в дополнительность и создание метасистемного целого (А.А.Кобляков,2003).

48. Модель WICK – Мудрость, Интеллект, Творческий Синтез (R.Sternberg, 2003, 2005).

49. Компонентная модель творчества: дивергентное мышление, общее мышление и базовые знания, специфические знания и способности, концентрация на цели, мотивация, открытость и терпимость к неопределенности (К.К. Урбан, 2003).

50. Общая теория творчества в рекламе (R.E. Smith, X. Yang, 2004; Lee Early, 2007).

51. Общая алгоритмическая (computational) теория творчества (Е.А.Konijn, J.F. Hoorn, 2005).

52. Общая теория творчества и инноваций (R.K. Sawyer, 2008).

53. Творчество как проявление целостной системы имплицитных аттитюдов, стереотипов, самооценки и Я-концепции (А.Greenwald, 2009).

54. Единая теория и междисциплинарные исследования творчества (D.Ambrose, 1996, 2010).

55. Единая теория и коннекционистская модель творчества. Эксплицитно-имплицитная интеракционистская теория и компьютерная модель CLARION (S. Helie, R. Sun, 2010).

56. Системная аутопоэтическая теория творчества (Takashi Iba, 2010).

57. Системный подход к творчеству (A. Montuori, 2011).

58. Творчество как сущность эволюции природы, культуры и сознания (T. Lombardo, 2011).

59. Теория качественных уровней творчества: Теория «большого» творчества (Big – C) L.Terman, 1924; J.N.Shurkin, 1992); Историческое (h-creativity) и персональное (p-creativity) творчество (M. Boden, 1991, 2004); «Большое» и «малое» творчество («Big C and Little C») (H.Gardner, 1993); Теория повседневного творчества (N.Vandermark, 1991); Теория личного творчества (M.Runco, 1996; 2004); Теория обыденного творчества (L.W.Barsalou, J.J.Prinz, 1997); Теория «малого» (little-c), демократичного творчества (A.Craft, 2001); Психологическая схожесть процессов малого и большого творчества (R.J.Sternberg, 2003); Теория малого творчества (Little-C) (J.A.Plucker, R.A.Beghetto 2004); Теория четырех видов творчества (The four-c model) (J.C.Kaufman, R.A.Beghetto, 2009); Теории малого и большего творчества (a little-c/Big-C) (A.Kozbelt,; R.A.Beghetto, M.A.Runco, 2010).

60. Отечественные исследования творчества осуществлялись разными учеными и в разные годы. Среди них: Г.С.Альтшуллер, Б.Г.Ананьев, М.М.Бахтин, Д.Б.Богоявленская, В.С.Библер, Л.С.Выготский, Е.С.Громов, Л.П.Гримак, В.Н.Дружинин, В.П.Ильин, Б.Кедров, А.Н. Лук, В.А.Моляко, Я.А.Пономарев, Б.Н.Теплов, В.Е.Семенов, А.А.Ухтомский, Д.В. Ушаков, П.К. Энгельмайер, Н.М.Якобсон, М.Г.Ярошевский и мн. др.

А вот диспозитив теорий творчества, который предлагает, в частности, Е.П.Ильин [22], с нашими теоретическими вкраплениями.

Психоаналитическая теория. Как известно, З.Фрейд разработал, по его словам, новую «археологию личности» (хотя сожалел, что сам термин «археология» придумал не он), выдвинул гипотезу о том, что в основе любых форм человеческой активности лежит единый стимул, а именно — *стремление к удовольствию*. Все модусы поведения и, особенно, творчества так или иначе находятся в зависимости от потребности удовлетворения, получения удовольствия.

Психоаналитическая теория творчества (З.Фрейд, К.Юнг) рассматривает два аспекта: *мотивацию* и *бессознательные компоненты творчества*. З.Фрейд полагал, что мотивы творчества связаны с эросом (влечением к жизни) и являются производными от сексуальных влечений. Творчество – это десексуализация, то есть перенос сексуальной энергии в творческую созидательную

деятельность. В продуктах творчества (прежде всего – художественного) воплощаются вытесненные стремления и переживания, происходит сублимация.

Другим положением теории З.Фрейда является утверждение, что важнейший источник творчества – это подсознание, бессознательные психические процессы. Бессознательное, по З.Фрейду, – самая «творческая» часть психики.

К.Юнг – ученик Фрейда – утверждал, что бессознательное является источником творческого дара, творческого вдохновения. Юнг выделял в человеке два начала – *личностное* и *творческое*, которые могут находиться в антагонистических отношениях. Юнг серьезно критиковал своего учителя во многом за гипертрофию роли индивидуальных сексуальных комплексов в творчестве и деятельности отдельных личностей. *То, что применимо к художнику как к личности, неприменимо к нему как к творцу*, считал Юнг. Однако творец искусства, как и творец себя – человек не от мира сего, творчество есть для него *способность выхода за границы данного мира* [42].

И все же К.Юнг не отрицает те психические комплексы, которые живут в индивиде и которые сформулировал З. Фрейд. Но он истолковывает их по-иному, рассматривая в качестве *архетипов*. Архетипы, согласно Юнгу, выступают как всеобщие образы, формы, идеи, представляющие собой доопытные формы знания, бессознательные *мыслеформы*. Коллективные образы наиболее явно претворились в формах народного фантазирования и творчества.

Таким образом, с позиций психоаналитических взглядов творческий дар – это рок, не подвластный сознанию и воле человека.

С позиций *гештальтпсихологии* творчество – это «замыкание» в процессе мышления в единое целое разрозненных фактов, приведение во взаимодействие отдельных хранящихся в памяти фрагментов знания, что приводит к творческому озарению (Келлер, 1930; Wertheimer, 1945).

Когнитивная теория творчества. Дж. Келли рассматривает творчество как альтернативу банальному. Не используя термин «творчество», Келли между тем разработал оригинальную теорию творчества и творческой личности, впервые описав альтернативное гипотетическое мышление. Для Келли человек – это исследователь, ученый, который эффективно, творчески взаимодействует с миром, интерпретируя мир, перерабатывая информацию, прогнозируя события. Жизнь человека – это исследование, постоянное выдвижение гипотез о реальности, с помощью которых он пытается предвидеть и контролировать события. Картина мира гипотетична, и люди формулируют гипотезы, проверяют их, то есть осуществляют те же умственные действия, что и ученые в ходе научного поиска. Жизнь – это творческий исследовательский процесс.

Гуманистическая психология. Предтечей гуманистического подхода к изучению творчества является А.Адлер. Он полагал, что каждый человек изначально обладает творческой силой, благодаря которой обеспечивается возможность управления собственной жизнью и создается собственный стиль. *Компенсационная теория* творчества А.Адлера рассматривает науку, искусство и другие области культуры как способ компенсации человеком своих недостатков. Творческое «Я», имеющееся у человека, влияет на каждую грань человеческого опыта и делает человека архитектором своей собственной жизни и творцом своей личности.

Творчество рассматривается как образ жизни человека (а не только как решение конкретных задач), а человек – как творец собственной жизни (Э.Фромм, Г.Олпорт и др.). Э.Фромм, например, определяет творчество как способность «удивляться и познавать, умение находить решения в нестандартных ситуациях, это нацеленность на открытие нового и способность к глубокому осознанию своего опыта».

Центральным понятием в теории К.Роджерса, основателя личностно-ориентированной терапии, является «поле опыта» (или «феноменальное поле»). Оно включает события, восприятие, ощущения и воздействия, которые человек отбирает по принципу нужности в своих творческих изысканиях, сам того, может быть, не осознавая.

Стремление к самоактуализации – главный мотив человеческой деятельности. Это стремление имеет врожденный характер, и на его осуществление оказывает значительное влияние *креативная установка личности*. Платой за отсутствие творческого начала является дезадаптация человека.

К.Роджерс (1994) пишет, что сама жизнь и восприятие мира есть творческий акт. Он определил внутренние и внешние условия творческой деятельности. К внутренним условиям он относил: 1) экстенциональность (открытость новому опыту); 2) внутренний локус оценивания; 3) способность к необыкновенным сочетаниям. Внешними условиями творчества являются: 1) психологическая безопасность и защищенность (признание безусловной ценности индивида, создание обстановки, в которой отсутствует внешнее оценивание); 2) психологическая свобода самовыражения. Сопутствующими компонентами творческого акта К.Роджерс считал эмоции (эстетические, эвристические, коммуникативные).

По А.Маслоу, «творчество – универсальная функция человека, которая ведет ко всем формам самовыражения» (2003, с. 486); способность к творчеству является врожденной («деревья дают листья, птицы летают, человек творит»), она заложена в каждом и не требует специальных талантов, поэтому творческими могут быть и домохозяйки, и бизнесмены, и профессора.

С.Медник (1969) разработал ассоциативную теорию творчества. По его мнению, суть творчества – в способности преодолевать стереотипы на конечном этапе мыслительного синтеза и в широте поля ассоциаций. Чем из более отдаленных зон смыслового пространства взяты элементы проблемы, тем более креативным является процесс решения. Творческий процесс, по Меднику, – это переформулирование ассоциативных элементов в новые комбинации, отвечающие поставленной задаче. Критерием креативности решений является величина отклонения от стереотипа.

Творчество, с точки зрения Д.Б.Богоявленской, является ситуативно нестимулированной активностью, проявляющейся в стремлении выйти за пределы заданной проблемы. Креативный тип личности присущ всем новаторам независимо от рода деятельности: летчикам-испытателям, художникам, музыкантам, изобретателям.

Теория развития творческой личности (Г.С.Альтшуллер). С точки зрения автора этой теории, способность к творчеству – не талант, а природа человека. Творчество – норма человеческого бытия. Творческие способности есть у всех, но творческий «генетический клад» сам по себе не откроется, пока не возникнет потребность у общества и не появится возможность реализации у личности.

Творчество реализуется в интеллектуальной и духовной деятельности человека. И связано со способностями, одаренностью индивида и его талантом.

Со ссылкой на А.В.Брушлинского (1979), российский ученый Д.В.Ушаков в статье «Психология одаренности и проблема субъекта» пишет, что «талант в современном английском и французском словоупотреблении понимается как творческая способность, проявившаяся в реальных достижениях». Но чтобы эти творческие достижения проявились, необходимы специальные условия, которые способствовали бы принятию и оценке таланта обществом.

Что касается одаренности, под которой Д.В.Ушаков в указанной выше статье понимает «как потенциальный талант, а талант – как реализованную одаренность», то вопрос заключается в частоте проявления одаренности (реализации) и, в конечном счете, превращения ее в талант. Однако здесь заключена методологическая трудность. Но что бы там ни было, очевидным является то, что *«между одаренностью и талантом лежит работа человека над собой»*. Как писал С.Л.Рубинштейн, *«способности человека – это снаряжение, которое выковывается не без его участия»*. Человек для достижения творческих результатов должен выступить субъектом своего жизненного пути.⁵

⁵ См.: Ушаков Д.В. Психология одаренности и проблема субъекта. // <http://rubinstein-society.ru/cntnt/nauchnie-raboti/sovremennie-issl/sovremennie-issl-2/d-v-ushakov.html>

Талант всегда индивидуален, так как творчество – индивидуально. Даже если талант будет материализован в совокупном творческом продукте (например, в спектакле, симфоническом концерте и т.п.), то он все равно не перестанет быть проявлением индивидуальности и самобытности.

И все же, главное, как мне кажется, – не развитие собственно творческих способностей, а *создание мотивации на их развитие, на творчество и овладение технологией творческого труда*. Основным способом развития творческой личности является самосовершенствование. Роль внешней среды сводится к убеждению личности в естественности процесса творчества и обучения ему, в снабжении личности технологиями творческой работы.

В.М.Вильчек (1989) считает, что творчество является особым видом труда, но если за право трудиться человек никогда не борется, ибо это – необходимость, проклятие рода человеческого, то за право на творчество, за созданные идеи люди шли на костер, поскольку мотивация творчества иррациональна и неудовлетворяема, потребность в творчестве родилась вместе с человеком и вместе с ним умрет. Любые подделки и суррогаты создаются за деньги, и лишь шедевры – задаром. Отсюда: творчество происходит не по принципам «потому что» или «для того чтобы», а «несмотря ни на что». Творческий процесс спонтанно возникает и завершается.

Справедливость этого взгляда на творчество имеет право на существование, что подтверждается биографиями многих поэтов, писателей, композиторов, которые, занимаясь творчеством, были на государственной службе. Например, композитор А.Бородин работал в химической лаборатории Медико-хирургической академии, писатель Сент-Экзюпери был

летчиком, поэт Тютчев служил в Министерстве иностранных дел, а Грибоедов был дипломатом. Они создавали свои шедевры не по оплачиваемому заказу, а по велению души.

О.В.Назаров (2007) полагает, что в психологическом аспекте творчество может рассматриваться как внутренне мотивированный процесс активного поиска личностью потенциальных возможностей гармоничного разрешения объективных и субъективных противоречий, обеспечиваемый непосредственным и опосредствованным отражением и выражением многогранности проявлений бытия с помощью различных средств.

Феномен креативности неразрывно связан со способностью к творческому мышлению. Другими словами, креативность – способность поступать творчески базируется на способности творчески мыслить.

Творческое мышление – один из интереснейших феноменов, выделяющих человека из мира животных. Уже в начале жизни у человека проявляется настоящая потребность самовыражения

через творчество, человек учится мыслить творчески, хотя способность к такому мышлению не является необходимой для выживания. Творческое осмысление является одним из способов активного познания мира, и именно оно делает возможным прогресс, как отдельного индивида, так и человечества в целом.

Попытки объяснить феномен творческого мышления делались еще античными философами и не прекращаются до сих пор. В XX веке его изучением занялись также психологи и специалисты по кибернетике. Несмотря на столь долгое внимание к проблеме, не все ее аспекты до конца раскрыты, поэтому исследования в этой области продолжаются.

Таким образом, как уже заметил проницательный читатель, ни в одной из перечисленных теорий творчества а) *не затронуты механизмы творчества, они продолжают оставаться вызовом современной науке;* б) *нет также даже намек на девиантологическую составляющую творчества.* И это не случайно. Ученые, в силу своих научных пристрастий, упустили, не учли в своих трудах одну очень важную особенность творчества: *творческий акт, творческий продукт – это не только (и даже не столько) предмет для признания, восхищения и почитания (хотя это, безусловно, важно для творца), сколько понимание того, что появление любого нового – это уже отклонение от нормы, стандарта, шаблона поведения и мышления, и потому воспринимается как «аномалия», как девиация.* При этом, как верно замечает Я.И.Гилинский, «чем значительнее новое отличается от привычного, обыденного, усвоенного, тем аномальнее оно выглядит» [10, с.469].

Рассмотренные теории и концепции, несмотря на ряд существенных открытий, обобщений и наблюдений, не являются исчерпывающими и полностью охватывающими проблему творчества. Исследователи ставят и разрабатывают проблему с позиций собственной методологии, на вполне определенном специфическом языке и, как правило, акцентируют внимание преимущественно на одном или нескольких ее аспектах.

ГЛАВА 2.

СИНТАГМА ИССЛЕДОВАНИЙ ДЕВИАНТНОСТИ

Сразу оговорюсь, что *синтагма* (греч. – классификация, систематизация) – категория науковедения, означающая специально созданную для решения насущных научных задач целостную, многокомпонентную, проблемно ориентированную, нестандартную и креативную систему знаний, определяющую направленность, методологию и методику исследований [49]. Это понятие близко категории «парадигма», но не равнозначно ей. «Парадигма – это совокупность философских, общетеоретических и мета-теоретических оснований науки» [54, с.328], а *синтагма* – *систематизированная и логически выверенная система знаний, полученных на базе разных парадигм*. Синтагму исследований девиантности нельзя придумать, но ее можно и должно эксплицировать [14; 27], то есть вывести из ранее полученных знаний о закономерностях девиаций.

Разработка синтагмы девиантности – инновационный шаг в науке (возможно, не безупречный), а потому не гарантирован от погрешностей.

Итак, рассмотрим научные направления, подходы и теории, с помощью которых изучается девиантность.

1. В рамках **философско-этического подхода** (А.П.Скрипник, О.Н.Замотаева и др.) девиантное поведение рассматривается с позиций морали. Наличие противоречивых тенденций в культуре приводит к их разрыву и доминанте морального зла, выражающихся во враждебности и распущенности.

2. **Биологическое направление** представлено *биосоциальной теорией, эволюционным подходом, этологическим подходом, психогенетическим подходом*:

- Ученые обосновывают связь между анатомо-антропологическими характеристиками человека и его преступным поведением. Введено понятие «врожденный преступник» (Ч.Ломброзо и др.);

- Девиантное поведение рассматривают как проявление видовых наследственных программ (Ч.Дарвин, Т. Гексли и др.);

- Изначально поведение человека рассматривается как агрессивное, основанное на инстинктах (К. Лоренц и др.);

- Выявлены наследственные детерминанты поведения человека (Ф.Гальтон, Г.Мендель и др.);

- Обоснована связь между типами темперамента, типами соматического строения человека и его поведением (У. Шелдон);

- Долгая эволюция человека создала условия преемственной передачи наследственных этических реакций, в том числе и отклоняющихся от норм (В.Эфроимсон);

- Утверждается, что человек рождается с потенциалом конструктивной агрессивности, и в случае, если она подавляется, появляется деструктивная агрессивность (Г.Аммон), что агрессивность заложена в человеческих генах (В.Д.Плахов);

- Генетические исследования показывают, что наличие лишней Y-хромосомы у мужчин обуславливает предрасположенность к криминальному поведению (У. Пирс);

- Изучая заключенных, был сделан вывод, что экстраверты более склонны к совершению преступлений, чем интраверты, а это, в свою очередь, детерминировано на генетическом уровне (Г.Ю.Айзенк).

3. **Биокриминология** утверждает, что повышение уровня тестостерона ведет к склонности к антиобщественному поведению (Даббс, Моррис), что девиантное поведение детерминировано половыми и возрастными факторами (У.Гоув), что существует тесная связь между девиантным поведением и индивидуально-типологическими особенностями человека (Г. Айзенк).

В рамках биологического направления существуют и другие факторы, объясняющие генезис девиантного поведения:

- Повреждения головного мозга, органические заболевания мозга, определенные свойства нервной системы (А.Торгенсен, К.Льюис, П.Келли);

- В основе всех видов девиантного поведения лежит сходный мозговой дефект, связанный с нарушением функциональной асимметрии мозга с ведущим дефицитом правополушарных функций. Это объясняет высокую коморбидность поведенческих расстройств между собой, а также с эмоциональными и обсессивно-компульсивными расстройствами, связанными с правополушарной дисфункцией, в первую очередь с тревогой и депрессией [16].

4. **Психологическое направление** представлено психоаналитическими теориями, экзистенциально-гуманистическим подходом, поведенческим подходом (бихевиоризм), эмпирическим подходом, педагогическим подходом, отечественной психологией.

- **Психоаналитические теории.** Постоянный конфликт между бессознательными влечениями и социальными ограничениями естественной активности человека (З.Фрейд); защитные механизмы работают бессознательно и становятся частью индивидуального стиля борьбы с трудностями (А.Фрейд); причина девиаций заключается в дефиците эмоционального контакта, «теплого» общения ребенка с матерью в первые годы жизни (Д.Боулби, Г. Салливан, К.Хорни); индивидуальная психология А.Адлера объясняет: младенец появляется на свет с двумя базовыми чувствами-стремлениями 1) чувством неполноценности и стремлением к совершению поступков

как компенсация этого чувства и 2) социальным чувством общности и стремлением к установлению значимых социальных отношений. При недостаточной или извращенной компенсации чувство неполноценности переживается особо остро и переходит в комплекс неполноценности. В случае нарушения поведения комплекс неполноценности сочетается с неадекватной жизненной установкой и неразвитым социальным чувством. У аномальной личности стремление к достижению превосходства препятствует развитию чувства общности.

Однако основным недостатком психодинамического подхода, по мнению Т.А.Хагурова [64], является присущее ему сведение онтологии человеческого к онтологии биологического. Соответственно девиантность (в частности, по Фрейд) соответствует глубинной человеческой природе, представленной в «Оно». С этой точки зрения моральное либо аморальное поведение – лишь разные формы взаимодействия «Оно» и «Сверх-Я». Между тем, категории «правды», «долга», «любви», «истины» играют важнейшую роль в морально-мировоззренческом дискурсе всех исторических типов обществ, определяя характер и направленность деятельности институтов социализации и социального контроля. Полностью сводить их к адаптации нельзя. Практики чистой адаптации (например, так называемое «приспособленчество») явно отличаются от практик морального долга, часто дезадаптивных, но оправдываемых моральным дискурсом практически всех культур.

Наибольшим методологическим потенциалом среди психодинамических теорий обладает концепция архетипов и коллективного бессознательно К. Юнга, выводящая исследователя на базовые способы интерпретации человеком действительности и поведения по отношению к ней [65].

• ***Экзистенциально-гуманистический подход.***

С точки зрения клиенто-центрированной психологии К.Роджерса, у аномальной личности процесс самоактуализации заблокирован и существует лишь в возможности. Нереалистичные, искаженные представления о себе, противоречивый опыт, внутренний конфликт между потребностью в самореализации и оценок извне вызывает проблемное поведение; концепция самоактуализации А.Маслоу утверждает, что отклонения в поведении выступают как следствие потери ребенком согласия со своими собственными чувствами и невозможность найти смысл и самореализацию в сложившихся условиях воспитания; концепция экзистенциальных противоречий Э.Фромма говорит о том, что человек вынужден преодолевать экзистенциальные противоречия (конфликт между стремлением к реализации всех возможностей и недостаточная для этого продолжительность жизни). Человек реагирует на них с помощью различных механизмов:

1) авторитарная личность отказывается от собственного Я, крайнее выражение – садомазохистский комплекс;

2) автоматизирующий конформизм, при котором человек утрачивает свою индивидуальность;

3) деструктивность – отчуждение от мира через его разрушение; по мнению автора экзистенциального подхода В.Франкла, девиантное поведение возникает потому, что люди подавляют свою духовность, уходят от ответственности за поиск смысла.

Таким образом, психологи-гуманисты (Э.Фромм, К.Роджерс, А.Маслоу) достаточно близко подошли к исходным основаниям девиантологического дискурса, заявив, что *патология – это невозможность реализовать собственную онтологию, которая изначально позитивна*. Характерной чертой этой точки зрения является то, что понятие «нормы» здесь смешивает реальность и предписание. Разработанный гуманистической психологией образ «идеально здорового человека» – это философско-антропологическая концепция, представляющая собой один вариант *эвдемонизма* – этики счастья. Между тем, девиантогенные симптомы сознания и поведения современного человека плохо поддаются объяснению с этой точки зрения. Современный человек, к сожалению, утрачивает *осмысленность* мира и себя самого. Происходит это на фоне и вследствие «размывания» категорий Добра и Зла [64]. Один из призывов гуманистических психологов – вернуть человеку его «аутентичность» – сегодня актуален как никогда.

• **Поведенческий подход (бихевиоризм).** Общая методология исследования человеческого поведения в бихевиористской парадигме отличается выраженным редуccionизмом. Она полностью укладывается в формулу «человек есть думающая и хотящая машина». Активно используется метафора «черного ящика», имеющего «входы» и «выходы» – стимулы и реакции. Поведение полностью соответствует принципу адаптации – избеганию наказаний и получению вознаграждений. При этом игнорируется, что девиантность – также адаптация к каким-либо условиям. Отсюда базовый методологический вопрос: *к какой среде следует адаптироваться*, то есть какая среда «нормальна»? Ответа на него бихевиоральная парадигма не допускает [65].

Поведенческий подход представлен следующими теориями:

1) классическое обусловливание (И.П.Павлов, Дж.Б.Уотсон). Девиантное поведение является результатом научения условной реакции. При этом существуют только три типа неприобретенных эмоциональных ответов на стимулы – страх, гнев и любовь;

2) оперантное обусловливание Б.Ф.Скиннера. Девиантное поведение определяется как результат сложного обусловливания среды;

3) теория инкубации реакций тревоги Г.Ю.Айзенка. Условная реакция страха (тревоги) усиливается при каждом предъявлении условного стимула, образуя цикл положительной обратной связи и отклонениям в поведении;

4) теория социального научения А.Бандуры. Девиантное поведение социально обусловлено, поскольку за ним стоят сложнейшие навыки, требующие специального научения. Таким образом, девиантному поведению учатся, так как девиант должен знать, что делать, как делать и в каких условиях;

5) когнитивная модель А.Бека и рационально-эмотивная теория А.Эллиса. В основе нарушенного поведения лежат неадаптивные мыслительные схемы. Неадекватные когниции запускают неадекватные чувства и действия;

6) копинг-поведение (Л.Мёрфи, Р.Лазарус, Е. Хэйм, В.М.Ялтонский). Личности с проблемным поведением, например, зависимым, склонны к малопродуктивным копинг-стратегиям, таким как уход от проблем и трудностей, отрицание и изоляция;

7) системное консультирование и системная семейная психотерапия (С.А.Кулаков, А.Черников). Девиантное поведение как результат семейного неблагополучия.

• **Эмпирический подход.** Сущность подхода заключается в чисто эмпирической, феноменологической классификации, где каждый поведенческий различимый устойчивый симптомокомплекс получает свое название (например, аутизм, депрессия и т.д.). Такой подход является попыткой сблизить психиатрию и психологию и поэтому использует для описания типов отклонений понятие синдрома как некоторого устойчивого образования в структуре личности (D.Hallahan, J.Kauffman).

• **Педагогический подход** утверждает, что причиной роста девиантного поведения являются недостатки воспитательной работы с детьми и подростками (М.П. Стурова, В.И.Силенков).

• **Отечественная психология.** Девиантное поведение является результатом отклонения в формировании личности как искажение нормы, представленное в психических заболеваниях (Г.М.Бреслав); актуализация потребностей достигается путем создания опасных, угрожающих их удовлетворению ситуаций. Цель: получение чрезвычайно сильных, амбивалентных переживаний, возникающих в момент опасности (И.Ю.Борисова, Н.В.Майсак).

5. **Социологическое направление** представлено: теорией аномии, теорией «социальных обручей», теорией структурной напряженности, чикагской школой, теорией девиантной социализации, теорией стигматизации (наклеивания ярлыков или клеймения), интеракционистским подходом, культурологическим подходом, криминологическим подходом, теорией опасного состояния.

- **Теория аномии.** Причина девиантного поведения кроется в социальной дезорганизации. Девиация происходит вследствие нарушения или отсутствия ясных социальных норм (Э. Дюркгейм); причина девиаций – разрыв, несоответствие между культурными целями общества и социально одобряемыми средствами их достижения. Аномия возникает в силу определенных обстоятельств, порожденных социальной структурой (Р.Мертон); Т.Парсонс объясняет возникновение девиантных мотиваций невыполнением ожиданий.

- **Теория «социальных обручей».** Чем больше люди верят в ценности, принятые обществом, чем активнее они стремятся к участию в социально одобряемой деятельности, тем меньше вероятность, что они совершат девиантные поступки (Т. Хирши).

- **Теория структурной напряженности** характеризует девиантное поведение как следствие разочарования личности. Если человек не занимает прочного положения в обществе или не может достичь поставленных целей законными способами, то рано или поздно возникает разочарование, напряженность, человек начинает ощущать свою неполноценность и может использовать девиантные методы для достижения своих целей (Дж. Ритцер).

- **Чикагская школа.** Девиации многих видов возникают в тех случаях, когда культурные ценности, нормы и социальные связи разрушаются, ослабевают или становятся противоречивыми (К. Шоу, Г.Маккей).

- **Девиантная социализация.** В западной социологии и криминологии в отличие от отечественной науки для анализа процессов девиантной социализации широко используется понятие «девиантной или делинквентной карьеры». По мнению американского исследователя этой проблемы П.Леткеманна, девиантная карьера означает не профессию, а негативное поведение личности, для которого характерен «ряд отклонений и преступлений, совершаемых в течение определенного времени, который можно сравнить с карьерой в законной деятельности».

Говард Беккер на примере наркоманов одним из первых исследовал стадии становления девиантной карьеры, проходя которые, человек превращается в постоянного потребителя марихуаны. Исследование Г.Беккера показало, что люди, первый раз попробовавшие наркотики, часто не получают от них удовольствия. Оказалось, что новички приобщаются к «зелью» в присутствии более опытных наркоманов, получая от них инструкции и образцы ролевого поведения. В итоге молодой человек делает карьеру наркомана, осваивая девиантные роли «потребителя» и «покупателя» наркотиков, приобщаясь к субкультурным нормам данного статуса на основе обучения соответствующей технике потребления и восприятия эйфоризирующих эффектов.

Дэвид Матза, анализируя процесс становления наркомана в конце 60-х годах, уточняет этапы девиантной карьеры, выделяя три основные ступени: а) влечение, б) присоединение, в) осмысление.

Гринвуд и Лавин открыли два основных типа девиантных карьер: «интенсивной» и «прерывистой». Исследователи установили, что интенсивная карьера девианта особенно социально опасна, так как она складывается у несовершеннолетних, вовлеченных в преступные роли в раннем возрасте, и продолжается длительное время. Такие девианты тщательно планируют и часто совершают преступления, совершенствуя воровские навыки. Девианты с прерывистой карьерой совершают преступления нерегулярно и менее профессионально.

Выдающийся российский ученый Я.И.Гишинский ввел в научный оборот криминологии и социологии термин «девиантология» для обозначения науки, изучающей девиантность и девиантное поведение. По мнению ученого, девиации присущи всем уровням и формам организации мироздания; вся жизнь человека есть не что иное, как онтологически нерасчлененный процесс жизнедеятельности по удовлетворению своих потребностей. Неудовлетворенная потребность в самоутверждении приводит к попыткам реализовать себя не только в творчестве (что достаточно сложно), но и в негативных формах активности – насилии, преступлениях или же приводит к ретритизму, «уходу» в алкоголь, наркотики, из жизни [10].

А.И.Ковалева считает, что социализация индивида всегда имеет отклонение. Оно определяется несоответствием социализации как объективного и субъективного процесса сложившейся в данном обществе на конкретном историческом этапе социализационной норме.

Т.А.Хагуров выявил девиантогенные последствия дисфункций процессов социализации и социального контроля в условиях экспансии массовой потребительской культуры, а также определил возможности и ограничения существующих теорий девиантного поведения в объяснении и анализе этих последствий [65].

- **Теория стигматизации** (наклеивания ярлыков или клеймения). Девиация – это не качество поступка, который совершает человек, а следствие применения другими людьми правил и санкций против «нарушителя». Здесь понятие девиации подразумевает наличие внешнего арбитра, определяющего, что считать нормой, а что – отклонением от нее (Г.Беккер, И.Гоффман, Ф. Уертхем, Г.Сайк, Д.Матза).

- **Интеракционистский подход.** Девиантность не является следствием, внутренне присущим какому-либо социальному поведению, а представляет следствие социальной оценки (стигматизации, клеймения) определенного поведения как девиантного. Девиация обусловлена способностью влиятельных групп

общества навязывать другим слоям (стратам) определенные стандарты (Ф.Танненбаум, Э.Гоффман, Э.Лемарт).

• **Культурологический подход.** Ведущая роль принадлежит субкультуре (Дж.Миллер, Э.Сатерленд, Я.И.Гишинский, Ю.А.Клейберг, В.В.Колесов). Девиация имеет место, когда индивид идентифицирует себя с субкультурой, нормы которой противоречат нормам доминирующей культуры. По мнению Я.И.Гишинского, «каждое общество – девиантогенно, ибо порождает все позитивные и негативные девиации; девиантогенность богатого общества лучше, чем нищего; экономическое неравенство между странами и социальными стратами внутри каждой страны – один из главных девиантогенных факторов» [10].

• **Конфликтологический подход.** Здесь рассматривают «девиантов» не как нарушителей общепринятых правил, а как бунтарей, выступающих против капиталистического общества, против капиталистической экономической системы. Девиация – результат противодействия нормам капиталистического общества (Д.Квинни, А.Л.Маршак, О.С.Осипова, В.Ю.Большаков). Т.Селлин в этой работе «Конфликт культур и преступность» (1938) рассматривал в качестве криминогенного фактора конфликт между культурными ценностями различных сообществ.

Теория конфликта особо подчеркивает неравенство в распределении власти и богатства в обществе. Теоретики конфликта марксистской школы рассматривают неравенство, как порождение капиталистической экономики. Однако ученые других школ отмечали, что неравенство в распределении власти и привилегий существуют во всех обществах, независимо от типа экономики или политического режима [67].

• **Криминологический подход.**

Криминологи ориентированы на поиск базовых причин преступности, коренящихся в специфике общественного устройства и особенностях отношений между членами социума. Ю.Ю.Комлев в своей книге (2013) проанализировал, структурировал и описал как известные, так и малоизвестные теории, подходы и традиции исследования девиантного поведения. Автор также делает оговорку на то, что работа содержит дискуссионные моменты в области девиантологической теории, которые получили авторскую интерпретацию и оценку [41].

К факторам, способствующим девиации, относятся:

- 1) уклонение от общественно-полезной деятельности;
- 2) наличие психической аномалии;
- 3) употребления наркотических средств;
- 4) повышенная внушаемость;
- 5) низкий культурный уровень;

б) совершение в прошлом девиантных поступков и др. Внутренняя сущность социальной девиации – характерный для индивида образ жизни, подчиняющий себе все интересы и помыслы (И.В. Севастьянова).

• **Теория опасного состояния.** Преступление возникает на основе предшествующего его совершению определенного психологического состояния, предрасполагающего к вступлению в конфликт с социальными нормами (Л.Матти).

Таким образом, ключевые положения основных социологических моделей объяснения девиантности сводятся к признанию норм и отклонений социальными конструкциями, имеющими конвенциональную или репрессивную природу. Основу такого понимания заложили Э.Дюркгейм и К.Маркс, сформулировавшие два базовых положения:

1). Девиантность проявляется тогда, когда поведение индивида (группы) вступает в противоречие с ценностями и нормами сообщества (Дюркгейм);

2). Любые ценности и нормы формируются под влиянием господствующих групп (классов), которые используют их в своих интересах (Маркс).

Эти идеи, как считает Т.А.Хагуров, легли в основу всех современных теорий отклоняющегося поведения в социологии. Базовый методологический принцип социологического подхода к изучению девиантности можно сформулировать так: *девиантность социально определена, и никакое поведение само по себе девиантным не является, но становится таковым при отклонении от социально признанных (здесь и сейчас) стандартов.* Последовательное рассмотрение перечисленных выше теоретических направлений убеждает в том, что все они, так или иначе, опираются на данный принцип [64; 65].

6. **Социально-психологический подход.**

Р.Харре, С.Линг. Девиантное поведение – результат сложного взаимодействия процессов, происходящих в обществе и сознании человека. Девиантное и нормативное поведение – две равноценные составляющие социально-ролевого поведения. Девиантное поведение становится все более рациональным.

Т.Шибутани. Девиантное поведение детерминировано тремя факторами:

1). Поведение оценивается как девиантное теми, кто не является участником той же самой эталонной группы.

2). Девиантное поведение возникает в результате временной утраты самоконтроля, под влиянием сильного возбуждения (импульсивно).

3). Многие формы девиантного поведения являются фиксациями, основанными на защитных по своей природе значениях. Компульсивные шаблоны.

Ю.А.Клейберг. Социальная среда воздействует на функционирующую в ней систему отношений и поведения личности, которая избирательно воспринимает и перерабатывает эти воздействия в соответствии со своей внутренней природой, а система отношений, в свою очередь, активно воздействует на среду, сознательно или бессознательно.

Девиантное поведение личности регулируется ее диспозиционной системой, состоящей из различных диспозиционных образований, зависящих от витальных и социальных потребностей и от уровня социальной ситуации [31; 32; 33; 34; 35].

А.Ю.Егоров изучал феномен «девиантное поведение» с нейропсихологических позиций и дал такое определение: «девиантное поведение – это устойчивое поведение личности, отклоняющееся от наиболее важных социальных норм, причиняющее реальный ущерб обществу или самой личности, а также сопровождающееся ее социальной дезадаптацией» [17].

Е.В.Змановская. Единство социального и природного в детерминации отклоняющегося поведения личности: внутренние биологические процессы играют определенную роль в формировании отклоняющегося поведения. Они определяют силу и характер наших реакций на любые средовые воздействия. Девиантное поведение личности представляет собой сложную форму социального поведения, детерминированного системой взаимосвязанных факторов – условий и психологических причин [18].

Таким образом, девиантное поведение является результатом деформации ценностных ориентаций и ценностно-нормативных представлений, то есть системы внутренней регуляции поведения. Поэтому ***девиантное поведение это – специфический способ изменения социальных норм и ожиданий посредством демонстрации личностью (социальной группой) ценностного отношения к ним*** [30; 31; 32; 33; 34; 35].

Однако замечу, что представленная нами синтагма не выражена ни в одной из представленных теорий и концепций. Безусловно также и то, что предложенная синтагма, нуждается в теоретической корректировке и эмпирической проверке. Однако даже в таком виде она открывает перспективы для дальнейшей институционализации психологии девиантного поведения и девиантологии в целом, и исследовательские данные этих наук приобретут общезначимый характер, что, несомненно, будет способствовать появлению новых теоретических подходов, концепций и парадигм, подкрепленных интересными эмпирическими исследованиями.

ГЛАВА 3.

МОТИВАЦИОННЫЙ КОНФЛИКТ – РЕСУРС КРЕАТИВНОСТИ ЛИЧНОСТИ

**«Люди, носящие в себе задатки внутреннего конфликта,
являются наиболее творческими натурами»**

Э. Кречмер

Не побоюсь сказать, что творчество конфликтогенно и оппозиционно по своей природе, вызывающее психоэмоциональное напряжение, связанное с выбором, сомнениями и борьбой; оно отражает перестройку ценностно-мотивационной системы личности. Поэтому творческая деятельность личности во многом связана с различными конфликтами: межгрупповыми, межличностными, внутриличностными.

Мотивационный конфликт относится к разделу внутриличностных конфликтов и представляет собой в традиционном понимании ситуацию необходимости выбора модели поведения, уровня активности, определения цели, на достижение которой направлена сумма различных факторов. При этом для осуществления выбора человек располагает либо равнопозитивными вариантами, либо равнодеструктивными, либо каждый из вариантов имеет и позитивное (продуктивное, оптимальное), и деструктивное (разрушающее личностные структуры человека) начало.

Равнозначность возможностей часто рождает деструктивную форму конфликта, то есть если использовать язык физики и третий закон Ньютона, силы действуют в противоположных направлениях вдоль одной прямой, результатом чего становится образование динамики, движения энергии. Осмысление, то есть сознательное отношение к видимости равнозначности рождает сумму аргументов «за» и «против». Так возникает конструктивная форма реализации конфликта.

Проблема внутриличностного конфликта активно разрабатывается в западной психологии. В зарубежных исследованиях внутриличностный конфликт рассматривается, исходя из понимания личности, которое сложилось в рамках определенного психологического направления: *психоаналитического* (З.Фрейд, К.Г.Юнг, А.Адлер, Э.Фромм, К.Хорни, Э.Эриксон), *гуманистического* (А.Маслоу), *когнитивного* (Л.Фестингер, Г.Айзенк),

гештальтистского (К.Левин). В теории *психосинтеза* внутриличностный конфликт рассматривается как острое противоречие внутри личности, снижающие цельность «Я» (Р.Ассаджиоли). В большинстве теорий внутриличностного конфликта, разработанных зарубежными психологами, основу составляют категории противоречий, внутренней борьбы, несогласия и понятия психологической защиты как способа преодоления конфликта.

Не имея возможности рассмотреть все названные направления, ограничусь лишь теми, которые более всего соответствуют замыслу нашей монографии. А именно: типовая схема возникновения внутреннего конфликта человека по З.Фрейду; подход К.Левина и ролевой подход.⁶

Типовая схема возникновения внутреннего конфликта человека по З. Фрейду

Согласно З.Фрейду, при неблагоприятном стечении обстоятельств внутри личности могут конфликтовать три инстанции: *Id* (Оно), *Ego* (Я), *Super-Ego* (Сверх-Я).

Конфликт в системе «ОНО – СВЕРХ-Я»

Конфликт в данной системе на уровне примеров является менее всего представленным в рамках классического психоанализа. Тем не менее, его аналоги все же можно либо найти, либо гипотетически сконструировать (то есть проявить творческую изобретательность). Наиболее известным примером является ситуация, года голодный человек стоит у витрины хлебного магазина, за стеклом которой разложена аппетитная выпечка. «Оно» (в соответствии с витальными инстинктами) как бы говорит: «Разбей витрину и возьми то, что нужно, иначе умрешь с голоду!». Однако со стороны «Сверх-Я» звучит: «Этого делать нельзя, поскольку это плохо для тебя закончится, тебя накажут! Попробуй найти более приемлемый способ добычи пищи».

Сложность решения данного конфликта заключается в том, что часто импульсы, затрагивающие инстанции «Сверх-Я» и «Оно», не выглядят так явно, как это представлено выше, поскольку «голос совести» и инстинкты витального содержания трудно вербализуемы. Хотя «игру» «Сверх-Я» и «Оно» мы можем наблюдать в искусстве и творчестве художников (артистов, музыкантов, писателей и др.).

Конфликт в системе «ОНО – Я»

На уровне «Оно – Я» причиной конфликта являются сексуальные импульсы, соответствующие принципу удовольствия,

⁶ Далее использован материал по: Ефимова О.И., Клейберг Ю.А., Калинин И.В., и др. Социальная норма. Девиантное поведение. Конфликт. Коллективная монография / Под общ. ред. Ю.А.Клейберга. Краснодар, 2003.

которые из сферы бессознательного стремятся прорваться в сферу сознания. Именно в системе «Оно – Я» сосредоточена основная часть психологических защит, которые З.Фрейд рассматривал как средство борьбы с запретными сексуальными влечениями.

Однако оказалось, что психологические защиты используются и в случаях возникновения других социально неприемлемых и осуждаемых аффектов – зависти, ненависти, агрессивности, ревности, лени и др., а также при бессилии, фрустрации, чувстве вины и т.п., выступая в качестве «скорой психологической помощи» в стрессогенных ситуациях. И все это происходит, замечу, бессознательно! На современном этапе развития науки таких защит насчитывается более 50. Кстати, сам Фрейд не считал свою теорию защитных механизмов ни завершенной, ни даже проработанной. Упоминание о тех или иных психологических защитах разбросаны им по различным его работам. Причем прослеживается описание всего лишь *деяти видов психологической защиты*: вытеснение, регрессия, реактивное образование, изоляция, проекция, отрицание, замещение, рационализация, сублимация. Характеристику данных защит мы опускаем, так как она представлена во многих психологических источниках и не является целью монографии.

Конфликт в системе «СВЕРХ-Я – Я»

Мы уже указывали, что порой «Я» остро необходима поддержка со стороны «Сверх-Я» в силу разнообразных соблазнов, возникающих на жизненном пути человека. Однако иногда «Сверх-Я» может излишне репрессировать «Я» в силу специфического содержания запретов и норм, не всегда соответствующим реалиям настоящего времени, в котором живет человек. Дело в том, что нормы и запреты, которые закладывают в нас в раннем возрасте наши родители, трудно изменить во взрослом возрасте. Вместе с тем они, как минимум, на 20 лет старше того времени, в котором мы живем. Другими словами на уровне нашего «Сверх-Я» действует инстанция в «минус 20 лет». Легко представить, что за 20 лет жизни социальная ситуация, в которой мы живем, может кардинально измениться. Достаточно вспомнить недалекое прошлое нашего государства, когда считалось, что «делать карьеру», иметь много денег, вступать в интимные отношения до заключения брачных отношений – предосудительно.

Совершенно очевидно, что нынешняя социальная ситуация до неузнаваемости отличается от ситуации двадцатилетней давности. Вместе с тем на уровне «Сверх-Я» продолжают действовать нормы, соотносимые с тем периодом. Поэтому, совершая поступок на уровне «Я» в направлении реализации тех норм, которые существуют сейчас, мы подвергаемся жесткой критике со стороны «голоса совести», стоящего на позиции «минус 20 лет». Это один из вариантов внутренней ситуации, когда «голос совести грызет сознание». В случае, когда расхождения внутренних стандартов и внешней

социальной ситуации велики, а человек, достаточно чувствительный в личностном плане, совершает поступок, который даже с позиций сегодняшнего времени вызывает сомнения, может возникнуть депрессия, которая в своем крайнем проявлении может привести к суициду.

Подход Курта Левина

Здесь мы будем говорить (с определенной долей осторожности) о трех типах конфликтов, выделенных К.Левиним.

Конфликт типа «приближение – приближение» («плюс – плюс»)

Это конфликт между двумя положительными целями. Для иллюстрации конфликта данного типа часто приводят задачу, сформулированную еще в XIV веке ректором Парижского университета И.Буриданом, впоследствии получившей название притчи о Буридановом осле. Суть притчи такова: находясь между двумя охапками сена на равном расстоянии, осел не смог выбрать, в каком же направлении ему следует идти, какую охапку сена ему съесть первой, и умер от голода. Другие примеры такого типа выглядят следующим образом: 1). Ребенок находится между двумя положительными валентностями. Он должен выбрать между пикником и игрой со своими товарищами. 2). Женщина, решающая, за кого из двух претендентов на ее руку и сердце выйти замуж. 3). Какую работу из двух возможных предпочесть и т.д.

Однако, тем не менее, выбор одной из них означает потерю другой, и эта неизбежность делает конфликт весьма чувствительным. Чем равноценнее объекты, тем глубже возникающий конфликт, и человек надолго может оказаться на полпути между ними. Но это равновесие неустойчиво, поскольку привлекательность объекта увеличивается по мере приближения к нему, а удаление от второй из возможных целей ее привлекательность снижает.

Вспомним известную телеигру Л.Якубовича «Поле чудес»: как только перед игроком появляется выбор: «приз или деньги», и как только человек делает первое движение к одной из целей (либо берет деньги, либо приз), притягательная сила выбранной цели слегка увеличивается, в то время как притягательность второй цели уменьшается, хотя и не исчезает совсем – велик соблазн и той цели, и другой. В результате силы притяжения перестают быть уравновешивающимися, и человек все более энергично стремится к более надежной и осязаемой для него цели (с точки зрения выигрыша). Ведь деньги он реально видит и может их тут же забрать, в отличие от «черного ящика», в котором заключена тайна (возможно, с серьезным выигрышем или в виде шутки) заманчивая, но непонятная.

Конфликт типа «избегание – избегание» («минус – минус»)

В данном случае имеется в виду ситуация, когда человек вынужден выбирать между двух нежелательных вещей. Это случай выбора меньшего из двух зол, как говорят англичане, «выбор между дьяволом и морской пучиной». Например: а) сотрудник фирмы должен решить, согласится ли он на перевод в другой город, который ему не нравится, или уволиться с данной фирмы; б) сотрудник фирмы должен решить либо уйти с работы по собственному желанию, либо быть уволенным по статье (неравнозначные негативные последствия – слабый вариант); в) человек должен сделать выбор: либо согласиться работать на врага, либо сведения, порочащие честь человека, попадут к значимым для него лицам; г) ситуация, описанная в греческой мифологии, между Сциллой и Харибдой и т.д.

В ситуациях, которые подобны описанным выше, равновесие остается устойчивым до самого последнего момента, то есть человек, сколько возможно, откладывает решение в пользу одной из нежелательных возможностей. Как только человек делает шаг в сторону одной из приятных альтернатив, ее отталкивающая сила уменьшается. Вместе с тем этот же шаг приближает его к другой неприятности, ее отталкивающая сила увеличивается, и человек возвращается на исходную позицию. Обычно дело решается вмешательством третьей силы. Например, начальник служащего требует, чтобы тот сообщил о своем согласии на перевод в другой город к определенной дате.

Конфликт типа «приближение – избегание» (плюс – минус)

Ситуация «сближение – избегание» отчасти уже была рассмотрена выше. Это и есть конфликт в полном смысле слова, во всяком случае, он вызывает наибольшие переживания. На человека действуют силы притяжения и отталкивания в одном и том же направлении. В основе конфликта может лежать то, что цель сама по себе имеет и положительные, и отрицательные стороны, например, хорошо оплачиваемая работа, ради которой нужно переехать в другой город, который не нравится. Конфликт может возникнуть также из-за того, что достижение желанной цели сопряжено с некоторыми неприятностями: например, крыса должна соприкоснуться с электрическим контактом, чтобы добраться до пищи; алкоголик должен пережить похмелье, прежде чем он снова почувствует себя хорошо. Возможен также случай, когда достижение положительной цели неизбежно сопровождается чем-то неприятным: съеденное ребенком без разрешения вкусное варенье и наказание; хорошая выпивка и похмелье; запретное удовольствие и потеря самоуважения являются примерами этого.

Конфликт «сближение – избегание», как и «избегание – избегание», приводит к устойчивому равновесию: на некотором расстоянии от цели силы притяжения и отталкивания

уравновешиваются, и приближение к цели увеличивает как ту, так и другую (или удаление ослабляет их обе).

Рассмотренные варианты кратковременного конфликта, конечно же, упрощены, они не отражают всей динамики мотивационных процессов. Во многих ситуациях целевой градиент меняет свой знак. «Сближение – сближение», например, приводит к тому, что при приближении к достижению одной из положительных целей мы начинаем видеть другую, как еще более желанную, и снова возвращаемся к ней. Такие колебания могут длиться достаточно долго.

Ролевой подход Р. Линтона

Автором этого подхода является американский антрополог Ральф Линтон, который рассматривает роль как динамический аспект статуса, то есть его наиболее изменчивая сторона.

Классификация внутренних ролевых конфликтов

Инtrarолевой конфликт (конфликты внутри одной роли) – различные ролевые представления, то есть имеющиеся у субъекта различные правила о том, как должна проигрываться собственная роль или же различные ожидания к субъекту как к исполнителю единственной роли. В основе конфликта данного типа лежит «*кластерный эффект*».

Кластерный эффект возникает из-за того, что не существует практически ни в одной роли, которая не представляла бы собой ролевой кластер или ролевой конгломерат, состоящий из нескольких ролей. К примеру, роль матери состоит не только из роли роженицы, она складывается из нескольких различных ролей, таких как роль кормилицы, любящей опекунши, попечительницы, воспитательницы детей. Как правило, отдельные роли такого ролевого кластера не актуализируются одновременно. В то время как один из них проявляется, другие остаются латентными. Тем не менее, латентные роли кластера оказывают влияние на роли актуализированные. Этот феномен Якоб Леви Морено и назвал кластерным эффектом.

Интерролевые конфликты – конфликты, происходящие из двух и более ролей, которые играет один и тот же человек. Интерролевые конфликты возникают в том случае, если дивергируют (обнаруживают расхождение), а иногда исключают друг друга две или несколько ролей. Возможна такая ситуация, когда молодой человек обладает двумя талантами и интересами, например, к музыке и биологии, занятия которыми взаимно исключаются. При благоприятных условиях, таких как хорошее здоровье, нормальные межличностные отношения, благоприятные внешние условия и внутренняя безопасность, акциональный голод молодого человека

может быть достаточно велик, чтобы на протяжении длительного времени позволять ему добиваться хороших результатов в обеих сферах. Но если на освоение программы по музыке и по биологии не хватает времени суток, то возникает интерролевой конфликт, который нарушает психическое равновесие вовлеченного в него человека.

Интраперсональный конфликт – конфликт, который имеет свою причину не в нынешнем положении клиента, а в прошлой ситуации.

Интраперсональный конфликт тянется из прошлого. Личность никогда целиком не расстается ни с одной ролью. Каждая новая маска, новая роль наслаивается на предшествующую, и они определяют черты новой маски, формируют и деформируют новую роль. Например, молодой любящий муж не проявляет заботы и нежности в отношении жены, так как эта модель поведения не усвоена им в детстве. Он не видел эмоциональности отца, так как она блокировалась матерью. Переживание чувств и неспособность их выразить приводят к переживанию интраперсонального конфликта.

Интерперсональный конфликт возникает между разными людьми, если они находятся в дивергентных ролях, например один и тот же человек по отношению к другому может быть и начальником, и другом: действия в роли начальника часто не соответствуют ожиданиям от роли друга. Поэтому одновременное существование в таких ролях потенциально несет конфликт.

Подходы отечественных психологов к пониманию внутреннего конфликта

Отечественная школа видит внутриличностный конфликт как столкновение двух сильных, но противоположно направленных тенденций (А.Р.Лурия), «результат острого неудовлетворения глубоких и актуальных мотивов и отношений личности» (В.Мерлин), столкновение двух внутренних побуждений, отраженных в сознании в виде самостоятельных ценностей (Ф.Василюк) и др.

Деятельностный подход

Данный подход разрабатывается в основном в рамках отечественной психологии. Долгое время в силу идеологических и методологических причин он являлся чуть ли не единственным направлением, в рамках которого изучалась проблематика конфликта (и не только конфликта). Здесь мы остановимся лишь на некоторых представителях – В.В.Столине, Б.Ф.Василюке, А.Я.Анцупове и А.И.Шипилове, хотя последователей деятельностного подхода достаточно много.

Подход с точки зрения конфликтного смысла В.В. Столина

Опираясь на концепцию А.Н.Леонтьева о личностном смысле, В.В.Столин подчеркивает, что своим происхождением личностный смысл обязан процессам, происходящим вне сознания субъекта. Он возникает в его реальной жизнедеятельности, отражая отношение целей и обстоятельств совершения действий к мотивам деятельности, к удовлетворению потребностей. На лицо «процесс мотивации», превращения потребности в мотив. Однако в структуре сознания личностный смысл вступает в новые связи – в связи с другими составляющими сознания – и выражает себя в значениях и эмоциональных, чувственных переживаниях. Поэтому «Я», рассматриваемое действующим субъектом как условие самореализации, также приобретает личностный смысл. «Я» порождается отношением к мотиву или цели соответствующих их достижению качеств субъекта и оформляется в самосознании в виде значений (когнитивный аспект) и эмоциональных переживаниях (эмоциональный аспект). Смысл «Я», таким образом, и является единицей самосознания, содержащий когнитивную, эмоциональную и отношенческую компоненты, он связан с активностью субъекта, происходящей вне сознания, то есть его социальной деятельностью.

Человек, стремящийся лишь к одному какому-то мотиву, является не более чем абстракцией, поскольку на протяжении жизни он включен в разнообразные жизненные отношения. Поэтому разные деятельности для него могут иметь различный личностный смысл.

«Действие, объективно связанное с двумя мотивами так, что служит шагом в направлении к одному из них и одновременно шагом в направлении от другого, и в силу этого обладающее конфликтным смыслом, будем называть *поступком*. [...]. Поступок – это всегда выбор, а выбор – всегда труден. Пока поступок не совершен, пока он только в возможности, два мотива и два смысла «Я» продолжают противоречиво существовать в сознании. [...]. Но вот поступок совершен, выбор сделан. Вне зависимости от того, в чью пользу произошел этот выбор, смысл «Я» оказывается объективно противоречивым».⁷

Итак, множественность деятельностей приводит к множественности смыслов «Я», пересечение деятельностей – к поступкам, поступки – к конфликтным смыслам «Я», конфликтный смысл «Я» – запускает дальнейшую работу самосознания. Эта работа и проявляется в особенности когнитивного и эмоционального содержания конфликтного смысла. Можно сказать и по-другому: конфликтный смысл как отношение к себе, определенное участие в

⁷ Столин В.В. Самосознание личности. М.: Изд-во МГУ, 1983. С.107.

собственном поступке, запускает самопознание и эмоциональное переживание по поводу себя. Итогом указанных размышлений выступает классификация процессов осмысления «Я», которые запускаются конфликтным смыслом.

Обращаю внимание читателя на таблицу 1, где приводятся виды осмысления своего «Я» как следствие совершения поступка.

Таблица 1

Личностный выбор (мотивированные варианты)	Сознание поступка	
	Факт совершения поступка признается	Факт совершения поступка отвергается
В пользу отвергнутого мотива	Раскаяние	Самообман
Против отвергнутого мотива	Ужесточение	Дискредитация
Нерешенность выбора «за» и «против»	Смятение	Вытеснение

По мнению В.В.Столина, три обозначенных в левом столбце таблицы мотивационные варианты решения проблемы личностного смысла «Я», отличающиеся осознанностью поступка и характеризующие действительно зрелую, здоровую личность, не оказались в фокусе эмпирических психологических исследований. Они и по сей день составляют почти исключительно предмет искусства, творческой деятельности.

Таким образом, единица самосознания (конфликтный смысл «Я») – это не просто часть содержания самосознания, это процесс, внутреннее движение, внутренняя работа, творческая активность личности.

Взгляд на внутренний конфликт Ф.Е. Василюка

Согласно подходу Ф.Е.Василюка, внутренний конфликт следует рассматривать как один из четырех типов критических ситуаций. По мнению ученого, в качестве сталкивающихся сторон в конфликте выступают жизненные отношения внутреннего мира личности, регулируемые сознанием, цель которого – достижение внутренней согласованности.

Собственно говоря, необходимость в сознании возникает только при наличии сложного внутреннего и внешне легкого мира личности,

характеризующегося наличием нескольких жизненных отношений, между которыми возникла ситуация необходимости выбора.

«Подлинный выбор, чистая культура выбора – это лишенный достаточно рационального основания рискованный, не вытекающий из прошлого и настоящего акт, действие, не имеющее точки опоры».⁸

Главная проблематичность и устремленность внутренне сложной жизни состоит в том, чтобы избавиться от мучительной необходимости постоянных выборов, выработать психологический «орган» овладения сложностью, который обладал бы мерой измерения значимости мотивов и способностью скреплять жизненные отношения в целостность индивидуальной жизни. Таким органом, по мнению Ф.Е.Василюка, выступает ценностное сознание, поскольку ценность – единственная мера сопоставления мотивов. Именно благодаря работе ценностного переживания на основе творческого подхода оказывается возможным решение внутреннего конфликта.

Классификация внутренних конфликтов ***А.Я. Анцупова и А.И. Шипилова***

Если В.В.Столин при анализе внутреннего конфликта апеллирует к понятию «единица самосознания», обращаясь в общей феноменологии самосознания личности, то А.Я.Анцупов и А.И.Шипилов подходят к обсуждению указанной тематики с иных позиций.

Ученые указывают на необходимость построения единой типологии, в рамках которой можно было бы описать самые разнообразные внутренние конфликты. В связи с этим они выделяют следующие основные структуры внутреннего мира личности, вступающие в конфликт:

- мотивы, отражающие стремления личности различного уровня (потребности, интересы, желания, влечения и т.п.). Они могут быть выражены понятием **«хочу»**;

- ценности, воплощающие в себе общественные нормы и выступающие благодаря этому как эталоны должного, которые могут приниматься или не приниматься, но в силу их общественной или какой либо другой значимости личность вынуждена следовать им. Они могут быть выражены понятием **«надо»**;

- самооценка, определяемая как самоценность себя для себя, оценка личностью своих возможностей, качеств и места среди других людей. Будучи выражением уровня притязания личности, самооценка выступает своеобразным побудителем ее активности, поведения. Она может быть выражена понятием **«могу»**.

⁸ Василюк Ф.Е. Психология переживаний. М.: Изд-во МГУ, 1984. С.121.

В зависимости от того, какие стороны внутреннего мира личности вступают во внутренний конфликт, по мнению авторов, можно выделить шесть основных видов внутренних конфликтов.⁹

Таблица 2

Основные виды внутренних конфликтов
(по А.Я. Анцупову и А.И. Шипилову)

Структуры внутреннего мира личности, находящейся в конфликте			Вид внутриличностного конфликта
«хочу» («Я хочу»)	«надо» («Я должен»)	«могу» («Я могу»)	
↔			Мотивационный конфликт (между «хочу» и «хочу»)
	↔		Нравственный конфликт (между «хочу» и «надо»)
		↔	Конфликт нереализованного желания (между «хочу» и «могу»)
	↔		Ролевой конфликт (между «надо» и «надо»)
		↔	Адаптационный конфликт (между «надо» и «могу»)
		↔	Конфликт неадекватной самооценки (между «могу» и «могу»)

Мотивационный конфликт. Один из часто изучаемых видов внутреннего конфликта, в частности, в психоаналитическом направлении. Выделяют конфликты между бессознательными стремлениями (З.Фрейд), между стремлениями к обладанию и безопасности (К.Хорни), между двумя положительными тенденциями – классическая дилемма «буриданова ослы» (К.Левин), или как столкновение различных мотивов.

Нравственный конфликт. В этических учениях его часто называют моральным или нормативным конфликтом (В.Бакштановский, И.Арницеане, Д.Федорина). Рассматривается как конфликт между желанием и долгом, между моральными принципами и личностными привязанностями (В.Н.Мясищев). Иногда рассматривается как конфликт между долгом и сомнением в необходимости следовать ему (Ф.Е.Василук, В.Франкл).

Конфликт нереализованного желания или комплекса неполноценности (Ю.Юрлов). Этот конфликт между желанием и действительностью, которая блокирует их удовлетворение. Иногда его

⁹ Анцупов А.Я., Шипилов А.И. Конфликтология. М.: Юнити, 1999. С. 295-299.

трактуют как конфликт между «хочу быть таким, как они» (референтная группа) и невозможностью это реализовать (А.Захаров). Это конфликты, возникающие из-за неудовлетворенностью своей внешностью, физическими данными и способностями. К данному виду относятся и внутриличностные конфликты, в основе которых лежат сексуальные патологии (С.Кратохвил, А.Свядош, А.Харитонов).

Ролевой конфликт выражается в переживаниях, связанных с невозможностью одновременно реализовать несколько ролей (межролевой внутриличностный конфликт), а также в связи с различным пониманием требований, предъявляемых самой личностью к выполнению одной роли (внутриролевой конфликт). К этому виду относятся внутриличностные конфликты между двумя ценностями, стратегиями или смыслами жизни.

Адаптационный конфликт понимается как в широком смысле, как возникающий на основе нарушения равновесия между субъектом и окружающей средой, так и в узком смысле – при нарушении процесса социальной или профессиональной адаптации. Это конфликт между требованиями действительности и возможностями человека – профессиональными, физическими, психологическими.

Конфликт неадекватной самооценки. Адекватность самооценки личности зависит от ее критичности, требовательности к себе, отношения к успехам и неудачам. Расхождения между притязаниями и оценкой своих возможностей ведет к тому, что у человека возникает повышенная тревожность, эмоциональные срывы и др. (А.Петровский, М.Ярошевский). Среди конфликтов неадекватной самооценки выделяют конфликты между завышенной самооценкой и стремлением реально оценивать свои возможности (Т. Юферева), между заниженной самооценкой и осознанием объективных достижений человека, а также между стремлением повысить притязания, чтобы одержать максимальный успех, и понизить притязания, чтобы избежать неудачи (Х.Хекхаузен).

В заключении приведу классификацию конфликтных личностей. М.И.Марьин (2001) предлагает следующие типы конфликтных личностей:

1. Конфликтная личность демонстративного типа.

Характеристика:

- Хочет быть в центре внимания.
- Любит хорошо выглядеть в глазах других.
- Его отношение к людям определяется тем, как они к нему относятся.
- Ему легко даются поверхностные конфликты, любит свои страдания и стойкостью.
- Хорошо приспосабливается к различным ситуациям.
- Рациональное поведение выражено слабо. Налицо эмоциональное.

○ Планирование своей деятельности осуществляет ситуативно и слабо воплощает его в жизнь.

○ Кропотливой, систематической работы избегает.

○ Не уходит от конфликтов, в ситуации конфликтного взаимодействия чувствует себя неплохо.

○ Часто оказывается источником конфликта, но не считает себя таковым.

2. Конфликтная личность ригидного типа.

Характеристика:

○ Подозрителен.

○ Обладает завышенной самооценкой.

○ Постоянно требуется подтверждение собственной значимости.

○ Часто не учитывает изменения ситуации и обстоятельств.

○ Прямолинейен и негибок.

○ С большим трудом принимает точку зрения окружающих, не очень считается с их мнением.

○ Выражение протеста со стороны окружающих воспринимает как должное.

○ Выражение недоброжелательства со стороны окружающих воспринимается им как обида.

○ Мало критичен по отношению к своим поступкам.

○ Болезненно обидчив, повышено чувствителен по отношению к мнимым или действительным несправедливостям.

3. Конфликтная личность неуправляемого типа.

Характеристика:

○ Импульсивен, недостаточно контролирует себя.

○ Поведение такого человека плохо предсказуемо.

○ Ведет себя вызывающе, агрессивно.

○ Часто в запале не обращает внимание на общепринятые нормы.

○ Характерен высокий уровень притязаний.

○ Несамокритичен.

○ Во многих неудачах, неприятностях склонен обвинять других.

○ Не может грамотно спланировать свою деятельность или последовательно претворить планы в жизнь.

○ Недостаточно развита способность соотносить свои поступки с целями и обстоятельствами.

○ Из прошлого опыта (даже горького) извлекает мало уроков на будущее.

4. Конфликтная личность бесконфликтного типа.

Характеристика:

○ Неустойчив в оценках и мнениях.

○ Обладает легкой внушаемостью.

○ Внутренне противоречив.

○ Характерна некоторая непоследовательность поведения.

- Ориентируется на сиюминутный успех в ситуациях.
- Недостаточно хорошо видит перспективу.
- Зависит от мнения окружающих, особенно лидеров.
- Излишне стремится к компромиссу.
- Не обладает достаточной силой воли.
- Не задумывается глубоко над последствиями своих поступков и причинами поступков окружающих.

ГЛАВА 4.

ТВОРЧЕСТВО КАК СПЕЦИФИЧЕСКОЕ ПРОЯВЛЕНИЕ ДЕВИАНТНОСТИ

Творчество (и креативность) как специфическая девиантность – характерная черта вида человека разумного. Оно, как специфический способ самоутверждения личности, присутствует в социогенезе с доисторических времен и характеризуется многогранностью проявления и широтой распространения.

Термин «творчество» указывает и на деятельность и на созданные ею ценности. Результатом творческого процесса является *продукт* субъекта творчества – творца (писателя, актера, ученого, музыканта, художника и др.) в виде созданного им текста, образа, открытия, музыкального произведения и т.п.¹⁰

Приведу *несколько точек зрения и определений*:

- Креативность означает комбинирование идеи, концепции, техники с другой идеей, концепцией, техникой.

- «Творчество – созидание как деятельное свойство» (Толковый словарь живого великорусского языка В.И.Даля);

- «Творчество — деятельность, порождающая нечто качественно новое и отличающаяся неповторимостью, оригинальностью и общественно-исторической уникальностью. Творчество специфично для человека, так как всегда предполагает творца – субъекта творческой деятельности» (Большой энциклопедический словарь (под ред. А.М.Прохорова);

- «Креативность, потенциал творчества – способность к продуктивному мышлению и к оригинальной переработке и

¹⁰ Далее при написании данной главы были использованы открытые Интернет-источники: Марков С.Л.: <http://www.geniusrevive.com/ru/teorii-tvorchestva>) и Жукова О.А.: <http://www.den-zadnem.ru/page.php?article=368>.

конкретизации его результатов (например, в форме произведений искусства). Творческий человек характеризуется самостоятельностью и открытостью миру, а также духовной гибкостью и нетрадиционным стилем мышления. Зачастую он обнаруживает стойкость в несчастьях. Различными стадиями творчества являются обнаружение проблемы или недостатка, пробела, несоответствия (например, в теоретической или практической системе), адекватная постановка проблем, формулировка гипотез и поиск решений (завершаемый проверкой правильности, новизны и применимости) и, наконец, изыскание средств для утверждения полученного результата и собственных усилий вопреки установившимся представлениям» (Энциклопедический словарь Майерса);

- В толковом словаре С.И.Ожегова (2002) «творчество» определяется как создание нового по замыслу культурных или материальных ценностей;

- В психологии (Н.В.Зоткин) «творчество» понимается как высшая ступень познания, в которой задействованы все основные психические процессы, умения, духовный и физический потенциал. В психологических исследованиях отечественного направления, берущих свою традицию от Л.С.Выготского и С.Л.Рубинштейна, отмечается, что, будучи по своей сущности культурно-историческим явлением, творчество имеет психологический аспект: *личностный и процессуальный*. Оно предполагает наличие у личности способностей, мотивов, знаний и умений, благодаря которым создается продукт, отличающийся новизной, оригинальностью, уникальностью (А.В.Петровский, А.М.Матюшкин, В.Д.Шадриков). Творчество и мышление объективно связаны (Я.А.Пономарев, Ю.А.Самарин) и проявляются в деятельности, в общении, в способе объективизации и самовыражения личности, в ее самостоятельности;

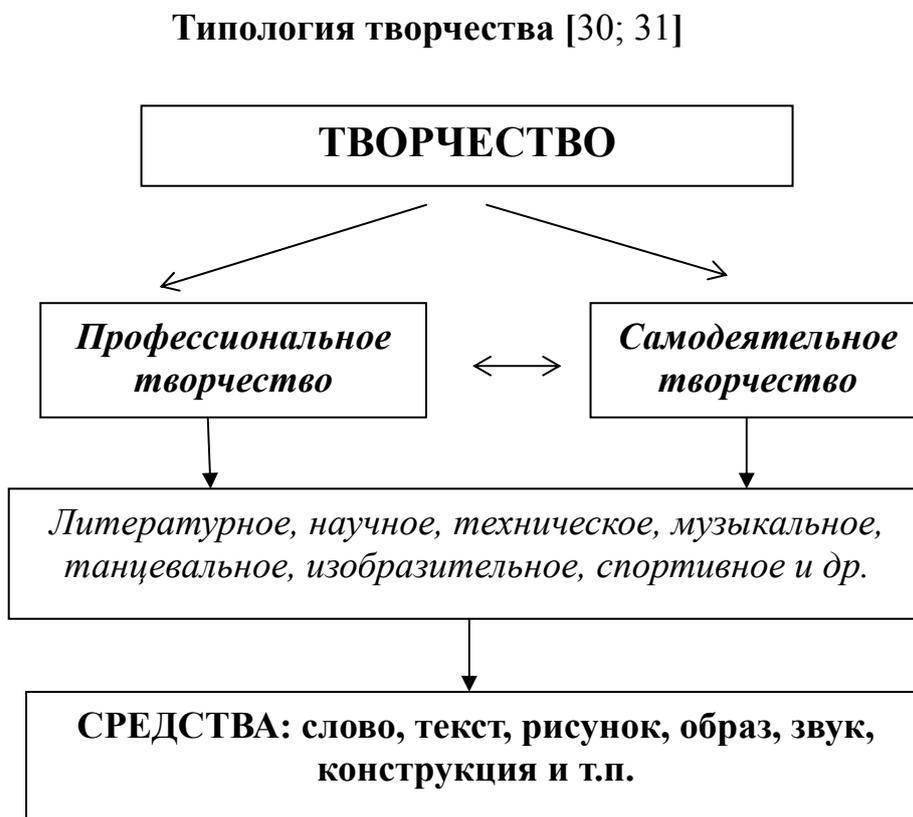
- Творчество в широком смысле (по Я.А.Пономареву, 1976) рассматривается как механизм развития, ведущее к развитию; творчество человека – как одна из конкретных форм проявления этого механизма [44].

Творчество означает создание нового, под которым могут подразумеваться как преобразования в сознании и поведении, так и порождаемые им, но и отчужденные от него продукты. Наиболее точное определение творчества дано, по нашему мнению, С.Л.Рубинштейном, согласно которому творчество – это деятельность, «созидающая нечто новое, оригинальное, что притом входит не только в историю развития самого творца, но и в историю развития науки, искусства и т.д.».¹¹

¹¹ Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. Т. 2. 1989.

Творчество подразделяется на а) *профессиональное* и б) *самодетельное* (непрофессиональное). И в том, и в другом виде творчества создается один и тот же продукт творческой деятельности – текст (научный, литературный, технический), рисунок, звук, образ и т.п. (схема 1).

Схема 1

Принято считать (Я.И.Гилинский, Ю.А.Клейберг), любая творческая деятельность (активность) является специфической девиацией, отклонением от устоявшихся в общественном сознании традиционных норм.

На процессуальном уровне творчество требует от субъекта творчества (творца) оперативной ориентации в постоянно меняющихся обстоятельствах деятельности, плодотворной импровизации на основе ранее придуманного и выверенного с учетом текущих задач и ситуаций.

Ценность природы творчества, по Н.А.Бердяеву, заключается в том, что оно *всегда развивается в оппозиции к нормативности и шире – в оппозиции к любому рационализму* [3]. Основной пафос теоретических взглядов Бердяева – в отстаивании права человека на индивидуальность, самобытность. Он высоко оценивал те типы

творчества, которые всячески стимулируют внутреннюю активность человека, развивают его индивидуальное самосознание.

Существенной вехой в развитии психологии искусства в советский период явились труды Л.С.Выготского. Он выявил ряд механизмов художественного смыслообразования, разработал теорию катарсиса в искусстве [7].

Mel Rhodes (1961), проанализировав 40 определений творчества и 16 определений воображения и разработал и обосновал целостную модель творчества – 4 Ps, представив его в виде взаимодействия четырех факторов: *процесса, продукта, личности и среды* (process, product, person, press).

С.Л.Марков добавил к этой цепочки факторов пятый – *смысл* (sense).

Д.Н.Морган проанализировал 25 определений творчества и выделил общую характеристику, отмечаемую всеми исследователями, — создание чего-то уникального. Наиболее полные и специфицированные классификации определений творчества принадлежат К.В.Тэйлору и Е.П.Торрансу.

Рассматривая творчество как процесс решения задач, в результате которого происходит преодоление порога трудности и появляется некий новый результат, Тэйлор при анализе научной литературы выделил несколько типов определений феномена:

- творчество как создание новой целостности;
- творчество как продуцирование чего-то нового, как создание инновационного продукта;
- творчество как самовыражение, как работа сознания в «чистой зоне», в неисследованной области, не ограниченной прошлым опытом;
- творчество как процесс взаимодействия психических структур личности, определяемых в терминах психоаналитической школы («Я», «Оно», «Сверх-Я»);
- творчество как мышление, ориентированное на решение, где творческим является собственно мыслительный процесс.

В классификации Торранса введены еще несколько существенных аспектов рассмотрения природы творчества – творчество как интегральная характеристика индивидуальных черт личности и творчество как культурное событие, духовно и социально оцениваемый результат жизни.

В интерпретации Торранса научные подходы к теории творчества выражаются:

1) определениями новизны – той идеи, которая оказывается новой для самого творца и для современной ему культуры;

2) оригинальностью – новым взглядом на проблему или реальность, который противостоит конформному, обыденному, общепринятому;

3) характеристикой творчества как мыслительного процесса, отличающегося способностями мыслить по аналогии и взаимодействовать на осознаваемом и неосознаваемом уровне, включать в себя этапы созревания идеи, подготовку, инкубацию, озарение и пересмотр прошлого видения;

4) пониманием творчества как проявления умственных способностей, обеспечивающих творческие достижения;

5) выделением типологических черт творчества в виде экспрессивного (спонтанного, как у детей), продуктивного (научные и художественные продукты как результаты контролируемой свободной игры), инвентивного (изобретательского в материалах, методах и техниках), инновационного (стратегия улучшения имеющегося), порождающего (выдвижение совершенно нового принципа, который организует новые движения и школы).

Сходный взгляд на природу творчества высказывают Р.Мэй и А.Ротенберг. Р.Мэй, в частности, подчеркивает, что творческий процесс выступает как «сверхрациональный», объединяющий интеллектуальные, волевые и эмоциональные функции. А.Ротенберг говорит о креативности как форме мышления, превосходящей обычное логическое и рациональное.

Психологические характеристики творческого мышления имеют отличительные типологические признаки, соответствующие поведенческой модели личности. Исследования творческих личностей, проведенные К.Тэйлором, К.Коксом, Э.Роу позволили выделить устойчивые, архетипически проявляемые поведенческие черты. Людей с ярко выраженной творческой стратегией мышления отличает толерантность к неопределенности, готовность к столкновению с препятствиями и их преодолению, мотивация самосовершенствования (интеллектуального, духовного, социального), умеренная готовность к риску, стремление к признанию и готовность трудиться ради признания. Такие люди более автономны в выстраивании своих взаимодействий с обществом, они, как правило, не конформны, их отличает четкая нравственная позиция, они могут обладать некоторой склонностью к игре, спонтанности поведения, философской иронии или юмору, они менее подвержены симптомам тревожности и менее ригидны, более уверены в себе и настойчивы в достижении целей, более устойчивы к стрессу.

По мнению исследователей, творческая стратегия жизни оказывается не только стратегией саморазвития, но и стратегией выживания в жестких реалиях современности. В контексте проблем современности и опыта личности, реализующей свой индивидуальный план устройства жизни, может быть рассмотрена и концепция актуализации базовых потенциалов человека К.Роджерса с ее идеалом «полностью функционирующей личности», и концепция самоактуализации А.Маслоу с ее иерархическим принципом

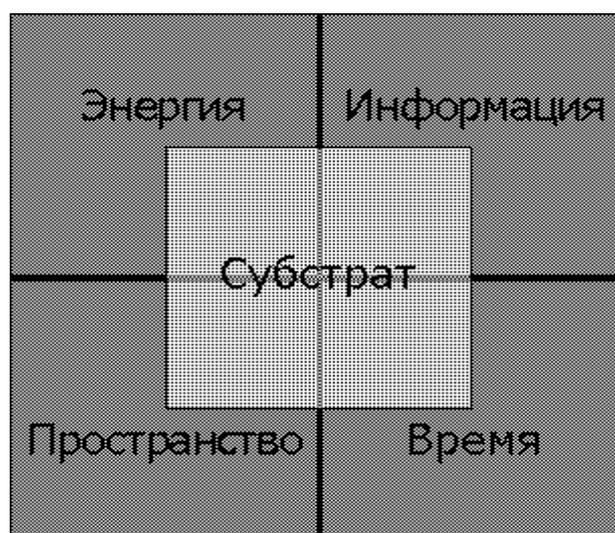
реализации человеческих потребностей, где вершиной становится потребность в самоактуализации – развитии и воплощении своих идей, способностей, личностной уникальности.

Психологические аспекты теории творчества, разработанные зарубежными исследователями, совпадают с общим направлением исследований в отечественной традиции (Г.С.Альтшуллер, Б.Г.Ананьев, М.М.Бахтин, Д.Б.Богоявленская, В.С.Библер, Л.С.Выготский, Е.С.Громов, Л.П. Гримак, В.Н. Дружинин, В.П.Ильин, Б.Кедров, А.Н.Лук, В.А.Моляко. Я.А.Пономарев, Б.Н.Теплов, В.Е.Семенов, А.А.Ухтомский, Д.В. Ушаков, П.К.Энгельмайер, Н.М.Якобсон, М.Г. Ярошевский и др.).

В гуманитарной науке построен некий топологический конструкт – *пентабазис*, объединяющий предметный и символический, внутренний и социальный миры, а также культуру, как центр их интеграции. Данный пентабазис обладает мощным объяснительным и эвристическим потенциалом и удивительным образом включает в себя основные измерения или домены творчества (процесс, продукт, личность и среду), полученные эмпирическим путем.

Автор пентабазиса – В.А.Ганзен (1984) – развивая системный подход, предложил использовать четыре базовых категории для описания *любых объектов действительности*. Он выдвинул гипотезу о том, что основными характеристиками любого объекта являются пространственные, временные, энергетические и информационные характеристики. Этими характеристиками обладает субстрат объекта, который выполняет функцию интегратора перечисленных характеристик. *Пентабазис*, состоит из четырех рядоположенных понятий – *пространство, время, энергия и информация* и одного объединяющего – *субстрат* (рис.1). Этот пентабазис (по аббревиатуре – СПВЭИ) называется общенаучным. В.А.Ганзен представил пентабазис в такой вербально-графической и графо-символической форме.¹²

¹² http://www.psichology.vuzlib.org/book_o296_page_4.html

Супрематическая теория (табл. 3). Супрематическая (от лат. *supremus* – наивысший) теория утверждает, что гений характеризуется феноменальностью, предельностью, чрезвычайностью уровня развития способностей. При этом гениальность объясняется доминированием, необыкновенным развитием одним из качеств или психических свойств личности: «исключительной интуицией», «могучим воображением», «интеллектуальной мощью», «пылкой чувствительностью» и «великой страстью», «необычайно сильной волей», «непревзойденным мастерством и компетентностью» (Дж.Гоуэн, Дж.М.Айзенштадт).

В то же время гения характеризует комплекс таких качеств, как:

- а) резко выраженная способность фантазии, выдумки;
- б) исключительная произвольная наблюдательность;
- в) уклонение в сторону от шаблона, оригинальность, субъективность;
- г) обширность знаний, наблюдений; дар интуиции, предчувствия, предугадывания (Б.А.Лезин).

Многочисленные определения гениальности, в которых подчеркивается важность одного из признаков и качеств гения, можно условно организовать с помощью «исходного пентабазиса», отражающего структуру духа, творческого сознания и психической жизни (С.Л.Марков, 2012).

Пентабазис когнитивных процессов – первичных признаков гениальности (супрематическая теория)

Целое МЫШЛЕНИЕ		Возможность ВООБРАЖЕНИЕ
	Абсолют ВНИМАНИЕ Восприятие	
Взаимодействие ПАМЯТЬ		Свобода ИНТУИЦИЯ

1. Внимание. Первым признаком гениальности художника или ученого оказывается необыкновенная способность внимания и восприятия. «Гений является не чем иным, как продолженным вниманием» (Гельвеций), «Гений есть лишь внимание» (И.В.Гёте).

2. Интуиция. Гений – это интуиция (Рубен Дарио).

3. Воображение. Воображение это первое качество гения (Делакруа). Гений – это воображение, имагинативная¹³ творческая сила, («имагинативный абсолют») (Я.Э.Голосовкер).

4. Мышление. Гений – это оригинальное, продуктивное, проблемное и визуальное мышление (М.Михалко).

5. Опыт и память. Гениальность коренится в совершенстве и жизненности воспоминаний (А.Шопенгауэр). Гениальность – это память (И.И. Лапшин). Составление комбинаций данных признаков служит переходом, мостом к структурно-функциональным теориям гениальности. «Итак, способности души, соединение которых (в определенном соотношении) составляет гений, – это воображение и рассудок» (И.Кант). Широта ума, сила воображения и активность души – вот что такое гений (Д.Дидро).¹⁴

Пять основных направлений изучения творчества можно разложить по элементам пентабазиса СПВЭИ таким образом.

Творчество (и творческость) как характеристика индивида представляет его и как врожденную характеристику человека, и как социальную. Эту концепцию можно соотнести с понятиями «Время» и «Пространство» (социальная среда) в общенаучном пентабазисе СПВЭИ. Указанное расположение соответствует понятию индивида в антропологическом базисе, определяющем генетические

¹³ Имагинация (лат. imago – образ) – процесс воображения, продуцирование образов, их трансформация в процессе творения, результат творения.

¹⁴ <http://www.geniusrevive.com/ru/atributivnye-teorii>

(врожденные) и социальные (приобретенные) характеристики человека как индивида.

Творчество как мотивационно-потребностная характеристика личности выявляет ее потенциал и может быть соотнесена с понятием «Энергия» в пентабазисе СПВЭИ.

Творчество как личностная характеристика соответствует понятию «Пространство» (социальная среда, ближайшее социальное окружение, социум, социальные институты, общество).

Творчество как образ жизни, смысл и стиль жизни, нами понимается с точки зрения «Информации».

И, наконец, понимание творчества как социально-философской категории объединяет в себе все теории, объясняющие этот феномен, рассматривает ее на другом, более высоком уровне абстракции – в *процессуальном и содержательном аспектах*. В этих аспектах действующая и, добавим, творческая личность раскрывается как «*causa sui*» (причина себя). Личность, как утверждает В.В.Козлов, *создает себя* и «*о-творяет*» (открывает другому) – в моментах выхода за границы себя (в межличностное пространство) и своих возможностей (знаний, умений, способностей), представленности себя в других людях (бытие человека в другом человеке) и воспроизводстве другого человека в себе.¹⁵

В предметном мире творчество проявляется как продуктивная творческая деятельность, в символическом – как творческое решение проблем, в социальном – как творческий диалог, во внутреннем – как творческая самореализация.

В любом случае творчество – есть своеобразный выход за пределы заданного. Это, как раз то, и что характеризует все (и позитивные, и негативные) проявления девиантных поступков, девиантного поведения и девиантности в целом. Специфика любого творчества усматривается в том, что объектом и одновременно итогом его является саморазвитие, создание самой личности, а не ее образа, как, скажем, в искусстве.

Именно поэтому мы рассматриваем творчество и креативность с девиантологических позиций, как позитивную девиацию, направленную на гармонизацию личностного развития.

Ученые (Я.И.Гилинский, В.Г.Зазыкин, Ю.А.Клейберг и др.) давно обратили внимание на то, что термином «девиантное поведение» называют и конкретные действия конкретного человека, и относительно массовое и устойчивое социальное явление, не соответствующее социальным нормам и ожиданиям общества.

¹⁵ Козлов В.В. Расширенные состояния сознания: творчество и игра // Человеческий фактор: Социальный психолог. 2008. №1 (15). С.17.

Считается [24; 30; 32; 33; 35; 36], что в подростково-молодежных девиациях наиболее ярко проявляются следующие особенности:

- высокая аффективная заряженность поведенческих реакций;
- импульсивный характер реагирования на фрустрирующую ситуацию;
- кратковременность реакций с критическим выходом;
- низкий уровень стимуляции;
- недифференцированная направленность реагирования;
- высокий уровень готовности к девиантным действиям.

Девиантное поведение – специфический способ отношений между субъектами деятельности по поводу разрешения тех или иных проблем, возникших в процессе их взаимодействия. Это, нередко, способ отражения собственного «Я» путем дистанцирования от своего прежнего социального окружения и инкорпорированность (невхождение) в новое, в результате чего подросток утрачивает свой социальный статус и оказывается в оппозиции группе, обществу в целом.

Это вынужденное изгойство, вынужденная маргинализация лежит между различными позициями личности в обществе и становится переломным, дезорганизующим моментом в жизни подростка, не только изменяющим его социальную роль, но и затрагивающим глубинные структуры его личности. Это, безусловно, приводит к различного рода социальным отклонениям, конфликтам, девиантности, проявляющиеся в различных видах и формах творчества (мода, эпатаж, стиль, символика, слэнг, граффити, манера, поступок). А если учесть, что подростки и молодежь являются самой психологически неустойчивой, социально незащищенной и открытой влияниям извне социальной группой, не имеющей достаточного жизненного опыта, моральных убеждений, не умеющей различать истинные жизненные ценности от мнимых, искусственных, то они легко усваивают и закрепляют в своем сознании и поведении негативные тенденции общественного развития [28].

Поэтому, убежден, что архиважным является создание таких условий, которые бы стимулировали и мотивировали у человека желание творить, созидать, ибо, как заметил К.С.Станиславский *«возбудить желание творить трудно, а убить его – легко»*.¹⁶ Важно также, чтобы это желание в результате приобрело позитивный, созидающий, а не криминально-девиантный и деструктивно-разрушительный смысл. И в этом многосложном процессе центральное место должно принадлежать семье, а затем и школе, то есть, как принято считать, *развивающей креативной среде*, где

¹⁶ Станиславский К.С. Искусство представления [Текст]: классические этюды актерского тренинга / Константин Станиславский. Санкт-Петербург: Азбука-классика, 2010. 188 [2] с.

диагностируются, иницируются и развиваются позитивные творческие способности и креативность личности.

Развивающая креативная среда способна существенно влиять на личность подростка, его творческую активность и реализацию, поэтому особую роль в современных кризисных условиях, приобретает *творческо-корпоративный климат социальной (семейной, образовательной) среды*, способствующий минимизации проявления негативного девиантного поведения подростков и молодежи и его профилактики и превенции, от которых во многом зависят физическое, психическое и духовное здоровье, уровень общей культуры как каждой отдельной личности, так и общества в целом [34].

Творчество может рассматриваться как специфическая деятельность, не согласующаяся с принятыми нормами, но при этом не нарушающая правовые и моральные предписания общества.

Креативность личности (по Д.Симонтоу) характеризуется:

- силой «Я», связанной с возможностью автономного функционирования и устойчивостью к давлению социального окружения;

- независимостью взглядов и неконформность суждений;
- стремлением выйти за рамки, «нарушить границы», оригинальностью и нестандартностью;

- открытостью ко всему новому и необычному;
- устойчивостью к неопределенным ситуациям;
- конструктивной активностью в предметной деятельности;
- чувствительностью к красоте в широком смысле слова.

Девиантная личность имеет следующие черты:

- неконформность, неадаптивность поведения и суждений вследствие скрытого комплекса неполноценности;

- «жажда острых ощущений», необычных переживаний, склонность к риску, эпатажность;

- «жажда острых ощущений», новых запредельных переживаний, необычных и нетривиальных способов достижения удовлетворения;

- хорошая переносимость кризисных ситуаций в сочетании с плохой адаптацией к обыденным ситуациям;

- высокий уровень поисковой активности в сфере девиантных интересов;

- независимость в недевиантных сферах деятельности, сочетаемая со стремлением обвинять окружающих и с зависимостью в сфере аддикции;

- внешняя социабельность, сочетающаяся со страхом перед стойкими контактами;

- стремление уходить от ответственности;

- стремление говорить неправду;

- тревожность и постоянный риск.¹⁷

Критерии креативности:

- беглость — количество идей, возникающих в единицу времени;
- оригинальность — способность производить необычные идеи, отличающиеся от общепринятых;
- гибкость. Как отмечает Ранко, важность этого параметра обуславливается двумя обстоятельствами: во-первых, данный параметр позволяет отличать индивидов, которые проявляют гибкость в процессе решения проблемы, от тех, кто проявляет ригидность в их решении, и во-вторых, позволяет отличать индивидов, которые оригинально решают проблемы, от тех, кто демонстрирует ложную оригинальность.
- восприимчивость — чувствительность к необычным деталям, противоречиям и неопределенности, готовность быстро переключаться с одной идеи на другую;
- метафоричность — готовность работать в совершенно необычном контексте, склонность к символическому, ассоциативному мышлению, умение увидеть в простом сложное, а в сложном — простое.
- удовлетворенность — итог проявления креативности. При негативном результате теряется смысл и дальнейшее развитие чувства.

По Торренсу:

- Беглость — способность продуцировать большое количество идей;
- Гибкость — способность применять разнообразные стратегии при решении проблем;
- Оригинальность — способность продуцировать необычные, нестандартные идеи;
- Разработанность — способность детально разрабатывать возникшие идеи.
- Соппротивление замыканию — это способность не следовать стереотипам и длительное время «оставаться открытым» для разнообразной поступающей информации при решении проблем.¹⁸

Существующие определения креативности К.В.Тейлор объединяет в шесть групп:

1) определения типа «гештальт», в которых подчеркивается создание новой целостности, а креативный процесс описывается как разрушение существующего гештальта для построения лучшего;

2) определения, ориентированные на «конечный продукт», или «инновационные» определения, в которых подчеркивается продуцирование чего-то нового;

¹⁷ <http://psyera.ru/kreativnost-i-deviacii-povedeniya-343.htm>

¹⁸ <http://www.braintools.ru/creation>

3) эстетические, или экспрессивные, определения, в которых подчеркивается самовыражение творца;

4) психоаналитические, или динамические, описывающие креативность в терминах взаимоотношений «Оно», «Я» и «Сверх-Я»;

5) проблемные, определяющие креативность через ряд процессов решения задач, в которых подчеркивается не столько решение, сколько сам мыслительный процесс;

6) определения, не вошедшие ни в одну из вышперечисленных групп.¹⁹

В структуре креативности, предложенной Н.Ф.Вишняковой, выделяется три подхода в исследовании категории «креативность»: а) креативность как личностная категория, связанная с саморазвитием и самоактуализацией; б) креативность как созидательный процесс; в) креативность как результат деятельности, связанный с созиданием нового.²⁰

По мнению А.М.Матюшкина, в структуру креативности входят следующие компоненты: 1) любознательность (невербальная и вербальная);

2) интуитивность (понятливость как качество личности); 3) легкость владения языком как средством формулирования мыслей.²¹

Таким образом, выделение показателей креативности в различных комбинациях, сочетаниях, более обобщенных или детализированных, является основой современных исследовательских программ изучения творческих способностей.

Д.Б.Богоявленская также исследует показатели креативности не по продукту, а по процессу, рассматривая интеллектуальную активность в качестве единицы анализа творчества.²²

Таким образом, креативность (от лат. creatio – созидание) проявляется в целостной системе созидательной активности индивида как результат сложной мозаики личностных, групповых, организационных и социальных характеристик.

Процесс развития креативности проходит как минимум две фазы:

1). Развитие «первичной» креативности как общей творческой способности, неспециализированной по отношению к определенной области человеческой жизнедеятельности. Сенситивный период (3-5 лет). В это время подражание значимому взрослому как креативному образцу, возможно, является основным механизмом формирования креативности;

¹⁹ See: Taylor C.W. Various approaches to and decisions of creativity // The nature of creativity. Cambridge, 1988.

²⁰ Вишнякова Н.Ф. Конфликтология. М., 2002.

²¹ Что такое одаренность: выявление и развитие одаренных детей / Под ред. А.М. Матюшкина. М., 2006.

²² Богоявленская Д.Б. Рабочая концепция одаренности. М., 1998.

2). Подростковый и юношеский возраст (то 13 до 20). В этот период на основе «общей» креативности формируется «специализированная» креативность: способность к творчеству, связанная с определенной сферой деятельности, как ее дополнение и альтернатива.²³

Вторая фаза заканчивается отрицанием собственной подражательной продукции и отрицательным отношением к бывшему идеалу. Индивид либо задерживается на фазе подражания навсегда, либо переходит к оригинальному творчеству.

Креативность часто рассматривается сквозь призму предполагаемых нестандартных подходов. Так, Ч.Спирмен считал, что это – «сила человеческого ума, создающая новое содержание путем изменения и создания новых связей». У.Симпсон определял креативность как «способность к разрушению общепринятого, обычного порядка следования идей в процессе мышления».

Парадоксально, но *девиантное поведение и творческая активность могут иметь сходные черты*. Отличие заключается в том, что для подлинного творчества удовольствие составляет сам процесс поиска, а отрицательный результат только стимулирует знание о предмете и указывает на то, что вектор поиска должен быть изменен, в то время как для девиантной поисковой активности основной целью является результат – получение удовольствия, находящийся, как правило, в зоне социального и психологического риска.

Таким образом, мы сделали попытку системно представить и описать творчество с помощью различных теорий, подходов и точек зрения (философских, психологических, социологических, синергетических, культурологических и др.), рассматривающих этот феномен как позитивно девиантный.

²³ <http://psyera.ru/kreativnost-lichnosti-579.htm>

ГЛАВА 5.

ТВОРЧЕСКИЙ БЕСПОРЯДОК

Беспорядок, совершенно очевидно, имеет под собой девиантологическую основу потому, что, во-первых, несет в себе оппозиционное, деструктивное начало, во-вторых, он стихийен и непредсказуем, в-третьих, способствует отклонениям в личностном и социальном развитии, в межличностных взаимоотношениях, в системообразовании, в интеграционных процессах и др.

Сразу замечу, что, исходя из нашего понимания, беспорядок не является синонимом хаоса и не имеет ничего общего с теорией хаоса, синергетикой, самоорганизующимися системами, энтропией и т.п. Ведь в кажущемся беспорядке часто обнаруживается глубоко скрытый порядок.

Здесь же особо подчеркну, что а) беспорядок – это не обязательно отсутствие порядка, б) любая система (биологическая, физическая, социальная) – беспорядочна, если вследствие действия каких-то факторов ее элементы разрозненны, или если кому-то система представляется сумбурной и неубедительной. Беспорядок часто субъективен и имеет субъективную оценку. И это логично и объяснимо: беспорядок для одного человека может выглядеть как вполне рабочий порядок, а для другого – как отсутствие в работе системы, неорганизованность. Беспорядочной, нелогичной, нечеткой может быть практически любая система, любая организация живой материи.

Короче говоря, нас интересует обычный беспорядок в феноменологическом и девиантологическом его понимании. Здесь важно понять беспорядок – это норма или отклонение?

Однако примечательно, что исследования, которые могли бы убедительно раскрыть нам генезис и феноменологию беспорядка и дать четкий ответ на поставленный вопрос, а также подтвердить или опровергнуть наше опасение о беспорядке как психотравмирующем факторе, насколько мне известно, практически отсутствуют. Словарная литература тоже не проливает свет на феномен беспорядка. Так, в Современном толковом словаре русского языка Т.Ф.Ефремовой (ред.) беспорядок характеризуется как: 1) отсутствие или нарушение порядка, 2) отсутствие или нарушение упорядоченности, системы, последовательности в чем-либо, 3) разг. нарушение распорядка, принятых правил поведения (М., 2009. 1233 с.). Толковый словарь русского языка Д.В. Дмитриева (ред.) рассматривает беспорядок как отсутствие или нарушение порядка, когда события развиваются сами

по себе, бесконтрольно (М., 2003. 1578 с.). Единственный в России (в Европе и мире) словарь, который содержит определение термина «беспорядок», а также термин «психологическая зависимость от беспорядка» – Словарь по девиантологии Ю.А.Клейберга [29].

Мы отдаем себе отчет в том, что для каждой системы – физической, биологической, социальной или личностной – существует оптимальная степень беспорядка. И это вполне нормально. Это относится и к человеку, как социобиологической системы, который по жизни старается (пытается) соблюдать разумный баланс порядка и беспорядка. Более того, на всем своем эволюционном пути человека сопровождают беспорядок и случайность («феномен случая»), которые были и продолжают оставаться нормой психологического состояния. Причем, – и это важно! – случайность в любой природе неизбежна хотя бы потому, что, как утверждает квантовая механика, случайное поведение характерно для всех элементарных частиц во Вселенной. Даже само рождение Вселенной физики считают *квантовой флуктуацией* (отклонением), то есть чем-то вроде случайно возникшего в космосе отклонения (Абрахамсон Э., Фридман Д., 2010, с.65). Однако мир, как известно, есть сложная динамическая система, все процессы которой нелинейны, непредсказуемы, но взаимозависимы.

По замечанию Ю.С.Мартемьянова (2004), с точки зрения культурной антропологии человеку присущи два типа поведенческих форм – естественные (конъюнктурно-целевые) и ритуальные (символические). Первые направлены на достижение «ближайших» (практических) целей и, часто бывают вынужденными (то есть продиктованными необходимостью – биологической или социальной). Вторые ориентированы на «отдаленные» цели, которые обычно не осознаются действующими лицами в момент их совершения и, как правило, не обсуждаются (Мартемьянов Ю.С., 2004, с. 180-207). Ритуальные поведенческие формы не связаны с производственной деятельностью, в большинстве своем добровольны, имеют преимущественно рекреационный или обрядовый характер и не просто выражают, а символизируют «связь субъекта с системой социальных отношений и ценностей» (Философский энциклопедический словарь / Под ред. С.С.Аверинцева и др., 1989, 560 с.).

Однако Фредерик Тейлор полагал, что внешне беспорядочный процесс человеческой деятельности можно подвергнуть анализу, разобрать на его составляющие и привести в порядок [6]. А для Иоганна Кеплера (Johannes Kepler) – немецкого астронома, усовершенствовавшего гелиоцентрическую модель Солнечной системы, обнародованную Коперником в 1543 году – было неоспоримым то, что «главной целью всех исследований внешнего мира должно быть открытие рационального порядка и гармонии» [23].

Беспорядок характеризуется широтой, глубиной, интенсивностью и масштабом. В этой связи Э.Абрахамсон и Д.Фридман (2010) приводят следующие виды беспорядка. Привожу их в сокращении:

Разброс – элементы рассеяны, часто существуют в большем количестве и находятся не на своих местах.

Смешение – элементы нагромождены или необычно сгруппированы на своих обычных местах.

Неупорядоченность – задачи и события не спланированы или не расставлены по степени важности.

Импровизация – процессы, задачи и события не определены заранее.

Непоследовательность – процессы и процедуры часто меняются. Если изменения произвольны, они обычно ведут к усилению беспорядка.

Размытость – методы классификации неточны и/или ими часто пренебрегают.

Помехи – процессы и информация подвергаются внешнему влиянию, потенциально разрушительному.

Рассеянное внимание – элементы постоянно оказываются «не в фокусе».

Скачки – уровень активности непривычно высок и к тому же резко и непредсказуемо меняется.

Запутанность – организационные схемы нестандартны и трудны для понимания.

Искажение – объект смещен, разрушен, испорчен, поврежден или находится в ином нестандартном состоянии [1, с.66-67].

Таким образом, на основании анализа имеющихся опубликованных научных источников и собственных умозаключений, предлагаю типологию людей, склонных к беспорядку.

Типология людей, склонных к беспорядку

1. Творческие – инноваторы, склонны к нововведениям и оригинальности, просветительству, эпатажу и нарциссизму; мотивированы на результат продуктивной деятельности. Для них беспорядок – это другой порядок.

2. Неорганизованные – неряшливые, несобранные, медлительные.

3. Недисциплинированные – вносят деструктивный беспорядок в жизнь окружающих с целью добиться преимущества или личного удовлетворения.

4. Формалисты – вносят деструктивный порядок в жизнь окружающих с целью получить преимущество или личное удовлетворение.

5. Ложные аккуратисты – создают видимость порядка, на самом деле прикрывают беспорядок.

6. Разгильдяи – создают видимость беспорядка, маскируя порядок.

7. Анархисты – получают удовольствие от беспорядка как такового. Для них беспорядок и есть настоящий порядок.

8. Педанты – получают удовольствие от порядка как такового.

9. Бездельники – отлынивают от настоящей работы, без конца наводя порядок.

10. Имитаторы порядка – приписывают себе положительные изменения в работе коллектива за счет своих действий по наведению порядка.

Однако нельзя забывать о том, что каждый человек индивидуален. И поэтому важно учитывать все нюансы индивидуально-психологической конституции его организма, специфику его профессиональной деятельности, особенности психологической структуры и генетического кода – генотипа. Американский психолог Уильям Джемс считал, что помимо пристрастий, убеждений и интересов в структуру человеческой личности нужно включить то, что человек считает своим: дорогие сердцу вещи, повседневную одежду, любимые книги на домашней полке и другое [7]. При изучении беспорядка такой персонифицированный подход крайне важен и продуктивен.

Так вот, у творческих людей беспорядок часто выглядит как творческий порядок, и проникать в творческую лабораторию творца и нарушать созданный и понятный только ему порядок, никому не рекомендуется. Такой творческий порядок приводит творца к упорядочению его мыслей, идей, позиций, подходов, ориентированному на исследование какой-либо проблемы. Все это в итоге выражается в конкретном результате творческого труда – книге, картине, фильме, научном открытии и т.п. Творческий беспорядок – это порядок, характеризующий творческий процесс.

Творческий человек находится в непрерывном поиске самоидентичности. В поисках позитивной социальной самоидентичности он стремится самоопределиться, обособиться от других в границах своей социальной среды жизнедеятельности, утвердить свою автономность в том порядке (или беспорядке), в котором он может эффективно работать и существовать [24].

Следует также заметить, что креативность – важная личностная характеристика творца – существенно отличает его от нетворца – сама способствует творческому беспорядку, привносит в его структуру и логику необычный, не сразу понятный смысл: порядок каким-то образом как бы сталкивает друг с другом элементы пока непонятной системы, преобразует эти элементы, смешивает и перемещает их из

состояния нереального – во вполне реальное, понятное, осязаемое. И мы имеем дело с новацией, нано-технологией, талантливым трудом, который приобретает известность, востребованность и который оценивается специалистами и общественностью. Более того, такой результат может натолкнуть творца на новые интересные замыслы и неожиданные решения.

Это, как мне думается, много объясняет в феномене беспорядка, о его «нормальности» или «отклонении». Это – и есть норма, и позитивное, созидательное отклонение одновременно, потому что это тот единственный случай, когда такая девиация одобряется и поощряется обществом, она не конфликтует с законом и моралью.

Второй вопрос, который нас интересует в рамках девиантологического подхода – это вопрос о том, из чего (откуда) возникает беспорядок, что является его первопричиной? Ответ, с одной стороны, очевиден – в самой личности создателя и носителя беспорядка. С другой стороны, ответив так, это было бы простым и неполным объяснением генезиса беспорядка. Хотя, на самом деле, личность здесь действительно занимает центральное место. Мы уже об этом говорили выше, когда речь шла о субъективности оценки беспорядка разными людьми. Но немаловажными являются и внешние условия, обстоятельства, ситуации, которые тоже провоцируют беспорядок, но при этом остаются все же косвенными, второстепенными контрагентами беспорядка. Они могут являться также и смыслообразующими факторами беспорядка.

В этом, кстати, может заключаться, как мне кажется, глубокий психотравмирующий смысл беспорядка, в результате чего личность становится психологически зависимой от беспорядка, может испытывать разного рода неудобства от порядка, или, наоборот, неудобства от беспорядка могут испытывать окружающие.

Психологическая зависимость от беспорядка представляет собой специфическое аутодеструктивное поведение, которое достаточно хорошо представлено в психологии девиантного поведения (Ю.А.Клейберг, В.Д.Менделевич, Е.В.Змановская и др.). Однако сам термин «психологическая зависимость от беспорядка» никогда не упоминался и не употреблялся исследователями в своих трудах. Этот термин отсутствует и в словарной литературе.

Наша попытка институализировать данный термин в рамках девиантологического подхода, является первой, и, надеюсь, удачной.

Итак, *беспорядок* (disorder) как девиантогенный симулякр – это неосознанное деструктивное поведение личности, которое не воспринимается им как таковое, но имеющее свою специфическую логику и характеризуется оппозиционностью, широтой, глубиной, интенсивностью и масштабом. *Психологическая зависимость от беспорядка* (psychological dependence on disorder) – это психологическое состояние личности, считающей беспорядок

истинным порядком для себя и испытывающей дискомфорт от порядка, неспособная адекватно оценить широту, глубину, интенсивность и масштабы беспорядка и нежелание противостоять ему. Это – субъективное ощущение потребности в беспорядке как истинном порядке для творческого человека [29].

Таким образом, систематизировав имеющиеся в нашем распоряжении немногочисленные научные источники, мы пришли к следующему заключению. Во-первых, беспорядок – бессистемная, неорганизованная, беспорядочная организация личностью своей среды жизнедеятельности. Во-вторых, беспорядок сопровождает любую систему – физическую, биологическую, социальную и личностную, – видоизменяет ее, сохраняя при этом разумную степень беспорядка, стремящуюся к «разумному порядку и гармонии» (по И.Кеплеру). В-третьих, разнообразие видов беспорядка свидетельствует об отсутствии четкой системы внутри самого феномена, его стихийность. В-четвертых, выделенная нами типология людей, склонных к беспорядку, может иметь столько же и социально-психологических технологий, направленных на минимизацию беспорядка и готовность личности к самоидентичности, позитивной реконструкции своего образа жизни и социальной среды жизнедеятельности [24].

Все это, безусловно, является чрезвычайно актуальным в современных условиях. Как сказал Теткоракс, беспорядок – это порядок, законы которого мы пока не понимаем.

ТЕМА 6.

ТВОРЧЕСТВО КАК СПОСОБ СУБЛИМАЦИИ ВИКТИМНОСТИ ЛИЧНОСТИ

Поведение человека, как известно, может быть предсказуемым и непредсказуемым, адекватным и неадекватным – все зависит от конкретной социальной ситуации, в которой человек оказался в данный момент. Часто человек, оказавшись в виктимогенной ситуации, вынужден «примерить» на себя маску жертвы или действительно стать ею.

Современная психологическая наука выделяет целый ряд механизмов защиты личности. Наряду с такими психологическими защитными механизмами как отрицание, вытеснение, замещение, проекция, идентификация, регрессия, рационализация и др., особый интерес для девиантологии представляет собой *сублимация*, которая тесно связана с внутриличностным конфликтом и характеризуется тем, что трансформирует психическую энергию индивида в другие, социально приемлемые виды деятельности, в частности, в творческие виды деятельности. Важно в ситуации внутриличностного конфликта выработать и придерживаться своей конструктивной позиции, конструктивной стратегии поведения. Только в этом случае возможным становится переход на другой уровень восприятия ситуации, приближающий человека к позитивному разрешению конфликта.

С девиантологической точки зрения творчество может стать эффективным способом сублимации виктимности личности, помочь ей разрешать возникающие внутриличностные противоречия, исключить (минимизировать) деструктивное влияние внутриличностного конфликта, повысить активность и самооценку, изменить стратегию поведения и деятельности личности.

Данная глава, как раз, и ориентирована на воплощение этой теоретической и следующий за ней практической пробелы и, тем самым, надеюсь, внесет свой вклад в дальнейшее осмысление поднимаемой автором проблемы.

Итак, в живой природе всегда существовал естественный отбор. Одни существа проявляли агрессивные свои свойства, другие – «жертвенные». В социальной природе эта схема тоже функционирует, однако она намного сложнее, так как речь идет не об инстинктах как таковых, а о защитных механизмах психики при воздействии на нее различных факторов как позитивного, так и деструктивного свойства.

Главными катализаторами виктимогенной ситуации, катализаторами актуализации виктимогенной установки являются *страх* и *психологический шок*. Реакция на страх и шок у каждого человека проявляется по-разному и очень индивидуально: кто-то, при виде опасности, «столбенеет»; кто-то пытается защищаться; кто-то предпочитает бегство; другие – идут «напролом», навстречу опасности, атакуя агрессора. Причины, объясняющих такое виктимное поведение, много. Приведу некоторые из них:

Во-первых, это – низкая самооценка, неуверенность в себе. Истоки низкой самооценки находятся в раннем детстве. Если ребенок недополучал родительской любви («*депривационный виктимизм*», порожденный дефектом социализации личности – удачный термин Е.В.Руденского²⁴) или неправильно воспитывался, если над ним издевались сверстники или учителя – низкая самооценка с большой долей вероятности будет одним из его качеств. Люди, страдающие от заниженной самооценки, выделяются от других людей своей подавленностью, растерянностью, пугливостью, и недоверчивостью.

Во-вторых, сильная зависимость от мнения окружающих людей. Инфантильность личности. Такая личность подвержена влиянию извне, легко внушаема, а, значит, психологически податлива любым манипуляциям агрессоров.

В-третьих, это – боязнь публики, толпы и страх выделится из толпы одновременно. Данный феномен тоже уходит своими корнями в детство. Будучи учеником, перед его глазами проходит организованная, нормированная жизнь, где каждый делает ровно то, что от него требуют учителя. Это – норма школьного режима и учебно-воспитательного процесса. Никакие отклонения от этой нормы, как правило, школой не приветствуются. Однако «школьный рефлекс» может оставаться с человеком на всю жизнь, а между тем, во взрослой жизни ему придется сталкиваться со сложными бытийными ситуациями, и тогда он окажется совершенно не приспособленным, одиноким и беззащитным. Агрессоры чувствуют эту беззащитность и пользуются ею.

В-четвертых, – страх неудачи, провала, который, по мнению виктима (особенно подростка), обязательно должен наступить. Это, пожалуй, главная причина виктимного поведения человека. Страх, как известно, – это сигнал тревоги, вызывающий вероятные защитные действия человека, главной целью которых является остаться живым и невредимым.

На личностном уровне предрасположенность к тому, чтобы стать жертвой тех или иных неблагоприятных условий социализации, зависит от многих личностных характеристик, которые в одних и тех

²⁴ Руденский Е.В. Депривационный виктимизм как социально-психологический механизм онтогенеза личной виктимности // Мир науки, культуры, образования. 2013. № 1 (38). С.141-146.

же условиях могут способствовать или препятствовать виктимизации личности. К таковым характеристикам, в частности, можно отнести степень устойчивости и меру гибкости человека, развитость у него рефлексии и саморегуляции, его ценностные ориентации и т.д. От наличия и развитости у человека этих характеристик во многом зависит то, в состоянии ли он и в какой мере противостоять и сопротивляться различным опасностям, с которыми сталкивается, а также прямому негативному влиянию окружающих.

В психологии, девиантологии, виктимологии существует такое понятие как «*синдром жертвы*» или «*комплекс жертвы*». В психологии оно трактуется как проявление поведения человека, при котором он провоцирует других людей на нарушение его прав. Особенно это привлекает преступников и разного рода агрессоров. Для жертвы характерно чувство внутреннего бессилия, привычка жаловаться и выпрашивать жалость к себе. Этот стереотип поведения «казанской сироты» обычно воспитывается в семье и особенно сильно может проявиться во время обучения в школе. В классах дети с синдромом жертвы обычно изолированы от окружающих и являются изгоями, аутсайдерами.

Американский психотерапевт Стефан Карпман (1968) разработал простую, но чрезвычайно эффективную диаграмму для анализа неконструктивных взаимоотношений – *драматический треугольник*.²⁵ Идея заключается в том, что, вступая в неконструктивные взаимоотношения, люди играют одну из следующих социальных ролей: *Преследователя*, *Спасателя* или *Жертвы* (см. рис.2).

Рис. 2. Схема неконструктивных взаимоотношений С.Карпмана.

Преследователь (агрессор) – это человек, который унижает других людей, считая их стоящими ниже себя. Спасатель также

²⁵ Карпман С. Анализ ролей и положений в сказках и жизненных сценариях. Нью-Йорк, 1968.

считает других людей ниже себя, однако предлагает свою помощь, исходя из своего более высокого положения. Жертва ощущает свое приниженное положение и считает себя неблагополучным человеком, а обстоятельства – ужасными [30; 35; 37; 38].

Анализируя поведение людей в этом «драматическом треугольнике», следует с уверенностью сказать, что это поведение зависимое, проблемное, содержащее в себе противоречие (социальное и/или психологическое), а значит – конфликтное. Отсюда исполнение ролей имеет у одних девиантную (криминальную – «Преследователь», «Спасатель»), у других – виктимную («Жертва») окраску, поскольку первые две роли мотивированы исключительно удовлетворением потребности в признании и самоутверждении, а третья роль имеет в своей основе мотив только на удовлетворение потребности в безопасности, уважении, обеспечении покоя.

Однако в подростковом возрасте проявление виктимности происходит в двух основных формах: *эвентуальной* (лат. Eventus – случай) и *децидивной* (лат. decido – решение).²⁶ *Эвентуальная виктимность* (виктимность в потенции), означающая возможность при случае, при известных обстоятельствах, при определенной ситуации стать жертвой преступления, включает в себя причинно-обусловленные и причинно-сообразные девиации. Естественно, что характеристики эвентуальной виктимности в основном определяются частотой виктимизации в подростково-молодежной среде и закономерностями, присущими такой виктимизации. *Децидивная виктимность* (виктимность в действии), охватывающая стадии подготовки и принятия виктимогенного решения и саму виктимную активность, включает в себя целесообразные и целеобусловленные девиации, служащие катализатором причинения вреда.

Виктимная социализация характеризуется некоторыми специфическими показателями:

- ✓ снижением уровня мотивации;
- ✓ заниженной самооценкой;
- ✓ дефицитом ценностных ориентаций;
- ✓ высоким конформизмом и др.

При этом виктимная личность как феномен имеет следующие основные социально-психологические индикаторы:

- 1) тревожность;
- 2) эмоциональная ригидность;
- 3) эмоциональная вязкость;
- 4) эмоциональная монотонность;
- 5) эмоциональное огрубление;
- 6) эмоциональная тупость;
- 7) утрата эмоционального резонанса;

²⁶ Бумаженко Н.И. Виктимология: учебно-методическое пособие. Витебск, 2010. С. 35.

8) алекситимия [30; 35, 37; 38; 39].

Представленные социально-психологические индикаторы виктимной личности характеризуют нарушения в эмоционально-волевой и когнитивной сферах. Эти нарушения Альберт Эллис (1994; 1998; 2002) назвал *иррациональными установками, порождаемыми «активизирующей ситуацией»*. Он выделил четыре группы таких установок, которые наиболее часто создают проблемы для успешного функционирования личности в социуме:

- *Установка долженствования.* Некоторые люди убеждены, что в мире существуют некие универсальные установки (принципы), которые, несмотря ни на что, должны быть реализованы.

- *Катастрофические установки.* При этих установках отдельные события, происходящие в жизни, оцениваются как катастрофические вне какой-либо системы отсчета; катастрофические установки проявляются в высказываниях людей в виде оценок, выраженных в самой крайней степени, типа «ужасно», «невыносимо» и т.п.

- *Установка обязательной реализации своих потребностей.* В основе этой установки лежит иррациональное убеждение в том, что человек должен обладать определенными качествами для того, чтобы реализоваться и стать счастливым.

- *Оценочная установка.* При этой установке оценивается личность в целом, а не отдельные ее черты, качества, поступки и т.д. Другими словами, здесь отдельный аспект человека отождествляется с человеком в целом [68].

Иррациональные установки (по А.Эллису) представляют собой жесткие эмоционально-когнитивные связи, имеющие характер абсолютного предписания. Иррациональная установка как индикатор сублимации виктимной личности предопределяет возникновение синдрома депрессивной коммуникации у развивающейся личности и проявляется в девиантных поступках и поведении. А.Эллис предупреждал, что психологические проблемы появляются тогда, когда человек пытается следовать простым предпочтениям (желаниям любви, одобрения, поддержки) и ошибочно полагает, что эти простые предпочтения – абсолютные мерилы его жизненного успеха, ведущие к формированию нетравматического мышления, адекватных эмоций и поведения.

А.Эллис полагал, что убеждение является иррациональным и опасным для нас, если оно:

- мешает достижению целей, порождает крайне выраженные эмоции и расстройства, которые подавляют или возбуждают человека или делают его поведение опасным для него самого или окружающих его людей;

- ведет к ложному пониманию действительности;

- содержит алогичные критерии оценки себя, других и мира в целом [68].

Единственное поведение, которое мы можем по-настоящему оценивать, контролировать или изменять, – это наше собственное поведение. Это относится и к моделям поведения между агрессором и жертвой. Приведу типологии двух классиков криминальной виктимологии (Бенджамин Мендельсон и Ганс фон Гентиг), которые можно использовать для характеристики нашего девиантологического подхода к характеристике *сублимации* *виктимной личности*.

Основатель виктимологии Бенджамин Мендельсон (1975) в качестве первого шага в осмыслении результатов своего исследования отношений между обидчиком и жертвой предложил первую типологию жертв:

- *Полностью невинная жертва*. Такой жертвой может быть признан ребенок или полностью невменяемый человек;
- *Жертва с незначительной виной*. Этой жертвой могла бы быть женщина, которая провоцирует ошибочное нападение на себя, в результате которого она умирает;
- *Жертва, которая является столь же виновной, как и обидчик*. Сюда могут относиться те, кто своим поведением целенаправленно провоцирует обидчика к совершению преступления;
- *Жертва, более виновная, чем обидчик*. Сюда относят тех, кто подталкивает другого к совершению преступления;
- *Наиболее виновная жертва*. Это происходит, когда преступник (он же – жертва) был убит лицом, который совершал действия, относящиеся к самозащите;
- *Воображаемая жертва*. Это – люди, страдающие от умственных расстройств типа паранойи, ошибочно приписывающих себе качества жертвы.²⁷

Ганс фон Гентиг (1948) исследовал отношения между «деятельной стороной» (от англ. do – делать), к которой он относил преступника, и «страдательной стороной» (от англ. suffer – страдать), к которой он относил жертву. Он предложил свою классификацию жертв, которая базировалась на психологических, социальных и биологических основаниях. Предпосылкой его классификации стала также идентификация жертвы относительно различных факторов риска. Он объединил все виды жертв в три основных класса: общий класс жертв, психологические типы жертв и активированное страдательное лицо (The activating sufferer).

²⁷ Мендельсон Б. Общая виктимология. Монография. М., 1975; Он же. Новые биосоциальные горизонты: виктимология. Бухарест, 1947; Mendelsohn B. The origin of the doctrine of victimology // *Experta criminological*. 1963. № 3. P. 239-244.

Общий класс жертв:

1. Молодежь, дети. Они слабы физически и с наибольшей степенью вероятности могут стать жертвой нападения. Детство – самый опасный период жизни.

2. Женщины. Женский пол – другая форма слабости, провоцирующей преступление. Слабость женщины даже закреплена в законе, поскольку многие законы основаны на закреплении факта более слабого женского и более сильного мужского пола.

3. Старшее поколение. Старики слабы физически и нередко умственно.

4. Умственно неполноценные лица. Психически больные, глупые люди, а также наркоманы и алкоголики.

5. Иммигранты и различного рода социальные меньшинства. Иммиграция означает нечто большее, чем просто смена места проживания. Она является причиной устойчивого чувства беспомощности в житейских межличностных отношениях. Неопытный, бедный и зачастую депрессивный иммигрант – легкая добыча по всем видам преступления.

Психологические типы жертв:

1. Депрессивный тип. Эти жертвы могут пострадать из-за подавленного инстинкта самосохранения. Лишенный такого инстинкта, индивидуум может быть легко подвержен насилию, обману и т.п.

2. Жадный. Этот тип человека представляет собой легкую жертву. Чрезмерное стремление к выгоде затмевает разум, жизненный опыт, внутренний голос, нередко предостерегающий человека против опасности.

3. Экстравагантный. Произвольное, беспричинное, выходящее за общепринятые рамки поведение часто провоцирует преступление.

4. Одинокие и «убитые горем» жертвы. Одиночество ведет к ослаблению умственных способностей индивида, который поэтому становится легкой добычей для преступников. Убитые горем жертвы часто бывают настолько ошеломлены своими потерями, что становятся легкой добычей для преступников всякого рода.

5. Мучитель. В этом случае жертва становится преступником. Это может быть психически неуравновешенный отец, который оскорблял жену и детей в течение множества лет, пока один из детей не подрастет и при условии чрезвычайной провокации не убьет его.

6. «Блокированная жертва». Здесь жертва столь запутана в ситуации сложного отношения с преступником, что защитные шаги становятся для нее невозможными.

Сегодня существуют типологии жертв по различным основаниям, например:

- по ролевому статусу (куда могут быть включены профессиональные признаки, физический и имущественный уровень потенциальных потерпевших и т. п.);
- по степени виновности потерпевшего (например, у Б.Мендельсона это невинная жертва, жертва, способствующая совершению преступления, и жертва, вызывающая преступление);
- по характеру отношений между потерпевшим и преступником (так, Л.В.Франк выделяет: приятельские, любовные, враждебные отношения между ними; В.С.Минская – хорошие, безразличные, неприязненные);
- по роли потерпевшего в создании виктимогенной ситуации провоцирующая, неосторожная, правомерная).²⁸

И.Г.Малкина-Пых (2006) основополагающими свойствами виктимной личности считает:

- уход от принятия решений и возложения на себя ответственности за них;
- зависимость от окружающих людей, несамостоятельность;
- низкий уровень знаний о себе и низкий уровень самопринятия, то есть пассивность адаптационного процесса [48].

Таким образом, заключая, отмечу три важных момента. *Во-первых*, теоретически и экспериментально доказано, что люди (и дети и взрослые, законопослушные и нарушающие нормы морали и закона) развивают свои отличительные социальные свойства (способность любить, испытывать стыд, быть честным или бесчестным, законопослушным или преступным и др.), навыки лингвистической коммуникации (речь), мышление и способность выполнять социальные роли не в результате биологического созревания, а в процессе социального взаимодействия.

Неблагоприятные психофизиологические предпосылки (психопатия, акцентуации характера и поведения, резкое снижение здоровьесберегающих ресурсов личности и т.п.) также не является фатальными сами по себе (то есть без сочетания с социальными и психологическими факторами) и не могут стать детерминантой сублимации виктимной и девиантной виктимности личности.

Психофизические особенности возраста способствуют повышению виктимности. В связи с этим может возникнуть множество проблем, с которыми самостоятельно справиться многие люди не могут. Повышенная сублимированная виктимность определяется не только их психофизическими качествами, но и их социальными ролями, местом в системе социальных отношений, положением, которое они занимают в социуме.

²⁸ См.: Ахмедшин Р.Л. Юридическая психология: курс лекций. Томск: Эль Контент, 2011. С. 107.

Во-вторых, виктимная личность характеризуется ростом компенсирующих тенденций, направленных на изменение своего статуса и избавление от дискомфортного состояния путем интенсификации отклоняющегося поведения.

В-третьих, на виктимность личности влияют такие факторы, как:

а) *культ насилия*, утвердившийся в современной жизни, представленный в искусстве (широкий показ фильмов, книг, песен и т.п.) и влияющий на формирование квази-потребностей, квази-интересов, квази-ценностей, в целом – способствующий дегуманизации и культурной деградации детей и молодежи;

б) *состояние социальной аномии* (падение нравственности, духовности, чувства долга, порядочности и чести);

в) *осуществляемая социальная политика* (политика подрыва национальной идеи образования, воспитания и культурного развития, парализация основных для нашего общества рычагов, причем образцы насилия, жестокости, несправедливости, цинизма и произвола демонстрирует сама власть);

г) *неудовлетворенность социальных потребностей*;

д) *отсутствие жизненных ориентиров и перспектив*, в то время как у некоторых – завышенные ожидания в материальном плане;

е) *плохая организация досуга и творческого процесса* (закрывание центров культуры и досуга – сельских клубов, домов культуры, центров творчества детей и молодежи, библиотек, тотальное насаждение там рыночных отношений, платных услуг и т.п., что является для большинства талантливых детей и подростков и их семей фактором недоступности и т.п.);

ж) *отмена уголовной ответственности за употребление наркотиков, легализация некоторых, так называемых, «легких» наркотиков (марихуаны, например)* и т.п.

Как указывает И.В.Калинкина, погружаясь в творческой деятельности, сливаясь с предметом своего творчества, человек объединяет себя с миром. При этом нет утраты ни внешнего мира, ни своего «Я», и этот путь проходит через формирование и удовлетворение высших потребностей.²⁹

В связи с этим актуальным является рассмотрение особенностей сублимации творческой деятельности как специфического способа виктимности личности с разными типами темперамента, так как «именно темпераментом модифицируется эффективность творческой деятельности».³⁰ Безусловно, следует учитывать особенности людей с разными темпераментами, чтобы правильно сублимировать

²⁹ См.: Калинкина И.В. Творчество как вариант сублимации конфликта // <http://citoweb.yspu.org/link1/metod/met124/node3.html> (дата обращения 08.08.2015).

³⁰ Грановская Р.М. Творчество и конфликт в зеркале психологии. СПб: Речь, 2006.

разрешение виктимности личности. Приведу условия творчества людей с разным типом темперамента.³¹

Условия творчества для сангвиника

Излагая задание сангвинику, надо учитывать, что он имеет тенденцию прерывать собеседника, чтобы увести разговор от неприятной темы, поэтому, прежде всего, надо обеспечить непрерывность его внимания до конца постановки задачи.

Подвижность психики сангвиника может его подводить, обуславливая снижение сосредоточенности, приводя к поспешности и поверхностности решений, поэтому сложная задача, требующая продолжительных усилий, может быть для него трудна, и будет решаться гораздо успешнее, если ее представить как несколько отдельных успехов и достижений. Продуктивнее всего сангвиник решает тактические задачи, каждая из которых по-своему трудна и интересна, требует концентрации усилий и напряжения на приемлемое для него время. Особенно чувствителен сангвиник к тому, чтобы ему было интересно, были очевидны перспективы успешного решения задачи.

С точки зрения прогностической, сангвиники склонны принимать тактические решения. Крах карьеры сангвиника чаще всего имеет причиной неумение предвидеть отдалённые последствия своих действий, чрезмерно радужные надежды, неразборчивость в выборе средств и склонность к авантюрам. Однако при неудачах сангвиник не отчаивается, а ищет новое поприще для применения своей кипучей энергии.

Сангвиник легко переносит неопределенность, поскольку умеет переключаться на другие задачи или другие сферы деятельности. Его отличает разнообразие интересов, поэтому он может заскучать в рамках узкой проблемы или в случае, если она труднодостижима. Допустимое качество сангвиников – в трудной ситуации произвести переоценку ценностей и в любой момент сменить направление деятельности.

Сангвиник способен генерировать идеи, но при этом не всегда озабочен их достоверностью и реализуемостью. Ему нравится скорее процесс использования своей фантазии, чем своих знаний, поэтому он свободен и раскован в своих предположениях, но они отличаются поверхностностью. Такая позиция, даже не приносящая личных творческих достижений, благотворно влияет на его самочувствие и продуктивность в сотрудничестве с другими. Когда же сангвиник убежден в личной значимости поставленной задачи, он может мобилизовать значительную энергию. Особенность сангвиника,

³¹ Калинкина И.В. Творчество как вариант сублимации конфликта // <http://cito-web.ypsu.org/link1/metod/met124/node3.html> (дата обращения 08.08.2015).

помогающая решать ему трудные задачи, – умение концентрироваться на главной цели. Когда цель ясна, он предстает как энергичный человек, сильная личность и прекрасный лидер.

Умение работать в коллективе является одной из сильных сторон сангвиника, поэтому он часто выступает в роли лидера. В этом качестве он обладает достаточными знаниями, чтобы воспринять проблему, и достаточной самоуверенностью, чтобы передать состояние уверенности другим. Работая в группе, сангвиник предпочитает стратегию сотрудничества, поскольку обладает большим энергетическим ресурсом и потребностью в напряженной работе, а также пониженными эмоциональными порогами и внутренним локусом контроля при позитивном отношении к себе и другим. При этом нужно отметить, что сангвиник достаточно честолюбив и прагматичен, умеет представить значимость своей деятельности и работы своих подчинённых.

Условия творчества для холерика

Обсуждая проблему, холерик часто перебивает собеседника, потому что беспокоится, что забудет все те идеи, которые приходили к нему в голову в процессе подготовки к деятельности. Размышляя над поставленной целью, холерик может прерываться столько раз, сколько ему необходимо для того, чтобы потом изложить все с самого начала. Холерику с самого начала надо помнить, что ему противопоказаны монотонные виды деятельности, требующие терпения и усидчивости. Деятельность, рассчитанная на длительный срок выполнения, зачастую является для него непосильной. Необходимо весь объем предстоящей работы разбить на отдельные куски, чтобы на каждом этапе иметь возможность анализировать и оценивать достигнутое. Как человек, всецело устремленный в будущее, холерик мало обращает внимания на прошлое, с трудом переключается на пройденное, поэтому следует обратить особое внимание на анализ полученных результатов.

Холерик более склонен ставить тактические задачи, состояние неопределенности для него является слишком трудным, он старается от него избавиться. При этом холерик мало времени затрачивает на обзор сложившейся ситуации и всецело доверяет себе, не меняя тактики действия. Вследствие этого количество ошибок у него увеличивается.

В связи со своей импульсивностью и неумением ждать и терпеть, холерик в конфликте чаще всего использует стратегию соперничества, реже – ухода. В соперничестве проявляется высокий уровень эмоциональности холерика, внешний локус контроля и выраженное ожидание негативного отношения к себе. Его устраивает только один вариант разрешения конфликта – «все или ничего». Испытывая могучее желание действовать и доминировать, холерик буквально рвется работать, но при этом его «лихорадит», он

продвигается к цели рывками, иногда не обращая внимания на важные детали. Больше всего темперамент холерика подходит для выполнения трудных, срочных и неожиданных заданий. Творческая деятельность холерика основывается на том, что он способен комбинировать абсолютно разные, несходные идеи и создавать на этой основе нечто новое, оригинальное. Когда у холерика появляется интересная мысль, он готов поведать ее всему миру. Он неутомимый проповедник своих идей и поэтому способен многих увлечь за собой. При этом важно иметь в виду, что в процессе генерации идей холерик критику не воспринимает.

В процессе деятельности холерик более терпим к порождаемым творчеством стрессам, чем представители других темпераментов, не пугается нагрузок и поэтому выигрывает при необходимости работать с большим количеством информации. Холерик стремится к решению трудных задач, часто успешно с ними справляется, но при этом не способен долго ждать, стараясь достичь результата быстро, с наскока.

У холерика высока субъективная уверенность в значимости достигнутых им результатов, но их контроль и оценка должны производиться другим человеком, так как холерик плохо переносит дисциплинарные ограничения, регламентацию и проверку.

Условия творчества для флегматика

Размышляя над поставленной целью, флегматик классифицирует всю имеющуюся информацию и «вписывает» ее в уже имеющуюся в его сознании схему действий. Если не вся информация классифицируется удобно для него, часть изложенного он может просто упустить. Осознавая весомость поставленной проблемы, флегматик должен быть убежден в ее важности и возможности разрешения в течение длительного времени, так как считает, что в спешке невозможно сделать ничего существенного.

Прогностические способности флегматика связаны с тем, что он большое значение придает прошлому опыту и поэтому может хорошо учитывать разнообразие линий развития на длительных интервалах будущего. Цель его прогнозов – сведение к минимуму непредвиденного, снижение неопределенности. Как правило, флегматик намечает стратегические направления деятельности и упорно движется вперед к достижению своей цели. Флегматик способен справляться с задачами большой сложности даже при их высокой неопределенности. Он – человек трудолюбивый, усердный, методичный, имеющий потребность доводить начатое дело до конца. Выносливость и терпение обычно делают его профессионалом в своей области. Он любит раз и навсегда заведенный порядок, его идеал – распланированная, предсказуемая жизнь с привычным ходом событий. Преимущество флегматика в том, что при увеличении числа анализируемых гипотез и решаемых задач количество ошибочных решений у него практически не увеличивается.

В ситуации конфликта поведение флегматика сводится к двум стратегиям. Если ситуация не значима для него, то он использует стратегию избегания (ухода); если ситуация для него важна и у него имеются аргументы «за» и «против», то он предпочтет стратегию сотрудничества.

Обладая сильной, уравновешенной, но инертной нервной системой, флегматик отличается стабильной работоспособностью. Его характеризует терпеливость, обязательность и внутреннее упорство. Наиболее продуктивен флегматик в деятельности, которая требует методичности, точности и пунктуальности. Он склонен к такой деятельности, где четкие инструкции и предписания заменяют собственные решения, в такой работе он достигает наибольших успехов.

Условия творчества для меланхолика

Размышляя над предстоящей работой, меланхолик часто настолько погружается в себя, в свои переживания, что почти ничего не слышит и не воспринимает. При этом меланхолик отличается максимальной восприимчивостью к новым веяниям в самых различных областях: науке, технике, искусстве, политике, экономике и др. Однако, интуитивно уловив даже слабые проявления нового, он слишком часто не доверяет себе и не вызывает доверия у других. Поэтому важно прислушиваться к его даже робким словам и не требовать их углубленного обоснования и самостоятельного воплощения его идей в действие. Любую жизненную ситуацию меланхолик рассматривает как очень значимую и важную, считая, что она потребует от него невероятных сил. При этом он заранее уверен, что у него не хватит сил и энергии для ее решения, поэтому старается оградить себя от чрезмерных нагрузок. Если события развиваются благоприятно для меланхолика, то он справляется с проблемами, умеет хорошо организовывать разные подходы и приемы решения задачи, выполняет намеченную программу аккуратно и экономично. Он значительно реже, чем сангвиник и холерик, попадает в ситуации цейтнота, так как тщательно готовится к работе, рассматривая возможности возникновения неблагоприятной ситуации и продумывая свое поведение.

Меланхолики в конфликте предпочитают стратегию избегания, что связано с повышенной эмоциональной чувствительностью. Кроме того, они предпочитают задачи с большой надеждой на успех. Вместе с тем, меланхолики отличаются большим соответствием уровня притязаний уровню реально выполняемых ими задач. Высокая интеллектуальная работоспособность меланхолика, так как скука и утомление развивается у него сравнительно медленнее, поэтому он способен длительно выполнять однообразную работу. Кроме того, если объем запоминаемого материала у него ограничивается быстрым развитием торможения, он помогает себе в запоминании

предварительной смысловой обработкой материала, компенсируя тем самым слабость памяти. Он может приспособиться и к экстремальным нагрузкам за счет того, что свойственную ему истощаемость внимания и недостаточную его сосредоточенность преодолевает интенсивностью контроля, а свои слабости компенсирует рациональной организацией труда и частыми перерывами на отдых.

ГЛАВА 7.

БРУТАЛЬНОСТЬ В ИСКУССТВЕ В КОНТЕКСТЕ КРЕАТИВНОЙ ДЕВИАНТОЛОГИИ

Брутальность (от лат. *brutalis* – жестокий, ужасный, вероломный) в современном значении – подчеркнутая суровость, грубость, предельная по жесткости натуральность, «животность», а также их сознательная эстетизация в произведениях искусства. Второе значение: насилие, зверство.

В русский язык слово попало, вероятно, через французский язык (*à la brutalité*). Перевод немецкого слова «брутальитэт» (нем. *Brutalität*) – грубость, жестокость, бесчувственность, черствость, зверство, насилие. В английском языке популярно словосочетание «полицейская брутальность», в то время как во французском языке для обозначения того же явления используется термин «*Violence policière*» (полицейское насилие).

Насилие сегодня имеет системный характер, оно пронизывает все сферы жизнедеятельности общества, включая и «насилие искусства». Насилие искусства имеет свою социальную и психологическую специфику. Она заключается в принуждении (манипулировании) сознания людей и социальных групп к определенной деятельности (или бездействию) или же силовому сопротивлению этого принуждения.

Психологами доказано, что восприятие и переработка любой информации осуществляются под воздействием множества различных факторов, но три из них присутствуют практически всегда: это *когнитивный* (познавательный), *эмоциональный* (аффективный) и *поведенческий* (конативный) факторы.

Поскольку в сознании современных людей существуют огромные когнитивные нестыковки и разрывы, то под воздействием психологических провокаций, манипуляций эпатирующих субъектов у человека, социальной группы, этноса, общества происходит

трансформация их сознания со всеми вытекающими для них последствиями, принимая формы, описанные в свое время Лебоном, Фрейдом, Московичи, Каннети и другими исследователями воздействия манипулятивных методик применимо к массам. Однако следует помнить, что *то, как сам индивидуум интерпретирует негативное воздействие, и определяет его реакцию на это воздействие.*

Д.Зильманн доказывал, что «познание и возбуждение теснейшим образом взаимосвязаны; они влияют друг на друга на всем протяжении процесса переживания, приносящего страдания опыта и поведения». Таким образом, он вполне отчетливо указывал на специфичность роли познавательных процессов в усилении и ослаблении эмоциональных агрессивных реакций и роли возбуждения в когнитивном опосредовании поведения. Он подчеркивал, что независимо от момента своего появления (до или после возникновения нервного напряжения) осмысление события, вероятно, может влиять на степень возбуждения.

Подобным же образом возбуждение может влиять на процесс познания.

Д.Зильманн доказывал, что при очень высоких уровнях возбуждения снижение способности к познавательной деятельности может приводить к импульсивному поведению. В случае агрессии импульсивное действие будет агрессивным по той причине, что дезинтеграция когнитивного процесса создаст помеху торможению агрессии. Так, когда возникают сбои в познавательном процессе, обеспечивающем возможность подавить агрессию, человек, вероятнее всего, будет реагировать импульсивно (то есть агрессивно). В тех условиях, которые Д.Зильманн описывает как «скорее узкий диапазон» умеренного возбуждения, вышеупомянутые сложные когнитивные процессы будут разворачиваться в направлении ослабления агрессивных реакций.³²

Творческие личности имеют ряд особенностей. Для людей с высоким творческим потенциалом изначально, или в результате индивидуального процесса становления личности, характерно ослабление механизмов психологической защиты. Творческой личности требуется определенная смелость воспринимать и принимать образную информацию собственного подсознания, несоответствующую тем «правильным», «моральным» мотивам, которые признаются допустимыми в данной культуре и которые человек принимает и включает в свою систему ценностей.

Отдельные исследователи отводили ведущие роли таким особенностям творческой личности, как терпение и работоспособность (например, А.Пункаре).

³² См.: Бэрн Р. Агрессия / Роберт Бэрн, Дебора Ричардсон. СПб: Питер, 1998. 336с. (Серия «Мастера психологии»).

Однако, наиболее удачная краткая формулировка самой существенной, с моей точки зрения, особенности творческой личности приведена В.Н.Дружининым: «У творческих людей нередко удивительным образом соединяются зрелость мышления, глубокие знания, разнообразные способности, умения и навыки и своеобразные «детские» черты во взглядах на окружающую действительность, в поведении и поступках».³³

Вероятно, степень проявления творческих способностей зависит не только от одаренности личности, но также от *внутренней и внешней мотивации*. Под *внешней мотивацией творчества* понимается реакция социального окружения, как положительная (поощрение вниманием, признание, одобрение, а также материальное вознаграждение), так и отрицательная (резкая критика, наказание). Причем следует отметить, что значимость внешней мотивации проявляется наиболее полно лишь в случае, если она исходит от референтной группы. Существенность влияния внешней мотивации напрямую зависит от уровня внутренней мотивации, то есть чем меньше уровень внутренней мотивации, тем существеннее сказывается мотивация внешняя.

На основании анализа результатов исследований можно выделить следующие факторы, влияющие на уровень *внутренней мотивации* к творчеству:

- интериоризированные личностью ценностно-ориентационные установки;
- самооценка;
- стабильность эмоционального состояния.³⁴

Стимулирование проявления креативности возможно при внешнем воздействии на выделенные факторы, хотя, конечно, такое воздействие не гарантирует полного раскрытия творческого потенциала. Здесь можно предложить использовать следующие методы стимулирования:

1. Минимизировать отрицательное влияние моральных и культурных запретов могут помочь, например, такие методы воздействия, как расширение круга интересов личности (например, через обучение), самоидентификация с другой личностью (позволяет взглянуть на проблему «другими глазами», при этом собственные ценностно-ориентационные установки отступают на второй план).

³³ Дружинин В.Н. Психология общих способностей / В.Н. Дружинин. СПб: Питер, 2000. 368 с. (Серия «Мастера психологии»).

³⁴ См.: Аллахвердян А.Г. Психология науки. Учебное пособие / А.Г.Аллахвердян, Г.Ю.Мошкова, А.В.Юревич, М.Г.Ярошевский. М.: Московский психолого-социальный институт. Издательство «Флинта», 1998. 312 с.; Занковский А.Н. Организационная психология: Учебное пособие для вузов по специальности «Организационная психология» / А.Н.Занковский. - 2-е изд. М.: Флинта: МПСИ, 2002. 648 с.; Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии / С.Л. Рубинштейн. СПб: «Питер», 2004. 713 с.: ил. (Серия «Мастера Психологии»); Маслоу А. Мотивация и личность / Абрахам Гарольд Маслоу. М.: Издательство «Евразия», 2001. 478 с.

2. Снятию влияния установок, сформировавшихся в процессе деятельности (например, влияния опыта выполнения аналогичной или схожей деятельности) может способствовать переключение внимания, смена деятельности.

3. Поскольку для проявления креативности очень важно иметь высокую самооценку, целесообразно воздействовать на нее путем повышения внешней положительной и минимизации внешней отрицательной мотивации. Здесь следует оговориться, что хотя отдельные исследователи (например, В.Н.Дружинин) считают внешнюю мотивацию, оказывающей положительное влияние только на низко креативных людей, в истории имеются примеры обратного. Известен факт, что нередко лучшие произведения искусства появлялись именно в результате работы «на заказ» (например, знаменитый «Реквием» В.А.Моцарта). Здесь также необходимо сказать, что, по всей видимости, не всегда правомерно противопоставление внутренней и внешней мотивации, в отдельных случаях они могут, как бы перетекать друг в друга, и чисто внешняя мотивация в процессе деятельности может трансформироваться во внутреннюю.

4. Исследователи биографий творческих личностей отмечают, что творчество проявляется слабее, если в эмоциональной сфере устанавливается относительно продолжительная стабильность, и наоборот, сильный всплеск творчества нередко может вызвать посттравматический стресс либо положительный стресс (например, переживание эйфории влюбленности) (Дружинин В.Н., 1999). В рамках рассматриваемых методов можно предложить такие методы воздействия, как, например, резкая смена обстановки, окружения, сферы деятельности (известно, что ученые, поэты, художники зачастую именно этим способом преодолевали свой кризис творчества).

5. Важным в творческой деятельности является умение использовать работу обеих полушарий головного мозга. С этой целью довольно успешно применяются изобразительные техники, рассчитанные на работу с художественным образом.³⁵

6. В то же время имеет значение предварительная систематизация материала с той целью, чтобы удержать внимание на достаточно широком проблемно-смысловом поле исследуемой темы. Здесь полезными могут быть техники, основанные на составлении ассоциативных карт, что реализовано в методологии MindMapping.³⁶

³⁵ Эдвардс Б. Откройте в себе художника / Б.Эдвардс; Пер. с англ. П.А.Самсонов. Мн.: ООО «Попурри», 2000. 240 с.

³⁶ См.: Бьюзен Т. Супермышление / Т. Бьюзен, Б. Бьюзен. Пер. с англ. Е.А.Самсонов. - 2-е изд. Мн.: ООО «Попурри», 2003. 304 с. (Серия «Живите с умом»); Мюллер Хорст. Составление ментальных карт: Метод генерации и структурирования идей / Хорст Мюллер. Пер. с нем. В.В.Маргиновой, М.М.Дрёмина. М.: Издательство «Омега-Л», 2007. 126 с. (TASCEN GUIDE. Просто! Практично!).

7. Уверенное производство продуктивных идей требует наличия специфических технологий. Ими являются методы поддержки процесса решения проблем («методы решения проблем»).

К тому же не следует забывать, что процесс креативной социализации базируется на обоюдном человеческом общении – процессе взаимных изменений мысленных систем и социальной среды на основе непрерывного уточнения модели среды и модели взаимодействия с ней. Следовательно, «я не только поступаю в соответствии с тем, что я есть, но и меняюсь в соответствии с тем, как поступаю» [60, с.133].

Весь ход развития человечества показывает, что цель человеческого существования – самореализация, самопроявление, для полного проявления Самости, что человек готовится не к жизни как таковой, а к жизнедеятельности и взаимодействию в определенных социально-культурных условиях. При этом, как указывает Я.И. Гишинский, «человек остается биологическим существом и несет с собой выработанное в процессе эволюции «наследство», включая агрессивность, которая была ему необходима для того, чтобы выжить и утвердиться на планете среди рогатых, зубастых и клыкастых ...» [9, с.15].

Насилие и агрессия присущи исключительно человеческому роду, в отличие от животного, которому свойственна только агрессия [9, с.9]. Эти понятия синонимичны, но не тождественны.

Термин «агрессия» (лат. *aggressio* – нападение) издавна бытует в европейских странах, однако до начала XIX века агрессивным считалось любое активное поведение, как доброжелательное, так и враждебное. Это слово иногда используется также для описания ассертивного (самоутверждающегося) поведения – например, когда мы говорим о брутальной рекламе.

Правда, слово «агрессия» может означать и «движение по направлению к...». Люди используют это слово, говоря о достижении того, что хочется. Агрессивным считается человек, стремящийся к исполнению своих желаний. Отсутствие агрессии означает пассивность – выжидание, «не достижение» того, чего хочется, и т.д.

Процесс социализации личности всегда имел и сейчас имеет свойства агрессивности (или агрессивного поведения). В настоящее время под *агрессией* понимают – *мотивированное деструктивное поведение, противоречащее нормам сосуществования людей, наносящее вред объектам нападения, приносящее физический ущерб людям или вызывающее у них психологический дискомфорт* [29; 30; 31].

В современной научной литературе (Алексеев Е., 2004) обозначились несколько подходов к пониманию агрессии (Шипунова Т.В., 2011):

1. *Агрессия как основание объяснения необходимости наказания преступника.* Когда понятие «агрессия» употребляется в таком контексте, то ее следует понимать как проявление индивидуального Зла. Это Зло либо является врожденной чертой человека, либо «приобретается» им в ходе социализации, жизненных неудач, либо же выступает как сиюминутная реакция на сложившуюся ситуацию [69, с.5].

В данном случае не имеет значения, какова природа этого индивидуального Зла. Существенным является лишь то обстоятельство, что такое понимание агрессии дает возможность оправдать ответную реакцию социума как воплощение общественной потребности в наказании.

2. *Агрессия как причина возникновения разных форм девиантного поведения.* Здесь понятие «агрессия» выступает как супераддиктивная характеристика человека, образуемая целым комплексом врожденных и приобретенных свойств. Так, с точки зрения *психоаналитической теории* агрессия – это проявление Эдипова комплекса, результат подавления инстинктивных либидозных стремлений в раннем детстве (З.Фрейд). *Представители необихевиоризма* считают агрессию следствием фрустраций, претерпеваемых личностью в процессе «социального научения» (Дж.Доллард, Н.Миллер, А.Бандура, Л.Берковитц). *Интеракционисты* представляют агрессию как следствие объективного «конфликта интересов», «несовместимости целей» отдельных личностей и социальных групп (Д.Кемпбелл, М.Шериф). *В рамках когнитивизма* агрессия предстает как результат «диссонансов» и «несоответствий» в познавательной сфере субъекта (Л.Фестингер, Г.Тэшфел). *С биологизаторских позиций* агрессия выступает как чисто инстинктивное поведение, присущее всем животным, в том числе и человеку (К. Лоренц) [4].

3. *Агрессия как нападение, захват, сопровождающийся насильственными действиями* [73, с.21]. Агрессия может быть *прямой* (например, нападение, захват территории, политическое или экономическое подчинение) и *косвенной* (поощрение подрывной деятельности против других государств; принятие мер экономического давления, нарушающего суверенитет другого государства; поощрение пропаганды определенных идеологических взглядов и т.п.).

4. *Агрессия как деструктивное поведение, направленное на саморазрушение и самоуничтожение, — аутоагрессия* [52, с.57-59]. Данный вид агрессии является следствием неутоленных страстей и желаний человека (Э.Фромм). Под давлением страстей (любовная страсть, жажда власти, славы или мести) люди способны наложить на себя руки, если не могут достичь предмета своей страсти. Разум (или безумие?) индивида толкает его на деструкцию собственной

материальной оболочки. Еще одним проявлением аутоагрессии выступают такие менее радикальные, но не менее деструктивные формы поведения, как алкоголизм, наркомания, занятия рискованными видами спорта и т.д.

Каждое экспрессивное действие (творчество и креативность являются именно экспрессивными действиями) – акт агрессии, поскольку каждое действие предполагает движение «вовне», то есть направленность чувств или энергии к миру. Не следует думать об агрессии лишь как о чем-то негативном, как мы привыкли это делать. Любить и получать любовь – тоже агрессивное действие. Сказать «Я тебя люблю» не менее агрессивно, чем «Я тебя ненавижу». Агрессия представлена в действии, в стремлении или в акте высказывания, а не в содержании слов. С другой стороны, если человек имеет чувства, но не выражает их, он пассивен. Каждый акт самоэкспрессии включает в себя определенную степень и агрессии, и насилия, и творчества (Лоуэн А., 2004).

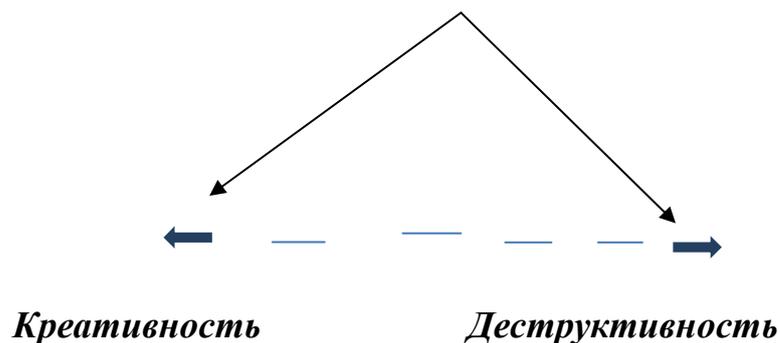
Примечательным в данном дискурсе является то, что агрессия не отождествляется, но сопрягается с понятием «*насилие*». Это особенно важно, поскольку иногда в современной литературе данные понятия рассматриваются как синонимы, что, на наш взгляд, является методологически и семантически неверным.

Привлекает внимание классификация видов насилия, разработанная С.Жижеком (S. Žižek, 2010). Он выделяет: *субъективное насилие* (это те проявления социального насилия, которые «лежат на поверхности», легко различимы и признаваемы большинством людей – убийства, теракты, войны и т.п.); *«символическое» насилие* (это лингвистические и вербальные проявления насилия – оскорбления, угрозы, шантаж и т.п.); *«системное (объективное) насилие»* (наиболее скрытое (анонимное) и поэтому опасное для общества) – «это – нередко катастрофические последствия спокойной работы экономических и политических систем» [9, с.26-27].

Наиболее широким является понимание насилия как поведения, наносящего вред другим; как принуждение, ограничение свободы выбора, «узурпация свободной воли»; как принудительное воздействие на кого-либо. Более узкое (юридическое) понимание ограничивает насилие причинением физического, психического или материального (имущественного) вреда. Наконец, в самом узком смысле под насилием понимается причинение физического вреда, нарушение физической неприкосновенности [9, с.6].

Однако агрессивность может функционировать, как маятник: от креативности к деструктивности, и обратно (рис.3).

Маятник агрессивности

Итак, на рисунке мы видим различные проявления агрессивности в креативности, конформизме (приспособленчество, безумное следование общим мнениям, модным тенденциям), перфекционизме (убежденности в том, что совершенствование, как собственное, так и других людей, является той целью, к которой должен стремиться человек), пассивности и деструктивности. Агрессия колеблется, как маятник, от креативности к деструктивности (рис. 3).

Агрессия – это ценная энергия для всякой деятельности, для любого креативного процесса, и она имеет решающее значение для развития личной независимости и свободы. Причиной того, что человечество находится сегодня в таком угрожающем состоянии, является, как мне кажется, не наша агрессия сама по себе, а *подавление индивидуальной агрессии и неспособность использовать агрессию креативным образом.*

Все перечисленные подходы раскрывают некоторые специфические характеристики различных проявлений насилия и агрессии, помогающие различить их по видам: против человека или «своего» социума; против другого общества (государства); против самого себя. Объединяющим моментом всех этих подходов выступает то, что каждый раз насилие и агрессия определяются через направленность действия на какой-либо объект.

Таким образом, обращаю внимание читателя на три важных примечания:

1. Поведение называется агрессивным при наличии двух обязательных условий: а) либо когда имеют место губительные для объекта воздействия последствия, б) либо когда нарушены нормы поведения.

2. В целом, практически все исследователи разделяют положение о том, что детерминация агрессивного поведения и насилия обусловлена взаимодействием *объективных* (социальных) и

субъективных (личностных) факторов: первые создают потенциальную возможность конфликта, вторые – особенности его реализации. Весьма важным является и тот момент, что некоторые черты личности могут выступать на разных стадиях развития ситуации и как способствующие проявлению агрессии и насилия, и как подавляющие их структуры.

3. Главным в генезисе насилия является не сам по себе уровень удовлетворения потребностей, а *степень различий в возможностях их удовлетворения* для различных социальных групп. Главный «девиантогенный» фактор, как считает П.А.Сорокин, *не в уровне доходов, благосостояния, а в степени разрыва между богатыми и бедными, обеспеченными и не очень* [9, с.31]. То есть речь идет, в первую очередь, о *социально-экономическом неравенстве* людей в структуре общества.

Людам творческих профессий (особенно писателям, актерам, композиторам, художникам) хорошо известно, что в момент творчества художник, не отдает себе отчета в том, *как он творит*. Акт творчества демонстрирует умение художника выйти за пределы себя («ex-stasis», «исступление»), когда его душа проникает в мир запредельных сущностей.³⁷

Начиная с ранних трактатов, посвященных изучению природы художественного творчества, мыслители отмечали иррациональные, непостижимые механизмы этого процесса, невозможность выявления закономерностей, в соответствии с которыми осуществляется творческий акт.

По своему определению творчество есть создание того, что еще не существовало. В этом смысле любой творческий акт не может быть измерен критериями, сложившимися в культуре *до него*: любое творческое действие находится в оппозиции к нормативности, противостоит адаптированным формам деятельности. Творческий акт никогда целиком не детерминирован извне.

Все формы творческой активности художника, в конечном счете, подчинены одной цели – созданию произведения искусства, предвосхищению возможных действий, которые призваны привести к этому результату. *Мотивация деятельности художника* выступает как сложная динамичная самоподкрепляющаяся система. Весь комплекс его восприятия, мышления, поведения стимулируется целями творчества как высшими в иерархии побудительных мотивов его личности.

³⁷ Здесь и далее использован материал с купюрами и в авторской редакции по: Кривцун О.А. Эстетика. М., 2000.

Мотивы творчества, которые, так или иначе, провоцируют действие интенции художника³⁸, по существу ненаблюдаемы. Мотив в этом случае можно описать через такие понятия, как *потребность, побуждение, склонность, влечение, стремление* и т.д. Отсюда следует, что творческий процесс *оказывается мотивированным даже в тех случаях, когда не сопровождается сознательным намерением художника.*

Однако по сей день в психологии по-разному используют понятия «мотив» и «мотивация» применительно к художественной деятельности. В искусстве термин «мотивация» зачастую используется как синоним художественной достоверности, оправданности логики поведения художественного персонажа. Известно, что психология выводит мотивацию не только из свойств самого человека, но и из требований ситуации.

Психологическое устройство художника таково, что он должен, прежде всего, справиться не с внешними, а с *внутренними импульсами*, от которых нельзя уклониться. Императив диктует не столько ситуация, сколько «безудержное чувство» самого мастера, которое просится наружу, которое нельзя удержать в себе. Как утверждал И.Кант, «природа гения сама дает искусству правила» [42].

Развивая идею о девиантологической природе творчества (и креативности), можно предположить, что в известном смысле *любовь художника к творчеству есть его нелюбовь к миру*, невозможность оставаться в границах этого мира. Не случайно обыватель, рассказывающий о жизни художника, всегда фиксирует некие «странности» и «аномалии», свидетельствующие, как ему (обывателю) кажется, о неустроенности и неприкаянности творца. Действительно, художник не вполне адаптирован к окружающему миру. В психологической науке конформное поведение описывается как повышающее *адаптивные* возможности личности.

Изнутри художника «распирают» две как бы исключают друг друга силы: с одной стороны – стремление к *снятию напряжения* в окончательном результате творческого акта, несущее удовлетворение и некоторое угасание созидательной потребности, а с другой – тяга к *подъему напряжения*, концентрации, новому активному преодолению среды. Первый комплекс движущих сил поведения, напомним, был подробно разработан З.Фрейдом в теории сублимации. Однако если обычному человеку снятие напряжения приносит успокоение, ведет к завершению деятельности, то у художника, все наоборот – реализованный результат влечет за собой потребность нового подъема сил, нового нарастания напряжения. Второй комплекс движущих сил получил разработку в трудах А. Бергаланфи и Ш.Бюлер. Близкие идеи

³⁸ Немецкий психолог Х. Хекхаузен истолковывает интенцию как своего рода *намерение*, вписанное в природу самого творца, несущее на себе отпечаток особой окрашенности его таланта (Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. М., 1986. Т. 1. С. 13).

высказывал и Г.Гессе, утверждавший, что путь художника – это непрерывное *самоотречение*, в то время как идеал мещанина – *самосохранение* [46, гл.28].

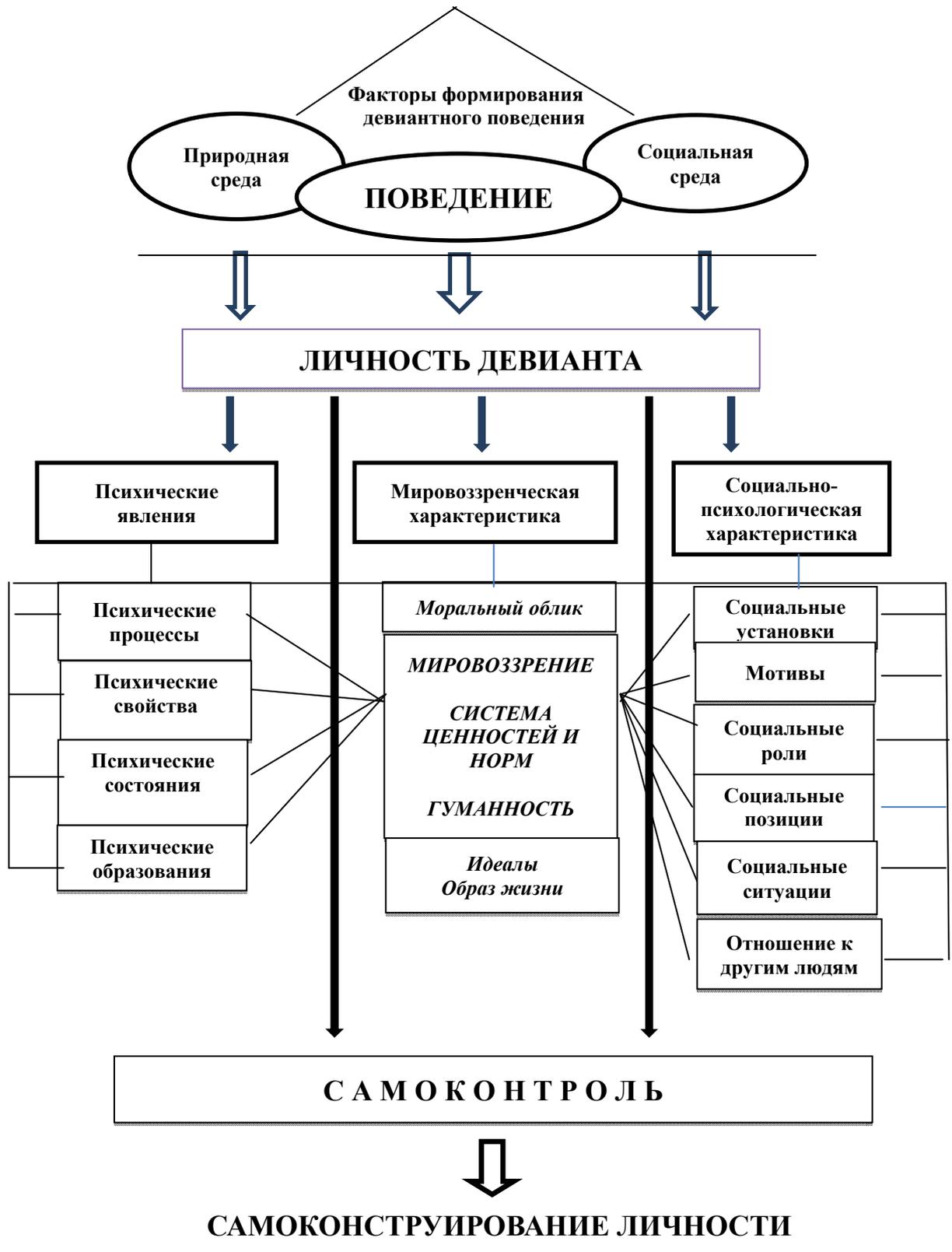
И, тем не менее, в какой бы мере человек, наделенный талантом, ни полагался на силы извне, ему необходимо *мастерство*, то есть овладение ремеслом, умение точно выбирать среди множества путей свой единственный и неповторимый, терпеливо возвращать в себе установку на творчество. Все это требует овладения разными навыками психологической защиты. Главным защитным фактором выступает способность художника *осуществить интеграцию своего «я»*. Именно потому, что интенсивность творческой жизни художника слишком велика и амплитуда его переживаний гораздо выше, чем у обычного человека, он принужден в творческом акте максимально *собирать себя «в кулак»*. Требуется жесткая самодисциплина, чтобы добиваться концентрации, синтеза, гармонии, чтобы удерживать установку на целесообразность действий.

Для того чтобы состоялось рождение произведения, необходимо наличие так называемой творческой *доминанты*. Доминанта есть результат наличия в сознании прочных, образовавшихся в течение жизни связей, которые, находясь обычно в приглушенном состоянии, ярко вспыхивают при определенных условиях.

Энергия постоянно воспроизводимой творческой доминанты поддерживает творческий тонус. Вот почему систематическая творческая работа, даже начатая с большим усилием, может привести в деятельное состояние весь творческий аппарат (как известно, «вдохновение – это такая гостья, которая не любит посещать ленивых», находит свое экспериментальное подтверждение).

Однако обратимся к схеме 1.

**Психологическая структура личности девианта
(по Ю.А. Клейбергу) [30; 31]**

Как видно из нашей девиантологической структуры личности, в ее основе лежит *система ценностей и норм*, механизмом внутреннего принятия которой является *гуманность* (милосердие, человечность, благородство), которую мы определяем, с одной стороны, как отношение к другим людям, любовь к людям, толерантность, а с другой – как преодоление себя, используя свою внутреннюю самоконтролирующую природу.

Нам думается, что наиболее продуктивным и перспективным условием (фактором), влияющим на *креативную социализацию личности* (как позитивную, так и деструктивную) является *само-конструирование личности (self-construction personality)*, в основе которого находится «собственная творческая активность, самосознание и процессы самоосуществления личности» (И.С.Кон, 1989). Под конструированием, вслед за Г.М.Андреевой и Х.Абельсом, мы понимаем «приведение социальной информации в систему ... с целью постижения ее *смысла*» (Г.М.Андреева, 2000), основным объяснительным принципом которой становится *«интерпретативная парадигма»* (Х.Абельс, 2000). Согласно этой парадигме, реальный внутренний мир личности предполагает непрекращающийся процесс *само-со-творения*, поскольку постоянно самопознается, осмысливается, оценивается и интерпретируется.

Система ценностей и норм, ценностных ориентаций помогает личности в этом процессе самоактуализироваться, выбрать правильный вектор избегания *аномии ценностей*, негативной трансформации ценностных ориентаций. Почему это так важно для личности, да и для общества тоже? Потому что система ценностей имеет двойное функциональное значение. Во-первых, ценности, как верно полагает Ю.А.Шерковин (1982, с.137), являются основой формирования и сохранения в сознании людей *установок*, которые помогают индивиду занять определенную позицию, выразить свою точку зрения, дать оценку. Тем самым они становятся частью сознания.

Во-вторых, ценности выступают в преобразованном виде в качестве *мотивов деятельности и поведения*, поскольку ориентация человека в мире и стремление к достижению определенных целей неизбежно соотносятся с ценностями, вошедшими в его личностную структуру.

Система же ценностных ориентаций – важный регулятор активности человека, поскольку она позволяет соотносить индивидуальные потребности и мотивы с осознанными и принятыми личностью ценностями и нормами социума.

Аномия ценностей как раз и характеризуется непризнанием личностью (социальной группой) общественных норм и ценностей, негативным отношением к ним, отсутствием внутренних принципиальных нравственных императивов и ценностных позиций.

Хотя следует признать и тот факт, что трансформация ценностей и социальных ориентиров, особенно подростков и молодежи была во все исторические эпохи. Этот процесс неизбежен и, увы, болезнен. Можно назвать много причин, факторов, влияющих на трансформацию ценностных ориентаций и всей системы ценностей и норм, приводящие к разного рода кризисам – идентичности, интересов, ценностей и др. Один только психо-гормональный дисбаланс (пубертат) чего только стоит для подростков! Перестройка их организма и психики в этот период происходит по особому алгоритму, по индивидуальному «сценарию» с проявлением целого комплекса социальных, психологических и физиологических особенностей и признаков, которые мы наблюдаем как девиантные в поведении, поступках, взаимодействии.

В этой связи вызывает интерес исследование, проведенное В.Г.Морогиным (2007-2008).³⁹ В результате эмпирических данных, им было отобрано 15 наиболее дигностически значимых ценностей, которые составили структуру ценностно-потребностей сферы личности. Это: 1. Общение; 2. Уверенность; 3. Безопасность; 4. Вера; 5. Карьера; 6. Творчество; 7. Богатство; 8. Справедливость; 9. Здоровье; 10. Красота; 11. Свобода; 12. Успех; 13. Любовь; 14. Власть; 15. Честь.

Исследование В.Г.Морогиным этой структуры позволило выявить существование восьми ценностных зон (сфер), где самоактуализация личности может осуществляться в любой из них:

1. Гедонистическая зона, в которую включены потребности удовольствия.

2. Зона безопасности, которая представлена защитными от различных неблагоприятных воздействий потребностями.

3. Эго-зона, представленная потребностями индивидуалистического стремления и амбициями личности.

4. Экзистенциальная зона, включающая в себя потребности, связанные с действием социальных и политических факторов.

5. Аффiliationная зона, аккумулирующая потребности индивида в межличностных взаимодействиях.

6. Когнитивная зона – интеллектуальные и познавательные потребности.

7. Ритуальная зона. В ней сосредоточены потребности, связанные с традициями и ритуализацией поведения.

8. Трансцендентальная зона, содержанием которой являются духовные потребности человека и потребности личностного роста.

Таким образом, человеческое поведение рассматривается, как результат сложного взаимодействия личностных и ситуационных факторов. Один из столпов социальной психологии Курт Левин

³⁹ Морогин В.Г. Теория и методология экспериментально-психологического исследования ценностно-потребностей сферы личности // Человеческий фактор: Социальный психолог. 2008. №1 (15). С.23-24.

описывал этот подход формулой: $\Pi = f(L + C)$ – поведение есть функция от взаимодействия личности и ситуации. Модифицируя эту формулу, добавлю в нее важный недостающий элемент – *систему ценностей и норм (СЦН)*, то, без чего не может актуализироваться личность и проходить социальное взаимодействие между людьми (взаимоотношения) во всех сферах их жизнедеятельности, в том числе и в сфере искусства.

Тогда формула будет выглядеть таким образом: $\Pi = f(L + \text{СЦН} + C)$, где Π – поведение, f – функция, L – личность, СЦН – система ценностей и норм, C – ситуация.

Итак, мы выяснили, что творчество имеет свою разнонаправленность и ее следует учитывать: всякое подлинное искусство даже в замкнутых и тоталитарных цивилизациях является *функциональным и дисфункциональным одновременно*. Под давлением дисфункциональных элементов, вызванных к жизни новым ощущением бытия, всегда вырастает оппозиционная ей традиция, которая обобщает и тем самым как бы легализует выпадающие «нонконформистские» тенденции творчества.

ГЛАВА 8.

ЭПАТАЖ И МАНИПУЛЯЦИЯ В ИСКУССТВЕ: ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ЭКСПОЗИЦИЯ ПРОБЛЕМЫ

В «Толковом словаре русского языка» С.И.Ожегова читаем: «*эпатаж – вызывающее поведение; скандальная выходка*» (2006, с.911).

Эпатаж – запланированное, экстраординарное, самодостаточное нарушение общепринятых норм за рамками традиционного восприятия, имеющее своей целью привлечение внимания к продукту или услуге и развитие восприятия продукта или услуги с точки зрения новаторства и уверенного превосходства над конкурирующими продуктами и услугами.

Эпатáж (фр. *épatage*) — умышленно скандальная выходка или вызывающее, шокирующее поведение, противоречащее принятым в обществе правовым, нравственным, социальным и другим нормам, обычно рассматриваемое большинством в данном обществе, как предосудительное, недостойное или недопустимое.

Слово «эпатаж» соответствует жаргонному фр. *épatage*, «подножка» из русского выражения «дать/подставить подножку». В

русский язык слово вошло в XIX веке вместе с желанием «ошеломить буржуев» (фр. *épater les bourgeois* – «ошеломить буржуев»), которое проповедовали французские деятели искусства с 1830-х годов. Во многих языках, включая английский, слово не имеет эквивалента.⁴⁰

Эпатаж может проявляться не столько в поведении человека, сколько в его творчестве или общественной деятельности, которые радикально нарушают существующие обычаи, каноны, нормы. С приходом модернизма эпатаж вошел в искусство как неотъемлемый элемент. Привлечение внимания к товарам и услугам с помощью эпатажа широко используется в рекламе и маркетинге.

Феномен эпатажа, сложного многофакторного явления, актуализировавшийся в России в последние два десятилетия, является предметом дискуссий в научной литературе и находится на пересечении проблемных полей психологии, социологии, социальной философии, права, истории, культурологии, искусствоведения, политологии и других общественных наук.

Существование проблемы эпатажа в XX веке трудно переоценить. Распад привычного образа мира в эпоху кризиса культуры влечет за собой массовую утрату идентификаций как на индивидуальном, так и на групповом уровнях, а также на уровне общества в целом. Фундаментальные перемены в XX веке привели к рождению общества творческих индивидуальностей, актуализации девиантной активности и, как следствие – поиск оригинальности, что также нашло свое выражение в эпатаже, эпатажном поведении.

Е.А.Рогалева в своей работе «Эпатаж в XX веке. Теория игры в анализе эпатажа» (2001) утверждает, что «традиционно феномен эпатажа рассматривался гуманитариями в контексте изучения личной жизни индивида, в жанре исторической биографии, когда анализу подвергался сам факт выхода за пределы нормы, исследовалась сама норма, подчас с позиций либо психологического, либо юридического подходов». Автор также рассматривает эпатаж как средство выхода из неопределенного и неустойчивого положения, порожденного отсутствием единой «культурной матрицы» для принятия решений в условиях современного столкновения культур. Эпатаж у Рогалевой – это проявление девиантного поведения вследствие утраты самоидентификации и одновременно поиск новой идентификации. Она считает, что присутствующий в эпатаже элемент игры позволяет использовать художникам девиантное поведение не для разрушения, а

⁴⁰ Здесь были использованы интернет-источники, представленные в открытом доступе: <http://www.4p.ru/main/theory/144848/>; <http://constructorus.ru/psixologiya/chto-takoe-manipulyaciya.html>; <http://www.psychology.ru/library/184>; <http://www.dslib.net/teorija-kultury/kich-kak-sociokulturnyj-fenomen.html>; http://sbiblio.com/BIBLIO/archive/grachev_manipulirovanie/03.aspx.

для творчества, так как игра создает порядок за пределами пространства повседневной жизни.⁴¹

Схожую позицию занимает С.Даниэль. В его понимании эпатаж – это девиантность, переходящая из жизни художника в его творчество.⁴²

Альберт Камю считает, что эпатаж – это предельное проявление «метафизического бунта» (восстание «человека против своего удела и против всей вселенной»). При этом эпатаж является бесполезным бунтом художника, который «замыкается в абсолютном отрицании».⁴³

Маринетти утверждал, что «без наглости нет шедевров», потому «главными элементами нашей поэзии будут храбрость, дерзость и бунт».

Разногласия в определении эпатажа заставляют некоторых исследователей избегать самого термина. Так, А.Флакер использует два термина, «эстетическая провокация» и «эстетический вызов» вместо эпатажа, так как последний с точки зрения А.Флакера обременен «историческими и классовыми коннотациями».⁴⁴

Однако в качестве феномена социальной жизни конца XX века, явления, имеющего глубокие не только социокультурные, но и психологические (девиантологические) основания, эпатаж до сих пор не изучался.

В науке такое сложное и многогранное явление, как эпатаж, было изучено на основании *принципа взаимодополнения* (Н.Бор). Такими взаимодополнительными подходами являются *теория девиантного поведения, концепция кризиса идентификации и теория игры*. Шокирование и изумление публики, отклонение от нормы позволяют рассматривать эпатаж как проявление девиантного поведения. С точки зрения структурной, эпатаж является следствием утраты идентификаций и проявляется как несоответствие поведения нормативным требованиям социальной среды. Эпатаж – это поиск идентификации.

В рамках социальной психологии и девиантологии эпатаж предстает и как *деструктивный феномен*, вызывающий дезакцептацию, дезадаптацию и конфронтацию или даже открытый конфликт существующей системе традиционных норм морали и права, и как *позитивный феномен*, имеющий в своей основе нетрадиционность, творчество, необычность, новаторство, экстраординарность, в результате чего происходит тоже нарушение общепринятых норм, но только морали и культуры. Здесь сильна

⁴¹ Рогалева Е.А. Эпатаж в XX веке: теория игры в анализе эпатажа // Вестник Самарского государственного университета. Социология. 2001. № 3. С. 37-39.

⁴² Даниэль С. Авангард и девиантное поведение // Авангардное поведение. СПб, 1998. С.41-46.

⁴³ Камю Альберт. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. М.: Политиздат, 1990.

⁴⁴ Флакер А. Эстетический вызов и эстетическая провокация // Живописная литература и литературная живопись. М., 2008. С. 88-99.

дерзкая эмоционально-интригующая составляющая влияния эпатажа на публику, приводящая ее в замешательство и шок из-за своей контрастности с мнениями и представлениями окружающей среды. Поэтому для эпатажа важно постоянно усиливать эту эмоциональную составляющую. А. Старцев приводит достаточно точную сравнительную параллель эпатажа с усилителем вкуса: эпатаж действует аналогично пищевому усилителю вкуса глутамату натрия, который раздражает наши вкусовые рецепторы и «делает» еду более «вкусной». Поэтому в нашем случае *эпатаж – своеобразный усилитель эмоциональной, чувственной составляющей основы психики человека, это раздражитель «вкусовых рецепторов» устоявшейся морали*. Именно для этого он нужен, именно для этого его используют. Главное – не переусердствовать с дозировкой, как в известной карикатуре про хлеб и напильники: заключенный в тюрьме, принимая очередную передачу от посетителя, умоляет: «Побольше хлеба, поменьше напильников!».

Важной особенностью эпатажа является открытая, публичная демонстративность. Чтобы проявить эпатажное поведение, нужна публика, зрители, которые оценят это поведение. Стало быть, эпатаж, эпатажное действие – это игра, своеобразный спектакль, имеющие свой сценарий, свои правила игры, установленные эпатирующим субъектом. Причем именно элемент игры позволяет субъектам, находящимся под воздействием эпатажа, примитивно воспринять заложенные в такое поведение идеи, замысел и смысл. Это облегчает процесс оценивания увиденного или услышанного и создает условия эпатирующему для трансляции, а затем и создания новых образов.

В социальной природе эпатаж не одинок: у него есть «родственники» в виде *провокации, сенсации, кича*. Очень часто эпатирующие субъекты используют их в качестве дополнения к эпатажу, а иногда и в качестве субститутов.⁴⁵

В чем же совпадения и взаимоисключения, что общего между эпатажем и кичем? Общего не так много и оно заключается в том, что:

Во-первых, и кич, и эпатаж действуют в режиме настоящего времени «здесь и сейчас», чтобы произвести внешний эффект, ошарашить и поразить.

Во-вторых, и кич, и эпатаж достаточно настойчивы и навязчивы в своих предложениях обществу.

В-третьих, и эпатаж, и кич меняют представление об отживающих элементах общественных устоев (различаются только механизмы). Они заставляют увидеть в догмах нечто такое, что

⁴⁵ *Субститут* (лат. substitution – заменитель; substitutes - подставленный) – заменитель, суррогат; замена товара на другой товар, обладающий сходными с ним свойствами; в психологии – то же, что *сублимация агрессии* (замена разрушительных импульсов на другие, более высокие и социально одобряемые уровни психического функционирования).

вызовет отвращение у аудитории, заставит увидеть привычный процесс с неожиданной стороны.

В четвертых, и эпатаж, и кич являются социальным механизмом развития, толкая публику к изменению мышления, развитию отношений.

Различий между эпатажем и кичем гораздо больше, и они выглядят таким образом:

1. *Кич* имеет «массовую ориентацию», это популярное псевдоискусство, его можно увидеть и на заборе, и в выставочном зале.

Эпатаж – четко ориентирован на целевую аудиторию, важно место, время, окружение, доступен только один раз, невозможно тиражировать.

2. *Кич* содержит только ответы, заранее подготовленные клише, не вызывает духовных исканий, но стремится к созданию незамутненного, самоуверенного спокойствия.

Эпатаж – нарушает стандарты и стереотипы, переворачивает сознание, заставляет сомневаться в объективности общепринятых норм, искать другие варианты.

3. *Кич*, подражая высоким художественным образцам, намеренно низводит их к банальности и пошлости.

Эпатаж сам является искусством и образцом, имеет высокие долгосрочные цели в отношении предмета эпатажа, основа действий – стиль.

3. *Флаг кича* – мода и попса.

Библия эпатажа – чувство меры, недоступность для других.

Исходя из этой классификации общего и особенного в эпатаже и киче, можно сказать, что *кич является инструментом эпатажа*, либо его спутником. Кич – менее благопристойен, нежели эпатаж. Однако и тот, и другой являются мощным социально-психологическим провоцирующим механизмом, изменяющим сознание, установки и поведение людей, социальных групп и общества в целом. И все же эпатаж достаточно демократичный инструмент, предлагающий другим принять или не принять источник эпатажа. Имеет четкую внутреннюю ориентацию. Кич же характеризуется беспринципностью, бесцеремонностью и открытым попранием норм морали.

Говоря откровенно, редкий человек не причастен к чему-то, что отвергается канонами благопристойности: об аморальных ли поступках заходит речь или о асоциальном поведении, похотливых желаниях или черном юморе. Следует признать: все это – вместе или по отдельности – присуще каждому. Однако проблема в другом: когда посредством эпатажа немотивированно отрицаются, вульгаризируются и искажаются культурные нормы, ценности и традиции поколений целого народа и формируются новые, непонятные и агрессивные нормы, человеческое подсознание «бунтует», испытывает дискомфорт, «смешанные чувства»: с одной

стороны, защищается, блокируя то, что нельзя, а с другой, с интересом впитывает эту информацию.⁴⁶ И если раньше эпатаж затрагивал только сферу искусства и шоу-бизнеса, то теперь он проникает во все сферы человеческой жизнедеятельности: мы испытываем его в личных и семейных взаимоотношениях, в деловом общении, религиозные убеждения оказывают на нас свое влияние, а манипуляция государства его гражданами вообще не знает границ. Это было всегда, есть, и так будет. Под воздействием психологических провокаций, манипуляций эпатирующих субъектов у человека, социальной группы, этноса, общества происходит трансформация их сознания со всеми вытекающими для них последствиями, принимая формы, описанные в свое время Лебоном, Фрейдом, Московичи, Каннети и другими исследователями воздействия манипулятивных методик применимо к массам. Государство и власть, используя тотальную манипуляцию, неумолимо ускоряет процесс изменения системы культурных норм и ценностей общества на генерационном уровне. А это грозит обществу социокультурными и психологическими катаклизмами (я уже не говорю об экономических и политических катаклизмах). И этот тотальный эксперимент власти и государства над своим народом может оказаться последним для нации, общества, а, значит, и для самого государства.

В современной трактовке понятие «манипуляция» рассматривается как «воздействие на человека (группу людей) с целью побуждения к действиям, противоречащим его (их) собственным интересам». Следует заметить, что от иных видов психологического воздействия манипуляцию отличает закрытый характер: скрываются не только цели, намерения или интересы активной стороны, но и сам факт преследования иных, кроме декларируемых целей. Таким образом, сущность манипуляции заключается в видимой открытости информации, декларировании возвышенных целей, но при этом существует нечто скрытое от глаз, некий механизм, который позволяет осуществлять воздействие на людей, не будучи сам при этом обнаруженным. Реальные цели и мотивы манипуляторов практически всегда расходятся с декларируемыми.

Используются подсознательные и подпороговые информационные стимулы различных модальностей: аудиальные, визуальные, аудио-визуальные, тактильные. К универсальным

⁴⁶ Российский писатель Виктор Ерофеев, рассуждая о тенденциях в современной литературе в своей книге «Русские цветы зла» пишет: «Разрушилась хорошо охранявшаяся в классической литературе стена [...] между агентами жизни и смерти (положительными и отрицательными героями). Каждый может неожиданно и немотивированно стать носителем разрушительного начала; обратное движение затруднено. [...] Красота сменяется выразительными картинами безобразия. Развивается эстетика эпатажа и шока, усиливается интерес к «грязному» слову, мату как детонатору текста. Новая литература колеблется между «черным» отчаянием и вполне циничным равнодушием. В литературе, некогда пахнувшей полевыми цветами и сеном, возникают новые запахи – это вонь».

побудителям поведения относятся такие человеческие чувства и мотивы, как потребность в безопасности, пище, объединении с другими людьми и группами, во власти и достижении, чувство гордости и потребность в самоуважении. Часто движет людскими поступками стремление к уюту и повышению статуса, враждебность к «другим» и желание комфорта, в том числе и психологического, потребность в защите и контроле над событиями и людьми, контроле над собственной жизнью.

Е.Л.Доценко (1996) приводит ряд следующих формулировок понятия манипуляции:

- вид психологического воздействия, искусное исполнение которого ведет к скрытому возбуждению у другого человека намерений, не совпадающих с его актуально существующими желаниями;

- вид психологического воздействия, при котором мастерство манипулятора используется для скрытого внедрения в психику адресата целей, желаний, намерений, отношений или установок, не совпадающих с теми, которые имеются у адресата в данный момент;

- вид психологического воздействия, направленного на изменение активности другого человека, выполненного настолько искусно, что остается незамеченным им;

- вид психологического воздействия, направленного на неявное побуждение другого к совершению определенных манипулятором действий;

- искусное побуждение другого к достижению (преследованию) косвенно вложенной манипулятором цели;

- вид психологического воздействия, используемого для достижения одностороннего выигрыша посредством скрытого побуждения другого к совершению определенных действий.

Иногда, по его мнению, в практических целях удобнее пользоваться непосредственно метафорой при определении данного понятия, сформулировав его следующим образом: «Манипуляция – это действия, направленные на «прибирание к рукам» другого человека, помыкание им, производимые настолько искусно, что у того создается впечатление, будто он самостоятельно управляет своим поведением» [12, с.58].

Манипуляция – это скрытый психологический прием, целью которого является заставить человека, вопреки его интересам, выполнить нужные вам действия. Немало важный фактор манипулирования – сделать так, что бы человек сам захотел это сделать.

Манипуляция, это инструмент воздействия на людей, и все зависит от того, в каких руках он находится. Так же как и нож, может служить оружием убийства, а может быть инструментом во спасение жизни, при хирургической операции.

Любой человек в своей жизни, сталкивается с тем, что на него оказывается манипулятивное воздействие, и сам сознательно или бессознательно манипулирует другими людьми. Весь социум в той или иной степени использует различные способы манипуляций, он на них построен и полностью их поощряет. Таким образом, психика абсолютно любого индивида (за редким исключением) подвержена манипулятивным воздействиям извне: профессор С.Г.Кара-Мурза относил к таковым, прежде всего, психику простых людей, а профессор В. Медведев – психику индивидов, на которых не осуществлялось воздействие средств массовых коммуникаций, прежде всего телевидения.

Результаты анализа, проведенного Е.Л.Доценко (1996), позволяют раскрыть как сам подход, так и основные значения понятия «манипуляция». Выделенные им характеристики манипуляции, употребляемые различными авторами, объединяются в группы признаков и обобщаются в следующие интегральные критерии, которые можно использовать для определения понятия манипуляции:

- 1) родовой признак – психологическое воздействие;
- 2) отношение к объектам манипулирования как средству достижения собственных целей;
- 3) стремление получить односторонний выигрыш;
- 4) скрытый характер воздействия (как самого факта воздействия, так и его направленности);
- 5) использование (психологической) силы, игра на слабостях (использование психологической уязвимости);
- 6) побуждение, мотивационное привнесение (формирование «искусственных» потребностей и мотивов для изменения поведения в интересах инициатора манипулятивного воздействия);
- 7) мастерство и сноровка в осуществлении манипулятивных действий [12].

Таким образом, резюмируя вышесказанное о манипуляции, можно сделать достаточно обоснованный вывод о том, что понятие «манипуляция» употребляется в следующих переносных значениях.

Во-первых, как обозначение специфического общего подхода к социальному взаимодействию и управлению, предполагающего активное использование разнообразных способов и средств скрытого принуждения людей [12, с.45].

Во-вторых, манипуляция используется как обозначение специфического вида психологического воздействия. В этом значении используются также понятия «манипулятивное воздействие», «психологические манипуляции», «манипулирование общественным мнением» и «манипулирование общественным сознанием», «межличностные манипуляции», «социально-политические манипуляции личностью» и т.п.

В-третьих, понятие манипуляции используется для обозначения определенных организационных форм применения тайного принуждения человека и отдельных способов или устойчивых сочетаний приемов скрытого психологического воздействия на личность.

Причем, процесс манипулирования может быть относительно простым, включающим «одноактный» период общения с использованием одного или нескольких приемов манипулятивного воздействия, или структурно достаточно сложным, то есть включать комплекс (систему) разнообразных манипулятивных приемов, действие которых направлено на различные психологические структуры личности и использование различных психологических механизмов с поэтапной реализацией этих приемов в определенные периоды времени и в различных ситуациях взаимодействия [28].

В заключение рассмотрим основные функции эпатажа как механизма манипуляции.

1. *Информативная функция.* Информация, которую несет тот или иной эпатажный субъект, оповещает публику о следующих вещах:

- мир застоялся и требует обновления в одной из сфер;
- субъект эпатажа располагает информацией о способе разрешения сложившейся ситуации;
- субъект эпатажа показывает, как это можно делать;
- субъект меняется внутренне и не требует, а предлагает окружению обратить внимание на проблему.

2. *Аналитическая функция.* Она заключается в серьезной предварительной аналитической работе эпатажирующего субъекта по переосмыслению и новому видению проблемы. Господствующие догмы здесь не действуют и сразу отбрасываются – требуется концептуально новый подход, отличительный, знаковый, узнаваемый.

3. *Мобилизующая функция.* Поскольку эпатаж – явление затратное, оно требует мобилизации многих ресурсов: человеческих (договориться с организаторами о возможности эпатажа, найти единомышленников, подобрать помощников и сопровождающих); финансовых; информационных; материальных (используемые материалы также должны быть новы и демонстративны).

4. *Функция раскрепощения.* Готовность к эпатажу подвигает человека искать подтверждение правильности или хотя бы оправданности своих действий. И оно всегда находится. Человеку необходима поддержка, чтобы он не чувствовал себя одиноким в эпатажном порыве. Через эпатаж предлагается открыться полностью, воспринимать только настоящий момент акции, быть полностью доступным в объяснении своих возражений в отношении постулатов и догм. Раскрепощение предполагает найти точку опоры, которая позволит непринужденно и совершенно свободно осуществлять эпатажные поступки.

5. *Функция актуализации.* Под этой функцией понимается процесс «раскручивания» темы, популяризация проблемы, доказательство того, что вопрос действительно назрел и сейчас же требует решения. Эпатирующий субъект «делает» проблему актуальной, насущной, горячей, острой, обсуждаемой. Так поступил Кулик, например, во время акции «Пятачок раздает подарки» в 1995 году во время анималистического фестиваля, когда в СССР всюду обсуждался вопрос об отмене смертной казни (и все депутаты проголосовали «против»).

И последнее. Эпатаж, вообще, понятие относительное, как и сами этика и мораль – что было запрещено вчера, сегодня уже никого не удивляет, что было вчера общественным раздражителем, сегодня уже норма. По мере расширения и уплотнения информационного пространства, что и происходит сейчас активно, спрос на нетривиальные идеи, провокацию, эпатаж будут неизменно повышаться. И с этим ничего не поделаешь. Это надо понять и принять.

ГЛАВА 9.

ДЕВИАНТНЫЙ ИМИДЖ ЛИЧНОСТИ

Как известно, понятие «*имидж*» ввели в научный обиход Зигмунд Фрейд (30-е годы XX века) и Кеннет Болдуинг (60-е годы XX века). З.Фрейд издавал журнал с одноименным названием, в результате это понятие перестало быть только психологическим термином. В России понятие «имидж» широко вошло в практику 90-х годов XX века.⁴⁷

Феномен имиджа, сложного многофакторного явления, актуализировавшийся в России в последние почти три десятилетия, является предметом дискуссий в научной литературе и находится на пересечении проблемных полей психологии, социологии, социальной философии, истории, юриспруденции, культурологии, искусствоведения, политологии и других общественных наук.

Девиантологический подход к анализу предпосылок формирования *девиантного имиджа личности* (в частности, подростка) является, насколько мне известно, первой попыткой

⁴⁷ Квеско Р.Б., Квеско С.Б. Имиджелогия: учебное пособие / Р.Б.Квеско, С.Б.Квеско. Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2008. С. 4.

институционализации данного феномена в отечественной социально-психологической и девиантологической науке.

Понятие «имидж» имеет много различных определений. *Краткий психологический словарь* А.В.Петровского и М.Г.Ярошевского определяет имидж как стереотипизированный образ конкретного объекта, существующий в массовом сознании. *Специалисты по социологии права* трактуют эту категорию как «обобщенную, эмоционально окрашенную в общественном и личном сознании форму отражения правовой действительности в виде комплекса представлений о законах и методах социально-правового воздействия (Оксамытный В.В., 2000). В.М.Шепель (1996) дает такое определение: «Имидж – индивидуальный облик или ореол, создаваемый средствами массовой информации, социальной группой или собственными усилиями личности в целях привлечения к себе внимания». *Словарь по девиантологии* Ю.А.Клейберга содержит авторское определение *девиантного имиджа личности*, как «сознательно приобретенный специфический способ демонстрации личностью комплекса внешних и внутренних качеств, которые в глазах окружающих выступают как внешнее отражение его личности и показатель девиантных особенностей ее поведения и сознания; это то представление, которое создано самой личностью о себе в целях создания должного впечатления для удовлетворения потребности в самоутверждении и самореализации» (Клейберг, 2014; 2015).

Существование проблемы имиджа в XXI веке трудно переоценить. Распад привычного образа мира в эпоху кризиса культуры влечет за собой массовую утрату идентификаций как на индивидуальном, так и на групповом уровнях, а также на уровне общества в целом. Фундаментальные перемены в конце XX- начале XXI века привели к рождению общества предприимчивых, прагматичных, дерзких, творческих (в позитивном и в негативном смысле) индивидуальностей, актуализации социальной активности и, и как следствие, – поиск оригинальности, что также нашло свое выражение в девиантном имидже, девиантном поведении подростков и молодежи, активизации подростково-молодежных субкультур различной социальной ориентации, в том числе и девиантологической и криминальной. Проявление девиантного поведения в подростково-молодежной среде является следствием утраты самоидентификации и одновременно поиск новой идентификации (Клейберг, 1995; 1999).

Специально сделаю акцент на том, что на разных этапах персонотенеза в эпоху неопределенности и поиска своей идентичности, ребенок (подросток, юноша) сталкивается с множеством социальных ситуаций, которые мотивируют и провоцируют его на девиантные поступки. Эти ситуации являются источником скрытой и явной девиантности, девиантной стигматизированной идентичности.

Именно такая идентичность часто служит подростку специфической социально-психологической защитной реакцией, гарантирующей ему сохранность, как это ни странно может показаться, его истинной (актуальной) идентичности и позволяющей расширить свой поведенческий репертуар на фоне недостаточно сформированной социокультурной репрезентации.

В научной литературе представлены основные социально-психологические предпосылки формирования имиджа вообще. Таковыми являются: *перцептивно-оценочный* (А.А.Бодалев, В.А. Лабунская, В.Н.Мясищев, В.Н.Панферов и др.), *психосемиотический* (М.В.Гамезо, В.С.Герасимова, Б.Ф.Ломов, И.Ф.Неволин, Е.А.Петрова и др.), *системный* (Б.Г. Ананьев, И.В. Блауберг, А.А. Деркач, Б.Ф. Ломов и др.), *субъектно-деятельностный* (Б.Г. Ананьев, А.Н. Леонтьев, Б.Ф. Ломов, С.Л. Рубинштейн и др.) и *эмоционально-семантический* (Д.Н.Завалишина, П.В. Копнин, В.Ф.Рубахин и др.).

В имиджологии были предприняты усилия исследователей структуризации имиджа как социального явления. Но какой-либо попытки структурировать именно девиантный имидж личности подростка в научной литературе мною не обнаружено. Такой практики, насколько мне известно, на сегодняшний день не существует. Однако исследовать «внутреннее устройство» девиантного имиджа личности, обнаружить в нем устойчивые связи и отношения, обеспечивающие ему целостность, придать этому термину адекватный (с методологической точки зрения) «вид» научного понятия, то есть структурировать его – необходимое и важное условие научного исследования, неотъемлемый его атрибут.

Именно по такому пути мы и пошли. Несмотря на сложности, структурирование девиантного имиджа личности возможно и необходимо. Для структуры девиантного имиджа личности характерны: субъект (носитель имиджа), элементный состав, связи, отношения, целенаправленность, мотивы, соответствие имиджа личности, функциональные особенности (имея в виду, что функция – это поведение в конкретной среде), модели и др.

Итак, *структура девиантного имиджа личности подростка* – это взаимосвязь и взаимообусловленность *когнитивного* (познавательного – знания, представления), *эмоционального* (аффективного – иллюзорный романтизм, эмоционально выраженное отношение и оценка) и *поведенческого* (конативного – ритуализация, символика и атрибуты) *факторов*, компонентов, которые составляют содержание девиантных ориентаций и поведения подростка. Данная структура представлена нами в виде *тетраэдра* (рис. 4).

Рис. 4. Структура девиантного имиджа личности подростка тетраэдер (по Ю.А.Клейбергу)

В рамках социальной психологии и девиантологии имидж предстает *и как позитивный, созидательный феномен*, имеющий в своей основе нетрадиционность, творчество, необычность, новаторство, экстраординарность, в результате чего происходит специфическое нарушение общепринятых норм морали и культуры, *и как деструктивный, разрушительный феномен*, вызывающий дезакцептацию, дезадаптацию и конфронтацию, или даже открытый конфликт с существующей системой традиционных норм морали и права (Клейберг, 2014; 2013; 2012; 1995; 1999). В таком понимании имидж выступает как социально-психологическая установка, как мотив, как ценностный стереотип, как модный символ, отражающий девиантное (внешне-внутреннее) своеобразие, присущее конкретной личности.

Основная девиантологическая проблема современности – социально-психологическая дезадаптация значительного количества детей (и взрослых – тоже), связанная с трудностями экономического кризиса, которые испытывают значительное психотравмирующее воздействие, которое зачастую снижает их собственную способность к адаптации, приводит к утрате состояния внутреннего психологического комфорта и психологического благополучия. Внешне это проявляется в девиантном (криминальном) поведении, повышении невротических реакций на внешние раздражители. Как следствие усиливается беспричинная конфликтность, агрессия, повышается уровень невротизации/депрессивности, суицидальные наклонности.

Важной особенностью девиантного имиджа является открытая, публичная, даже эпатажная демонстративность. Для самопрезентации

девиантного имиджа, нужна публика, зрители, которые оценят и это поведение, и обладателя имиджа (имидж-субъекта), и имидж в целом. Понятно, что девиантный имидж в нашем случае – собирательное понятие, искусственно сформированный образ. Это – облик, та форма жизненного проявления человека, благодаря которой публично проявляются не самые лучшие личностно-деловые характеристики. Это, если угодно, – сформированная и специфическим образом заявленная позиция личности (или социальной группы, субкультуры). Однако, к сожалению, именно девиантный имидж часто является привлекательным для большинства подростков и молодежи с неокрепшей или несформированной «содержательной структурой личности» (термин Б.Г.Мещерякова).

Конструирование девиантного имиджа, как правило, носит оппозиционный, а значит, конфликтный и деструктивный/конструктивный характер, в результате чего происходит бездарное/талантливое позиционирование собственной девиантной репутации, приобретаются устойчивые и малоподвижные черты девиантного имиджа, который, при этом, не должен разрушать индивидуальность, соответствовать ей.

Девиантный имидж личности – явление средовое; он выступает как признание/непризнание, отвержение/восхищение, как оценочное отношение определенной социальной группы к личности, демонстрирующей свои девиантные характеристики.

Поскольку деятельность и поведение, как удачно напоминают Р.Б. и С.Б.Квеско,⁴⁸ современного человека несут на себе отпечаток социального наследования, детерминировано социальными нормами, традициями, стереотипами (когнитивными, перцептивными, двигательными, поведенческими и пр.), сформировавшимися в процессе многовекового развития, то во многом эта специфика связана с историей и условиями жизни того или иного народа, всего человечества и проявляется в его менталитете (мировосприятии, умонастроении).

Созданию девиантного имиджа предшествуют следующие решения:

- Выбор аутентичного (подлинного) символа – идентификационной метки;
- Следование философии создания определенного имиджа – его генеральная цель (нет цели – нет имиджа), методы и средства проявления, регулярность, продолжительность и география функционирования;

⁴⁸ Квеско Р.Б., Квеско С.Б. Имиджелогия: учебное пособие / Р.Б.Квеско, С.Б.Квеско. Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2008. С. 77.

- Оценка эффективности и привлекательности выбранного имиджа.

Чаще всего, проявляя девиантное поведение, подросток понимает свое аномальное поведение, но может не осознавать, что за ним стоит одна из пяти целей: а) привлечение внимания; б) избегание неудачи; в) зависть; г) месть; д) власть.

Внешний имидж личности девиантного подростка складывается из различных форм вербального, визуального, этического, эстетического выражения и поведения. Внешний имидж – это специфическая «привлекательность». Внутренний же имидж личности девиантного подростка характеризуют ощущения собственного имиджа, интеллектуальные, индивидуально-личностные качества, коммуникабельность, уровень нравственности, умения ориентироваться в ситуации, уверенность в себе, навыки самопрезентации и др.

Английская исследовательница Э.Сэмпсон (2002), говоря о личностном имидже, выделяет в зависимости от сочетания внешних и внутренних факторов, три вида имиджа: *самоимидж*, *воспринимаемый имидж* и *требуемый имидж*. Эта типология отражает взгляд на имидж с разных позиций: со стороны своего «Я» и со стороны других людей, со стороны реалий и со стороны желаний. На рисунке 5 представлена теоретическая модель девиантного имиджа личности подростка в модификации Ю.А.Клейберга.

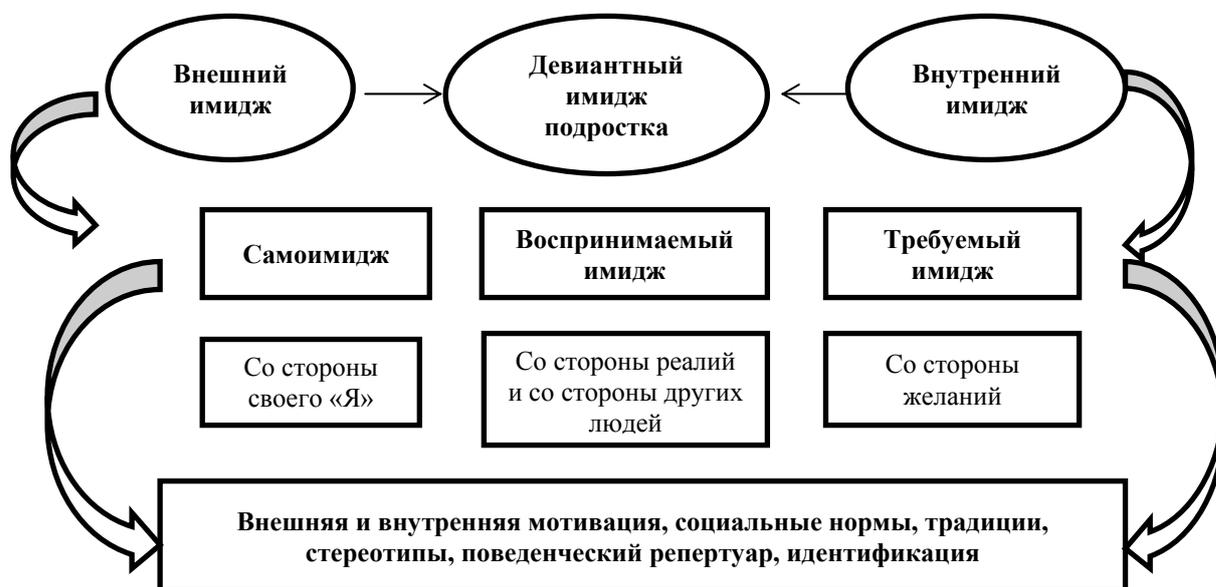

Рис. 5. Теоретическая модель девиантного имиджа личности подростка

Самоимидж вытекает из прошлого опыта и отражает нынешнее состояние самоуважения, доверия к себе.

Воспринимаемый имидж – это то, как нас видят другие. Естественно, что точка зрения других людей может отличаться от собственного мнения.

Требуемый имидж означает, что ряд социальных ролей требует определенных имиджевых характеристик. В некоторых случаях этому способствуют тип одежды, символика, сленг, атрибуты, манера поведения и т.п.⁴⁹

Вероятно, степень проявления девиантного имиджа зависит не только от способностей личности, но также от *внутренней* и *внешней мотивации, социальных норм, традиций, стереотипов, поведенческого репертуара, идентификации*. Под *внешней мотивацией* понимается реакция социального окружения, как положительная (поощрение вниманием, признание, одобрение, а также материальное вознаграждение), так и отрицательная (резкая критика, наказание). Причем следует отметить, что значимость внешней мотивации проявляется наиболее полно лишь в случае, если она исходит от референтной группы. Существенность влияния внешней мотивации напрямую зависит от уровня *внутренней мотивации*, то есть чем меньше уровень внутренней мотивации, тем существеннее сказывается мотивация внешняя (Клейбеог, 2014; 2013; 2012; 1995; 1999).

С девиантологической точки зрения, поскольку в сознании современных людей существуют огромные мотивационные, когнитивные и ценностные нестыковки и разрывы, то под воздействием психологических провокаций, манипуляций у молодого человека, социальной группы, субкультуры, общества происходит трансформация их сознания со всеми вытекающими для них последствиями. Однако следует помнить то, *как сама личность интерпретирует негативное воздействие и определяет его реакцию на это воздействие, как она экстраполирует эти воздействия на свой имидж (в том числе и девиантологический) и имиджевое поведение*. В нашем случае, важна *идентификация* как способ соотнесения себя с другими, она важна для эффективного формирования внутреннего и внешнего имиджа личности девиантного подростка.

Девиантное поведение имеет прямое отношение к индивидуально-психологическим особенностям личности и социально-психологическим параметрам подростково-молодежных

⁴⁹ См.: Квеско Р.Б., Квеско С.Б. Указ. соч., 2008. С. 54.

субкультур, в которые личность может быть включена. Подростки 12-16 лет стремятся к организации совместного времяпрепровождения. Так возникает подростковая субкультура. Субкультура, с присущими ей характеристиками (слэнг, внешний вид, атрибутика, поведение и др.), соответствует данным ориентирам подростка. Но, попадая в субкультурное пространство, подростки теряют связи с обществом, проходя процесс социализации в своей контркультурной группе. Здесь подросток перенимает паттерны субкультурного поведения, соответствующие ценности, нормы и способы мышления.

Подростки и юношество всегда стремятся быть современными, модными; и это часто понимается ими как набор определенных внешних признаков, следование модным течениям. Однако многие интересы и увлечения подростков не долгосрочны.

За последние годы среди подростков и молодежи получили распространение следующие виды неформальных течений: *гонники* (ориентированы на систему ценностей взрослой криминальной субкультуры и являются «кадровым резервом» преступного мира); *неформалы* (негативным является употребление ПАВ, способствуют выражению асоциального поведения в форме протеста и демонстрации своей необычности); *панки* (асоциальны, злоупотребляют алкоголем, проповедуют насилие во всех его формах, не исключая фашизма); *скинхеды* (привержены к насилию и идеям фашизма); *фанаты* (склонны к «фанатским войнам», силовым столкновениям с силами правопорядка, употребление спиртных напитков); *эмо* (проявляют аполитичность, пассивность, пропагандируют андрогинность, самодеструктивное и суицидальное поведение); *готы* (характерны эмоциональная неустойчивость, снижен самоконтроль). Таким образом, каждое из приведенных субкультур оказывает специфическое влияние на личность подростка, идентифицирующего себя как члена данной группы (В.Ф.Пирожков, 1998).

В подростково-юношеских увлечениях и предпочтениях проявляется и реализуется чувство принадлежности к «своим», где разделяются общие увлечения, где нужно выглядеть, а порой, и думать «как все». Эпатажный имидж – модное средство самовыражения: подростки и юноши постоянно экспериментируют, ищут уникальный стиль самовыражения, нарочито подчеркивая свое отличие от взрослых. Но эпатажный имидж – это еще и средство коммуникации и идентификации: визуальные (одежда, прическа, похоть на своего кумира) и звуковые (слэнг, музыка) знаки служат подростку своеобразным средством самопрезентации, а заодно распознать «своих» (В.В.Белобрагин, И.С.Кон, Ю.А.Клейберг). Все, что включает в себя внешний облик (одежда, манера поведения, жесты, позы, походка, слэнг, символика, атрибуты и др.), информирует

окружающих людей о статусе, уровне притязаний, вкусах молодого человека. Это является значимым для него.

Молодежные субкультуры, как правило, характеризуются конфликтностью, девиантностью, демонстративностью, эпатажностью и др.

Эпатаж как вид установки-отношения состоит, по нашему мнению, из трех компонентов. *Когнитивный компонент* включает в себя прогноз последствий о предполагаемом девиантном поступке, основанный на знаниях и представлениях о людях, о мире, о типах отношений и взаимоотношений, социальных нормах и нормах поведения, знаниях о себе и предположениях о своих скрытых и явных возможностях, основанных на возможном прошлом опыте.

В *эмоционально-оценочный компонент* входит, с одной стороны, предположение об уровне безопасности для себя конкретного объекта, с которым субъект (девиантный подросток) собирается вступать во взаимодействие, а также оценку значимости ситуации взаимодействия в целом; с другой стороны, – оценку собственного ресурса (личностного, социального, физического, экономического и др.) в данной ситуации и оценку возможных последствий планируемого способа поведения для инициатора девиации. В случае, когда возникает несоответствие между оценкой ситуации и оценкой собственных ресурсов, личность получает об этом соответствующий эмоциональный сигнал и должна принять решение, какую следует выбрать стратегию поведения. Этим определяется содержание *поведенческого (конативного) компонента*, где в результате проявляются, усваиваются и закрепляются основные признаки девиантной социализации личности, которая может влиять на изменение и даже трансформацию прошлых установок личности.

Для анализа и оценки этих трех компонентов предполагается знание закона Фехнера о пропорциональной интенсивности ощущений логарифму интенсивности раздражителя.⁵⁰

В подростковом возрасте ролевая идентичность находится на стадии формирования, и для ее структуры характерно наличие

⁵⁰ **Закон Фехнера** (англ. *Fechner's law*) – основной психофизический закон, утверждающий, что интенсивность ощущения прямо пропорциональна логарифму интенсивности раздражителя. Сформулирован Г. Фехнером в его основополагающем труде «Элементы психофизики» (1860). Исходя из постулата, что человек лишен способности непосредственно оценивать величину своих ощущений, Фехнер предложил косвенный способ определения величины любого ощущения посредством подсчета пороговых единиц. Это позволило ему математически вывести формулу измерения ощущений, базируясь на: 1) эмпирическом законе Вебера о постоянстве относительной величины приращения (или уменьшения) раздражителя, вызывающего ощущение едва заметного различия, и 2) собственном постулате о том, что едва заметный прирост ощущения величина постоянная, вследствие чего может быть использован в качестве единицы измерения любой величины ощущения. С помощью математики Фехнер теоретически обосновал тот известный факт, что ощущение изменяется гораздо медленнее, чем растет сила раздражения. Согласно закону Фехнера, возрастанию силы раздражения в геометрической прогрессии соответствует рост ощущения в арифметической прогрессии (например, если сила раздражителя возрастет в 100 раз, то сила ощущения возрастет только в 2 раза) // См.: <http://www.persev.ru/zakon-fehnera>

рассогласованных элементов, способных привести к возникновению ролевых конфликтов. Основной проблемой переходного возраста в этом случае становится обусловленная социализацией необходимость выбора стратегии собственного ролевого поведения: подросток может либо ориентироваться на внутренние ценности, «подстраивая» под них свои социальные роли, либо, напротив, строить ролевое поведение, исходя из ролевых предпочтений и ожиданий, «ущемляя» собственные ролевые установки. Поэтому именно проблема ролевого выбора у подростков часто принимает форму внутреннего ролевого конфликта, мера выраженности и особенности протекания которого зависит от особенностей структурных компонентов ролевой идентичности, а также индивидуально-личностных особенностей субъекта и компонентов его Я-концепции – стремлении познать себя, научиться помогать себе.

Общеизвестно, что компонентами Я-концепции являются «реальное Я», «идеальное Я» и «зеркальное Я» (представление о том, как человек воспринимает других). Однако, формируемый «образ себя для других» в равной степени может как приближаться или к «идеальному Я» или к «реальному Я», так и отдаляться от них, формируя «квази-идеальное Я» или «квази-реальное Я». То есть, речь идет о формировании эпатажного девиантного имиджа на основе внутреннего ролевого конфликта, искусственного (надуманного) в своей основе, а, значит, неустойчивого и кратковременного по своей сути.

Стремление избавиться от негативных переживаний, вызванных возникновением внутреннего ролевого конфликта, заставляет подростка проявлять активность в поиске средств и способов разрешения конфликта, направленного на преодоление разрыва между желаемым и реальным. К таким способам относятся, в частности *эпатаж* и *имидж*.

Эпатаж – компонент и наиболее значимый для подростково-молодежной категории фактор социально-психологической дистанции от мира взрослых, которая выполняет функцию снижения когнитивной сложности социального мира и оптимизации принятия решений. С другой стороны, эпатаж – одновременно и своеобразный индикатор значимости для личности социальных норм общества, и регулятор взаимодействия личности с социальной группой и обществом в целом, фактор ролевой идентификации.

Поскольку эти субъективные изменения значительно опережают изменения в реальной социальной ситуации подростка, он неизбежно сталкивается с противоречиями, которые можно интерпретировать как столкновение личностного и социального, субъективного и объективного, желаемого и действительного.

Эпатажный имидж девиантного подростка связан, как правило, со стереотипными имиджами социальных субъектов. Однако, памятуя

о том, что «живем не мы, живет наш имидж» и что «именно неумение *казаться* не позволяет многим людям *быть!*» (Петрова Е.А., 2009), подростки часто копируют чужие имиджи (кумира, лидера и др.), «примеряя» их на себя и понравившийся, как им кажется, имидж осознанно демонстрируют другим.

Однако эпатажный имидж является индикатором личности. Он часто бывает противоречивым, и не всегда получает однозначную позитивную оценку со стороны других социальных групп и общества. А значит, перефразируя известную поговорку, «покажи мне знаки, которые ты используешь, и я скажу кто ты» (по меткому выражению Е.А.Петровой). Более того, имидж человека может быть судьбоносным. «Значение имиджа в жизни конкретного человека столь значительно, что справедливо сказать, что имидж – это его судьба».⁵¹

Создание эпатажного имиджа девиантным подростком является специфическим видом человеческой деятельности, сложным комплексным процессом.

Эпатажный имидж носит циклический и волнообразный характер, а это означает, что каждый раз у эпатанта возникает необходимость усиливать эмоциональный компонент, создавая установку на более глубокое и детальное и долгосрочное восприятие эпатажного имиджа, что является своеобразной предпосылкой более эффективного психологического воздействия на окружающих. Поэтому *главными требованиями к эпатажному имиджу заключаются в целостности, завершенности и информативности.*

В связи с тем, что основной целью эпатажного имиджа является **самопрезентация** (англ. *self-presentation*), он непременно должен соответствовать той или иной потребности человека. Для этого эпатажный имидж должен «материализовать» потребность, то есть из простой нужды превратиться в мотив, актуализирующий деятельность эпатанта.

Однако являясь субъектом взаимодействия и общения, подросток характеризуется стремлением утвердить свою позицию субъектной исключительности, индивидуальности, стремлением чем-то выделиться, самовыразиться с целью создать определенное впечатление о себе у социального окружения.

Самопрезентация – это умение эффективно и выигрышно подавать себя в различных ситуациях, индивидуальный стиль общения, неповторимый образ, который не только нравится самому себе, но привлекателен для окружающих (Н.И.Козлов).

Существует два вида самопрезентации: *«природная самопрезентация»* и *«искусственная самопрезентация»* (Т.Л.Владимирова). *«Природная самопрезентация»* присуща всем

⁵¹ Петрова Е.А. Психология имиджа. Курс лекций. М., 2009.

людям, приобретается человеком с рождения. Уже с младенчества человек начинает формировать свой образ. Все это происходит естественно. Это природное распределение, естественный процесс определения человека в структуре общественного сознания. Недостаток: человек не может контролировать и корректировать процесс в рамках именно этой презентации, то есть индивидуум не выбирает, положительной ли будет его природная самопрезентация или же она будет носить негативный характер (бездумная, неконтролируемая личностью презентация самого себя).

Главной целью «искусственной самопрезентации» – завоевание лояльности со стороны группы людей, значимой для презентуемого. Иными словами, чтобы завоевать расположение важных для нас людей (и не имеет значение, важны они в данной конкретной ситуации, или же всегда имеют значимость для нас), мы выстраиваем алгоритм коммуникативного процесса с потенциальной аудиторией.

В структуре опыта самопрезентации можно выделить несколько компонентов:

1. *Субъективный* – ценностно-смысловой (образ «Я» и образ «Другого», самоотношение, позиция, самооценка). Как я субъективно отражаю себя и других людей (перцепция)? Данное отношение задает контекст самопрезентации и бывает конструктивным и неконструктивным.

2. *Содержательный* – совокупность обстоятельств, оцениваемых как значимые и незначимые.

3. *Операциональный* – умения, представления (знания), навыки, способы действий, техники, программы поведения и т.п.

4. *Объективный* – жизненные обстоятельства, в которых подросток находится в детском коллективе лагеря.⁵²

Таким образом, особенности самопрезентации в подростковом возрасте являются:

- стремление к подражанию, потребность быть частью группы;
- стремление заявить о себе как о самостоятельной индивидуальности;
- большое внимание к собственной внешности;
- стремление к экспериментам с собственным образом;
- личностная неустойчивость. Необходимость соответствовать психолого-физиологическим изменениям, происходящим в его организме, а также изменения требований, предъявляемых ему со стороны социума;
- отсутствие чувства меры, границ дозволенного – юношеский максимализм.

⁵² Фролова Ю.Г. Психологический словарь. – azps/handbook/s/samo624.html. – azps

Функциями персонального имиджа являются:

- *экзистенциальная* (бытийная представленность, субъектность в сознании других);
- *социокультурная* (идентификация с определенными категориями поля имиджей);
- *объективации внутренних характеристик носителя имиджа* (физическая и психическая);
- *аттитюдная и отношенческо-детерминирующая*.⁵³

Таким образом, *эпатажный имидж девиантного подростка* – это заявленная им идеальная позиция, некий синтетический образ, созданный им лично или при воздействии подростково-молодежной субкультуры, к которой он принадлежит, и который выступает как установка, как ценностный стереотип, как модный символ, содержащий в себе значительную информацию об объекте восприятия и побуждающий подростка к девиантным поступкам.

ГЛАВА 10.

ВАНДАЛИЗМ: ГРАФФИТИ

Вандализм – одна из форм разрушительного поведения человека. Большая советская энциклопедия (1971) определяет вандализм как «бессмысленное уничтожение культурных и материальных ценностей». Сходные толкования дают и другие современные отечественные справочники и словари (Советский энциклопедический словарь, 1989; Словарь современного русского литературного языка: В 20т. Т. 2. 1991; Словарь иностранных слов, 1988).

Обращаясь к социально-психологическим и социологическим исследованиям, мы обратили внимание на более широкое толкование этого феномена. Говоря о вандализме, исследователи подразумевают разнообразные виды разрушительного поведения: от замусоривания парков и вытаптывания газонов до разгромов магазинов во время массовых беспорядков. Трудность в выработке определения состоит также в том, что индивидуальные, групповые и социальные нормы в понимании того, какие именно разрушения имеют деструктивный для

⁵³ Петрова Е.А. Имиджелогия: Избр. тр. (Монография). М., 2009. С.8.

общества характер, не совпадают.

Как констатируют многие исследователи, вандализм – преимущественно мужской феномен (А.Голдштейн, Дж.Говард, Д.Франсис и др.). Многочисленные исследования и статистические данные показывают, что большинство актов вандализма совершается молодыми людьми, не достигшими 25 лет. По данным выборочных обследований подростков, пик вандализма приходится на 11-13 лет (Д.Эллиот, М.Лебланк, М.Фрешетт, Р.Мейби, Д.Визенталь и др.). Вандализм занимает заметное место в структуре криминальной активности подростков 13-17 лет.⁵⁴

В общественном сознании существует определенный стереотип подростка-вандала. Разрушитель предстает примитивным существом с отклонениями в умственном и психическом развитии. Эти данные ассоциируются с низким социальным статусом семьи. Однако данные исследований, в том числе и наших по Твери, Кемерово, Ульяновска не подтверждают этого образа. Исследования не выявили корреляции между склонностью к вандализму у подростков и их принадлежностью к определенному социальному слою. Подростки-вандалы обладают примерно таким же уровнем интеллекта, как и их сверстники, однако успевают в школе гораздо хуже.

В некоторых исследованиях показано, что большинство «злостных» вандалов находятся в кризисной ситуации.

В общественном сознании вандализм часто предстает бесцельным, бессмысленным, немотивированным поведением. Выявление мотивов вандализма стало одной из главных задач социально-психологических исследований с момента появления первых публикаций по этой проблеме. Предлагаю вниманию читателей две мотивационные типологии вандализма.

Часто упоминается в литературе типология С.Коэна.⁵⁵ В зависимости от доминирующего мотива разрушения С.Коэн выделяет шесть типов вандализма:

1. Вандализм как способ приобретения. Основной мотив разрушения — материальная выгода.

2. Тактический вандализм. Разрушение используется как средство для достижения других целей (например, чтобы не допустить снижения цен, уничтожаются целые партии товара).

3. Идеологический вандализм. Об идеологическом вандализме говорят, когда разрушитель преследует социальные или политические цели. Объект разрушения имеет ярко выраженный символический смысл. Например, за период 1917 г. разрушено 25-30 тыс. церквей и

⁵⁴ Здесь и далее использованы некоторые опубликованные материалы А.С.Скороходовой: Скороходова А.С. Граффити: значение, мотивы, восприятие // Психологический журнал. 1998. № 1. С. 144 - 153.

⁵⁵ Cohen S. Destruction of property: Motives and meanings // Vandalism / Ed. by C. Ward: London: The Architectural Press, 1973.

соборов, около 500 монастырей, уничтожено не менее 20 млн. икон, около 400 тыс. колоколов.⁵⁶

4. Вандализм как мщение. Разрушение происходит в ответ на обиду или оскорбление.

5. Вандализм как игра. Это распространенная разновидность детского разрушения рассматривается как возможность поднять статус в группе сверстников и подросткового вандализма за счет проявления силы, ловкости, смелости.

6. Злобный вандализм. Представляет собой акты, вызванные чувствами враждебности, зависти, неприязни к другим людям к удовольствию от причинения вреда.

Другая классификация мотивов вандализма представлена Д.Кантером.⁵⁷ Кроме уже рассмотренных мотивов мести и приобретения Кантер называет следующие причины:

1. *Гнев*. Разрушительные действия объясняются чувством досады, переживанием неспособности достигнуть чего-либо и могут быть попыткой справиться со стрессом.

2. *Скука*. Причина – желание развлечься. Мотивом выступает поиск новых впечатлений, острых ощущений, связанных с запретностью и опасностью.

3. *Исследование*. Целью разрушения служит познание (любопытство, желание понять, как работает система, – в детском возрасте).

4. *Эстетическое переживание*. Наблюдение физического процесса разрушения создает новые визуальные структуры, сопровождающиеся звуками, которые кажутся приятными.

5. *Экзистенциальное исследование*. Расшифровывая этот мотив, Кантер поясняет, что вандализм может выступать как средство самоутверждения, исследования возможности своего влияния на общество, Привлечения внимания к себе (яркий пример в истории – поступок Герострата, который сжег храм ради личной славы).

Однако самостоятельным видом девиантного поведения среди подростков и молодежи является неинституциональная изобразительная деятельность – *граффити*, которая может быть как ситуационной формой социального поведения, так и устойчивым видом социального поведения для отдельных индивидуумов и социальных групп.

В нашей стране этот способ индивидуального и группового самовыражения молодежи не достаточно изучен, очень мало публикаций, и то они носят в основном историко-этнографический

⁵⁶ Платонов О. Путешествие в Китеж-град // Вестник Московского университета. 1989. № 2.

⁵⁷ Canter D. Vandalism: Overview and prospect // Vandalism: Behavior and motivation / Ed. by C. Levy-Lobbyer. Amsterdam: Nath-Holland, 1983.

характер. Социальные и психологические исследования граффити в нашей стране почти не проводились. Однако все же несколько фамилий следует назвать: А.С.Скороходова (1998, 1999), В.Седнев (1993), А.И.Белкин (2003; 2012), В.Н.Руденко (1997), Ю.Борисов (1995), Т.Е.Щепанская (1993). Вот и все ученые (насколько мне известно), которые что-либо писали о граффити.

А.И.Белкин (2012), в частности, отмечает, что сегодня граффити, с одной стороны, понимаются не просто как вид человеческой активности, а как особая *психосемиотическая система*. Она испытывает на себе воздействие возникшей в последние десятилетия тотальной знаковой информационной среды, проводниками которой выступают Интернет и средства массовой информации, а с другой, – граффити могут быть связаны со сложным процессом формирования психосоциальной идентичности в подростковом и юношеском возрасте, с диффузией идентичности, что характерно для наиболее одаренных и творческих личностей.⁵⁸

Термин «граффити» происходит от итальянского «graffito» и означает «нацарапанный», «проводить линии», «писать каракули». Первоначально этот термин относился лишь к древним надписям и употреблялся историками и археологами.⁵⁹ Сейчас он обозначает всякую неразрешенную надпись, знак, сделанные любым способом на объектах общественной и частной собственности. Граффити составляют неотъемлемую часть пейзажа современных городов и сел, а также внутренней обстановки общественных зданий. Их можно обнаружить на стенах домов, заборах, скамейках, в транспорте, лифтах, на лестницах, в общественных туалетах, на столах и даже на памятниках культуры. Они выполнены всевозможными способами – мелом, ручками и карандашами, маркерами, краской, иногда выцарапаны или выбиты. Граффити содержат разнообразные сообщения, ругательства, изречения, рисунки и символы.

В современном мире граффити является одной из распространенных форм вандализма и наносит значительный финансовый и социальный ущерб городской среде во многих странах. По данным американских исследователей, в 1970 г. ущерб, нанесенный граффити станциям и вагонам метро Нью-Йорка, оценивался в 250 тыс. долл., в 1974 г. - в 2 млн. долл.; в 1989 г. округ Лос-Анжелес, города Нью-Йорк и Сан-Франциско потратили на борьбу с этим явлением соответственно 50, 55 и 2 млн. долларов. Какие-либо данные об ущербе от граффити в России мне неизвестны, но можно догадаться, что он немалый. Многообразие разрушений,

⁵⁸ Белкин А.И. Ментальность и социально-психологические особенности авторов граффити: автореф. дис. ... доктора психологических наук. Казань, 2012.

⁵⁹ См. труды: Высоцкий С.А. Киевские граффити XI-XVII вв. Киев, 1985; Медынцова А.А. Древнерусские надписи Новгородского Софийского собора. М., 1978; Рыбаков Б.А. Русские датированные надписи X-XIV вв. М., 1964.

происходящих в обществе, можно классифицировать в зависимости от степени их институционализированности (S. Cohen, 1973). При такой классификации поведение стихийных рисовальщиков займет промежуточную позицию между допускаемыми обществом ритуальными разрушениями в определенное время и определенных ситуациях (карнавалы, праздники) и теми видами поведения, которые являются проявлением девиантного поведения – вандализма (битье стекол, порча памятников). Граффити относятся к тому типу разрушений, ущерб от которых рассматривается как «неизбежные издержки» и институционализирован (то есть он ожидаем), а деятельность по устранению надписей является рутинной обязанностью. Действительно, по сравнению с другими разновидностями вандализма (поджоги, осквернение памятников и др.) и насильственными преступлениями граффити представляют собой мелкие, незначительные, относительно безопасные проявления девиантного поведения человека. Но мелкие формы агрессии, к числу которых относится вандализм, получая положительное подкрепление, влекут за собой более крупные. Это означает, что в той степени, в какой граффити выражают деструктивные (разрушительные) импульсы человеческой природы, они порождают усвоение агрессивных образцов поведения.

Городское пространство, насыщенное граффити, снижает психологическую и функциональную поддержку со стороны окружающей среды. Граффити, как и разбитые стекла, мусор и другие признаки неухоженности, воспринимаются как симптом деградации, вызванной ослаблением механизмов социального контроля, что порождает у людей беспокойство, чувство страха и уязвимости. Кроме того, ощущение беспорядка и упадка понижает порог сдерживания от деструктивных действий, а это, в свою очередь, увеличивает вероятность дальнейших разрушений. Некоторые виды граффити, например порча информационных стендов и знаков, особенно предупреждающих, препятствуют функциональному воздействию дизайна.

В то же время граффити выполняют и некоторые положительные социальные функции. Настенные рисунки и надписи – разновидность коммуникации, свободной от повседневных общественных ограничений в силу своей анонимности. Они являются способом выражения установок, конфликтов и проблем, большей частью подавленных и скрытых. Не случайно некоторые авторы отмечают психодинамическое значение граффити (Е.Л.Эйбл, Б.Е.Бекли, 1977; Дж.Бухнелл, 1990).

Виды граффити. Настенные рисунки и надписи представляют собой весьма неоднородное явление – от детских каракулей до политических лозунгов, поэтому уместно привести некоторые классификации. Замечу, что эти классификации не являются строгими

и абсолютными, но все же они помогают выделить различные формы рассматриваемого феномена.

Е.Л.Эйбл и Б.Е.Бекли (1977) различают *публичные и личные граффити*. К первым относятся городские надписи и рисунки, сделанные, как правило, на внешних сторонах зданий, заборах, деревьях, в метро и представляющие собой чаще всего сообщение о групповой идентичности. Вторые размещаются внутри зданий. К ним относят граффити в туалетах, на стенах общественных мест, столах, партах и т.п. Эти надписи чаще являются выражением личностных установок, эмоциональных состояний или внутриличностных конфликтов. Кроме того, в личных граффити в большей степени обнаруживается воздействие обстановки.

Рассматривая феномен городских надписей, М.Кокорев (М.Кокореff) выделяет три вида (1992). Первый – *содержательные граффити*, то есть надписи, содержащие эксплицитное сообщение разнообразной тематики. Второе – *разрушающие граффити*. Они появляются преимущественно на рекламных плакатах и стендах. Это знаки, нарушающие целостность и изменяющие содержание официального сообщения или образа. К ним относятся подрисованные усы и клыки, раскрашенные глаза, стертые или приписанные буквы и т.п. К третьему виду относятся специфические *надписи, сделанные в стиле «хип-хоп»* и принадлежащие к соответствующей подростково-молодежной субкультуре. Субкультура «хип-хоп» появилась в начале 70-х годов в Нью-Йорке и включает в себя музыку рэп, брейк-дансинг и настенную живопись. Впоследствии эта субкультура распространилась не только в США, но и в большинстве европейских стран. Граффити в стиле «хип-хоп» представляют собой надписи и рисунки, выполненные чаще всего пульверизатором с краской. Наиболее распространенный вид – динамичные росчерки – автографы, украшенные различными символами (крестами, коронами, звездами, стрелами и т.п.). Однако встречаются и целые многоцветные картины большого размера, снабженные текстами. Рассматривая эти три типа надписей применительно к Франции, М. Кокорев отмечает последовательное их распространение, начиная с 60-х годов, и преобладание в последние годы граффити третьего типа.

В.Седнев собрал и классифицировал надписи и рисунки в общественном транспорте города Донецка (1993). Его классификация содержит три вида. К первому относится *идентифицирующие надписи* – имена, клички, места жительства или учебы, дата или цель поездки, номера телефонов. Второй вид образуют *асоциальные надписи* – нецензурные слова и символы в чей-либо адрес или без адреса. Третий вид представлен *символическими граффити*, относящимися к популярным музыкальным группам и исполнителям, а также

наименованиям фирм, производящих обувь, одежду, аппаратуру.⁶⁰

Существует несколько эмпирических классификаций, группирующих надписи, найденные в зданиях и общественных местах. С.А.Высоцкий и А.А.Медынцева выделяют следующие разновидности средневековых граффити, обнаруженных в культовых сооружениях Киева: 1) благожелательные (начинаются словами «Господи, помоги...»); 2) поминальные; 3) в память об общественных событиях; 4) автобиографические; 5) относящиеся к фрескам и связанные тематикой храмовых росписей; 6) рисунки-кресты, магические знаки, изображения святых.⁶¹

Многочисленные исследования посвящены граффити в общественных туалетах школ, колледжей и университетов (И.Н.Ликка, А.Пачеко, А.А.Олову, Е.Отта, Л.А.Рудин, М.Д.Харлесс, Е.Уэлс, Д.Брейер и др.). Граффити, обнаруженные здесь, обычно сосредоточены на следующих темах: автографы, секс (сексуальные желания, предложения, комментарии), романтические отношения (выражения чувств к противоположному полу, не имеющие сексуального оттенка), оскорбления и грубые слова, наркотики, политика, религия, национальные отношения, философские изречения, юмор. Результаты исследований демонстрируют разное соотношение этих тем, но все-таки основную массу туалетных граффити составляют надписи, связанные отношениями с противоположным полом. Но здесь существуют еще и гендерные различия.

Приведу наиболее обобщенную типологию видов и стилей граффити:

1. *Tagging*. Именно с этого вида можно начать отсчет истории граффити, хотя в настоящее время *tagging* является лишь его приложением. *Tag* – подпись райтера, его прозвище, которое выполняется им с использованием одного цвета. Это неотъемлемая часть граффити, под всеми работами *tag* обязательно проставляется.

2. *Bombing*. Обычно рисуется на транспорте и в очень быстром темпе. В настоящее время бомберы используют для своих целей наземные поезда. Здесь важно не качество, а количество рисунков, сделанных за очень короткое время.

3. *Writing*. Граффити в привычном смысле этого слова, рисунки, выполняемые райтерами в различных стилях на стенах (вагонах).

4. *Scratching (scrabbing)*. Наравне с *tagging*, является одним из «дополнений» граффити. Выполняются с использованием точильного камня на стеклах в транспорте.

⁶⁰ Седнев В. Надписи и рисунки в общественном транспорте // Философская и социологическая мысль. 1993. №1.

⁶¹ См.: *Высоцкий С.А.* Средневековые надписи Софии Киевской. Киев, 1976; *Медынцева А.А.* Древнерусские надписи новгородского софийского собора. XI–XIV века. М., 1978.

Стили граффити

1. *Throw up*. Самый простой стиль, предпочитаемый бомберами, для которых приоритетом в работе является не качество, а скорость выполнения. Зачастую его также практикуют новички. Зародился в Нью-Йорке. Этот стиль представляет собой кривые линии букв, закрашенных внутри определенным цветом. Первый цвет -- контур, второй -- заливка: в *throw up* используется всего два цвета, преимущественно, черный и белый, либо черный и серебристый. Основное условие здесь -- контрастность цветов и их сочетаемость друг с другом.

2. *Blockbusters*. Этот стиль также относят к простым. Родиной стиля считается Лос-Анджелес. *Blockbusters* характеризуется большими и широкими буквами, которые могут быть нарисованы с помощью только одного цвета. Считается, что его использовали в первую очередь для разграничения зон влияния уличные группировки. Граффити выполняется, как правило, командой, где каждый участник делает свою работу. По завершению, каждый из участников прописывает под рисунком свои теги (подпись райтера).

3. *Динамичные стили*. Сюда включают все направления, которые существовали в 80-е годы XX века в Нью-Йорке. Использовались при росписи вагонов поездов, отсюда ярко выраженная динамика форм, наблюдать которую следует в движении.

- *Wild Style* (Дикий стиль). Очень трудный для чтения стиль, является своеобразной вершиной мастерства райтера: здесь важно уметь не только правильно подбирать контуры, но и грамотно смешивать цвета.

- *Computer Roc Style*. В этом стиле буквы разделены, представляя собой разные фрагменты, повернутые под определенным градусом. Создает эффект калейдоскопа.

- *Messiah Style*. Здесь буквы словно написаны на отдельных листах, наложенных один на другой. Стиль несколько агрессивный, но, в то же время, мягкий.

- *Камуфляжный стиль*. В этом стиле причудливым образом соединяются различные цвета и переплетаются буквы (*loop*). Динамичный и эмоциональный стиль.

- *Мягкий динамичный стиль*. Во многом связан с камуфляжным, но линии, несмотря на сохраняющуюся динамичность изображения, становятся мягче.

4. *Электричный стиль*. Следующий стиль по уровню после *wild style*. Является отражением уровня мастерства райтера. Создавая граффити в этом стиле, можно изобретать новые направления.

5. *FX (Daim style, 3D)*. Трехмерные, объемные изображения букв, на воспроизведение которых способны не все райтеры. Был придуман райтером DAIM'ом, рисующим в одной из самых известных команд под названием *FX Cru*.

6. *Character* («кэрак», характер). Рисунки – карикатуры или комиксы, здесь часто выделяется типичная для комиксов рамка с речью персонажа. Этот стиль предпочитают райтеры, имеющие художественные способности.

7. *Bubble* («пузырь»). Все буквы похожи на дутые мыльные пузыри, готовые лопнуть. В этом стиле используется два или три цвета. Пользуется популярностью у новичков.⁶²

Мотивы рисовальщиков

Каких-либо специальных исследований (ни за рубежом, ни в России), посвященных изучению мотивов данного вида девиантного поведения, не проводилось, но на основании изучения ценностей субкультур рисовальщиков и содержательных классификаций надписей и рисунков можно попытаться выстроить причины, побуждающие к созданию граффити.

Утверждение личностной или групповой идентичности. Граффити порождены желанием оставить след, сообщить о своем существовании, выразить привязанность. Знаки, подчеркивающие идентичность, составляют значительную часть надписей и рисунков. По данным В.Седнева (1993), на них приходится 50,3% от общего количества.

Написание имен популярных исполнителей, спортивных команд и т.п. передает чувство причастности и симпатии, обозначает принадлежность к той или иной группе, приверженность к определенному стилю жизни. Субкультурная символика эмоционально наполнена. Как отмечают некоторые исследователи (в частности, Т.Б.Щепанская, 1993), идентифицирующие граффити насыщены чувствами гордости и радости. Особенность российских граффити состоит в том, что многие из них исполнены на английском языке. Объясняется это в первую очередь тем, что он является языком молодежной музыкальной субкультуры.

Многие исследователи отмечают ценность популярности и славы в субкультуре граффити (Д.Д.Брейер, М.Л.Миллер, М.Кокорефф, Р.Лахманн). Желание достичь признания и уважения, особенно в пределах субкультуры, реализуется за счет количества, заметности надписей, их долговечности и месторасположения, которое подразумевает высокую степень риска в момент исполнения.

Протест против социальных и культурных норм. Граффити влечет порчу общественного или частного имущества, что само по себе является нарушением социальных запретов. Многие надписи

⁶² Граффити как проявление вандализма. Социальная работа с граффитистами // http://www.f-mx.ru/sociologiya_i_obshhestvoznanie/graffiti_kak_proyavlenie_vandalizmaa.html (дата обращения 07.08.2015).

содержат агрессивные сообщения с употреблением слов и символов, которые в большинстве культур являются социальным табу. Как отмечает Эйбл (1997), надписи и рисунки дают возможность человеку выразить его асоциальность одновременно на трех уровнях — поведенческом, вербальном и лингвистическом. Причем граффити представляют собой относительно безопасный для индивида способ заявить о своей оппозиции к социальным институтам.

Стремление обозначить свою непринадлежность к господствующей культуре является важным фактором отбора субкультурных символов. При этом, как пишет Щепанская (1993), отбираются символы, максимально противоположные символам общепринятых ценностей. Так, для субкультуры российских хиппи в годы, когда религия подавлялась, были характерны образы, связанные с христианством. По мере утверждения церкви в качестве официально признанного института все большее распространение начали получать знаки чертовщины. Из этого следует, что значение символа, используемого граффити, не всегда выражает традиционно приписываемые ему установки.

Злобные реакции. Многие надписи представляют собой обидное или грубое высказывание в адрес конкретных людей, политических, этнических и других социальных групп, их лидеров, субкультур, социальных институтов. Подобные типы граффити содержат мотивы борьбы, соперничества и символического насилия.

Мотивы творчества. Некоторые граффити весьма изощрены по стилю. Встречаются целые картины. Усложненность стиля представляет собой не только средство достижения славы, но и самоцель. Многие рисовальщики считают себя художниками, придающими унылой и безликой городской среде красивый вид. Подготовка к раскрашиванию включает в себя долгие тренировки и упражнения по совершенствованию умений.

Сексуальные мотивы. Надписи и рисунки часто отражают сексуальные желания. Иногда граффити служат средством коммуникации, когда они расположены в определенных местах (например, в туалетах). Кроме того, познание сексуальности является важным мотивом детской граффити. Так, изучая надписи и рисунки в туалетах начальных школ Пуэрто-Рико, где учатся дети 6-11 лет, Лукка и Пачеко (1986) обнаружили, что более половины граффити связаны с сексуальной тематикой: комментарии по поводу гетеро- и гомосексуальных контактов, рекомендации, выражения сексуальных желаний, изображения половых органов. По мнению авторов, посредством таких надписей и рисунков дети исследуют поведение, соответствующее сексуальным ролям.

Развлекательные мотивы. Практически во всех эмпирических исследованиях граффити фигурирует категория «разное». В «разное» включают каракули, отдельные слова, которые нельзя отнести ни к

одной из содержательных категорий. По-видимому, рисование является частью игры и само по себе доставляет удовольствие.⁶³

Таким образом, вандализм в целом и граффити как один из видов вандализма рассматриваются как разновидность подростково-молодежной девиантности и делинквентности. Этот подход не объясняет всех форм данного явления. Создание целостного образа данного феномена требует более широких обобщений и междисциплинарных комплексных исследований. Однако, несмотря на выраженный интерес к данной проблеме среди социальных психологов и социологов, крупных теоретических достижений здесь пока не наблюдается. Ни исследования агрессии, ни криминологические исследования, ни работы в области девиантного поведения не привели к каким-либо развернутым концепциям вандализма, сопровождающимся последовательной эмпирической проверкой.

ГЛАВА 11.

МОДА СКВОЗЬ ПРИЗМУ ПСИХОЛОГИИ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Психология моды на сегодняшний день одна из самых молодых психологических дисциплин. Уточняя область своих исследований, она исходит из современных представлений о моде, учитывает новейшие достижения научной мысли в социальной психологии, психологии личности и психологии творчества.

Психология моды изучает мотивацию и типы поведения следующих за модой людей, их личностные особенности, включая используемые ими механизмы психологической защиты и социальной адаптации.

Среди известных специалистов, внесших свой вклад в развитие психологии моды: К.Абульханова-Славская, Р.Бартон, И.Богардус, А.Гофман, Г.Диарборн, Г.Зиммель, М.Килошенко, Ю.Лотман, Т.Любимова, Д.Ольшанский, Л.Орлова, Е.Петрова, Л.Ятина и др.⁶⁴

⁶³ Граффити как проявление вандализма. Социальная работа с граффитистами // http://www.f-mx.ru/sociologiya_i_obshhestvoznaniye/graffiti_kak_proyavlenie_vandalizmaa.html (дата обращения 07.08.2015).

⁶⁴ В главе использованы открытые для широкого пользования Интернет-источники: <http://www.allbest.ru/>; <http://www.psylist.net/moda/00001.htm>; Теория моды (учебная программа). М.:

Однако проблематика моды по-прежнему остается мало изученной отечественной психологией, хотя о моде люди говорят почти семь веков.

В каждый исторический период тот или иной аспект моды – эстетический, нравственный, экономический или социальный – выступает на первый план (Килошенко М.И., Сафронова И. Н., 1999).

Но все же первыми теоретиками моды стали не социологи и психологи, а историки костюма. Именно они обратили внимание на невероятную власть моды. Но их возможностей оказалось недостаточно для того, чтобы дать полный ответ на вопрос: что собой представляет феномен «мода» (Доброхотова И.А., 1991).

Поиск же психологического содержания моды основан преимущественно на анализе разрозненных, несистематических, стихийно возникающих представлений о моде, формировавшихся в русле специальных теорий, на фоне анализа других феноменов.

Формирование теорий моды происходило неравномерно. Условно можно было бы выделить три основных периода. Но яркий всплеск интереса ученых к проблемам моды наблюдался в конце XIX - начале XX вв. Середина XX столетия отмечена несколькими фундаментальными исследованиями, посвященными, в частности, моде как социально-психологическому феномену и психологии одежды. В последние десятилетия XX века внимание ученых было сосредоточено на различных аспектах модных явлений: социальном, экономическом, эстетическом, психологическом и т.д.

Однако нет содержательных признаков, по которым можно опознать модные объекты. Сравните модные вещи этого года, прошлого десятилетия, столетия. Что общего в их форме, материале – ничего! Мода не имеет субстанции. Но на всех этапах ее существования ей присуще стремление обозначить границу между «нами» (модными) и «ими» (немодными). Мода – это процесс, который имеет тенденцию к постепенной институционализации. Она включает в себя, прежде всего, появление разнообразных профессионалов в области моды (кутюрье, обозревателей, репортеров, манекенщиц, фотомоделей, костюмеров, мастеров швейного дела и др.).

Следует сказать, что в социальном пространстве мода движется динамично и с ускорением. Такой характер движения моды, по мнению Ю.М.Лотмана, связан с усилением роли инициативной личности в процессе этого движения. «В культурном пространстве, – замечает исследователь, – происходит постоянная борьба между стремлением к стабильности, недвижимости (это стремление

ИМДТ, 2009; http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/olshansk/12.php (Ольшанский Д. Психология масс. СПб: Питер, 2002); www.rekshaz.com (Килошенко М. Психология моды. СПб: Речь. 2001); <http://artpragmatica.ru/analytics/?uid=129>.

психологически переживается как оправданное традицией, привычкой, нравственностью, историческими и религиозными соображениями) и противоположной им ориентацией на новизну, экстравагантность – все то, что входит в представления о моде. Таким образом, мода делается как бы зримым воплощением немотивированной новизны. Это позволяет ее интерпретировать и как область уродливого каприза, и как сферу новаторского творчества».⁶⁵

Инициативность личности – это способность спонтанно и изобретательно генерировать новые идеи, цели деятельности, возможность создавать зависимости от ситуации, динамики среды и собственных нужд новые представления (сознательные образы, «внутренние модели») будущих результатов своих действий.

Психологическая сущность инициативности каждого индивида определяется уровнем самоуважения и уверенности личности в себе. Если человек не уверен в себе, он не будет инициативным – здесь прямая закономерность. Стало быть, мода стимулирует инициативность индивида, вплетается в канву жизненного функционирования личности. В актуальном плане мода приобретает форму самореализации, самовыражения как проявления своего «Я» в жизни.

Человек принимает моду для того, чтобы компенсировать противоречивое соотношение двух сил – стремление к превосходству и социального интереса. Адлер называет их движущими силами развития личности.

Говорящий на языке моды – создатель новой информации, неожиданной для аудитории и непонятной ей. Аудитория должна не понимать моду и возмущаться ею. В этом – триумф моды. Поэтому психологический аспект моды связан со страхом быть незамеченным и, следовательно, питается не самоуверенностью, а сомнением в своей собственной ценности (Устюгова Е.Н., 1994).

Экстравагантные «шалости» в моде соединены с нестандартными преобразованиями в умах, настроениях и действиях людей. Не случайно среди тех, кто активно следует моде, немало творческих, креативных натур. В психологии понятие «креативность» обозначается способностью личности к конструктивному, нестандартному мышлению и поведению, а также осознанию и развитию своего опыта. Причем креативность не сводится только лишь к детерминантам творческой деятельности, а рассматривается в широком социальном контексте. Об этом мы уже говорили в главе 1.

Как правило, творчески реализующий себя человек сплошь и рядом наталкивается на неприятие, непонимание и даже осуждение. Его спасает устойчивость собственных представлений о своем способе действия и жизни, о своей индивидуальности. Аналогии

⁶⁵ Цит. по.: Абульханова - Славская К.А. Стратегия жизни. М.: Мысль, 1996. С.34.

обнаруживаются и в моде. Для творческих людей модные направления – не образы для подражания, но источник вдохновения, основа для выработки собственной манеры одеваться. Зачастую их особая манера одеваться создает предпосылки для возникновения новой моды. Вероятно, поэтому «пионерами» моды считаются представители творческих профессий: актеры, художники, писатели, телерепортеры и журналисты. Присущая им креативность обеспечивает нестандартный подход к использованию, казалось бы, стандартных модных вещей» (Орлова Л.В., 1989).

Оригинальность мышления и богатое воображение позволяют креативным натурам с помощью костюма создавать неповторимые индивидуальные образы. В модном костюме этих людей, как правило, проявляет себя гармоничное сочетание чувства юмора и приверженности высоким эстетическим ценностям (Зимбардо Ф., 1991, с.36).

Социально-психологический контекст моды заключается в акценте на самовыражении и самолюбии как проявлениях индивидуальности. Вопрос о самовыражении личности посредством моды всегда актуален, так как является принципиальным не только для выяснения способов проявления своего «Я», но и раскрывает одно из важных условий адекватного и гармоничного развития личности.

Адекватное самовыражение в моде основывается на правильной самооценке, постоянной потребности в самопознании. «Отсутствие самопознания, самооценки приводит к тому, что человек подчиняется власти своих первых порывов, непроверенных мнений или, напротив, фиксированных (раз и навсегда) установок, не умеет дифференцировать себя от других, не знает своей слабости, достоинства и т.д.». Именно таких людей мода делает своими жертвами в первую очередь. Чем ниже самооценка личности, тем более значимым для него оказывается момент внешней выразительности (привлекательности). Ношения модной одежды для людей превращается в повседневную демонстрацию мод. Отрепетированные, в лучшем случае перед зеркалом, движения и позы, чопорность, нарочитость разрушают естественные модели поведения. Создаваемая таким образом привлекательность в действительности оказывается не более чем странность (Чечот И., 1982, с.8).

Гармоничное соотношение выбранной социальной роли (статуса) своей внутренней позиции, своему «Я», становится источником активности личности и определяет ее отношение к моде. Принципиальным для такой социально-психологической гармонии является соотнесение человеком своих возможностей, целей, задач, характеру жизни, с данным жизненным этапом (его спецификой, нетипичностью для жизни в целом). Следование моде является одним из способов, с помощью которого человек реализует себя как

личность (самовыражается) в деятельности, общении, решении жизненных задач. Однако самая большая сложность заключается в том, чтобы получить одобрительный отзыв окружающих и, конечно же, положительно оценить себя. Получая подтверждения адекватности своего способа самовыражения через моду, человек становится более уверенным в себе (Сафронова И.Н., Килошенко М.И., 1999, с.91).

Проявление своего «Я», адекватное или неадекватное самовыражение сопровождаются особым чувством самолюбия. По мнению К.А.Абульхановой-Славской, «оно является таким же своеобразным «камертоном» своего внутреннего «Я» в плане соответствия (или несоответствия) внешнему миру, как совесть есть «камертоном» и регулятором соответствия (или несоответствия) поступков человека его убеждениям, ценностям, целям и т.д.». Самолюбие выступает как некоторое интегральное личностное образование, одновременно выражает движущую силу «Я», его активную сторону, но не замкнутую «в себе» и «для себя», как утверждается в идеалистических теориях личности, а как способ соотношения личности с социальной миром, другими людьми.⁶⁶

Следуя за модой, личность получает возможность интенсивно взаимодействовать со средой, приобретает высокий ритм жизни. В моде объективируется способность личности увеличить временной потенциал своего развития. Функционирования моды невозможно представить без определенной смысловой связи между прошлым, настоящим и будущим. Роль личности, участвующий в этом процессе, заключается в содержании этой линии. Это необходимо для оценки новизны модных течений, осуществление прогноза продолжительности модного цикла.

Проблемы психологии моды тесно связаны и с проблемой временной перспективы личности. Актуальность изучения данной связи определяется самой спецификой моды, ее ориентацией на перспективное, более того, прогрессивное развитие. Естественно, возникает вопрос о личностных детерминантах такого развития. Различают *психологическую, личностную и жизненную перспективы* как три различных явления. Но каждая из них специфическим образом проявляется в поведении субъекта моды (Панкратова М. Г., 1992).

Психологическая перспектива – это способность человека сознательно предвидеть будущее, прогнозировать его, представлять себя в будущем. Эта способность, по данным исследований К.А.Абульхановой-Славской, зависит от типа личности; пока можно только теоретически предположить, что у одного человека представления о будущей моде связаны с желанием повысить свой профессиональный или социальный статус, у другого – с

⁶⁶ Цит. по: Парыгин Б.Д. Основы социально-психологической теории. М.: Мысль, 1971.

удовлетворением личностных притязаний, у третьего – с личностной направленностью и потребностями.

Личностная перспектива – это не только способность человека предвидеть будущее, но и готовность к нему в настоящем, установка на будущее (готовность к трудностям в будущем, к неопределенности и т.д.). Такая перспектива может быть как у фанатов моды, так и у лиц, отвергающих ее или настроенных в отношении нее консервативно. Личностная перспектива – это свойство личности, показатель ее зрелости, потенциала ее развития, сформировавшая способности к организации времени.

Жизненная перспектива не всегда открывается тому, кто имеет психологическую перспективу, то есть способен предсказывать будущее, и даже не тому, кто имеет личностную перспективу, личностными возможностями, потенциалом, зрелостью. Жизненная перспектива включает совокупность обстоятельств и условий жизни, которые при прочих равных условиях создают личности возможность для оптимального жизненного продвижения. Можно предположить, что истинное предназначение моды открывается лишь тому, кто занял определенную жизненную позицию, выработал систему оптимального отношения к моде.⁶⁷

М.Тард объяснял движение моды как результат подражания носителя престижа. Дальнейшие исследования показали, что человек действительно склонен идентифицировать себя с владельцем престижа, и это заставляет его позаимствовать вкусы и мнения носителей престижа, порождает погоню за символами престижа, «престижное потребление».⁶⁸ Причем, по мнению представителей неофрейдизма, чем острее у индивида внутреннее беспокойство и тревога по поводу отношения к нему окружающих, тем больше в нем подсознательной неуверенности в собственной ценности и безопасности, тем сильнее проявление стремления к престижу. Но, поскольку другие – это «зеркало», что определяет человеческое «Я», престиж обеспечивает самоутверждение личности – уважение к себе, гарантированное уважением других людей. Такой вывод делает Дж. Мид, основоположник концепции символического интеракционизма. Формирование личности происходит в процессе постоянного сравнения себя с окружающими. Социальные оценки влияют на самоуважение личности, ее выбор.

Психологической основой индивидуального выбора модных объектов является процесс принятия и освоения моды как ценности.

⁶⁷ Ильин В.И. Поведение потребителей. М.: Наука, 1998; Чирикова А. Психологические особенности личности российского предпринимателя // <http://www.psychology.ru>.

⁶⁸ См.: Петренко В.Ф. Психосемантика сознания. М.: МГУ, 1988. С.98.

Интернализация ценностей – сложный процесс, отдельные этапы которого могут быть реализованы следующим образом:

1. *Информация* (о существовании ценности и условия ее реализации);

2. *Трансформация* («перевод» информации на собственный, индивидуальный язык);

3. *Активная деятельность* (познанная ценность принимается или отвергается);

4. *Инклюзия* (инициирование, включение в лично признанную систему ценностей);

5. *Динамизм* – изменения личности, вытекающие из принятия или отрицания ценности моды.

По Б.Додонову, необходимо, чтобы субъект «запланировал» определенную ценность в своем сознании, чтобы направил свою деятельность на овладение ею. Ценности дают особый импульс для познавательных, эмоциональных и волевых процессов, играющих важную роль в «программе жизненной деятельности человека» и «программе нужд» (Любимова Т.Б., 1974, с.47).

Принятие и освоение моды как ценности объективируется в потребительском поведении, нацеленном на удовлетворение разнообразных потребностей посредством предлагаемых на рынке новинок.

В исследованиях распространения инноваций (Андреева И.А., 1987, с.57) процесс принятия индивидом новинки условно принято делить на пять стадий:

1. *На стадии оценки* индивид подвергается воздействию новинки, но еще лишен достаточно полной информации о ней.

2. *На стадии интереса* он включается в поиск информации о новинке.

3. *На стадии оценки:* индивид в своем сознании как бы примеряет новинку к настоящим и будущим ситуациям и принимает решение о том, чтобы испытать ее.

4. *На стадии испытания* он подвергает ее «экспериментальной» проверке на предмет соответствия своим потребностям и ценностям социальной среды.

5. *На стадии принятия:* индивид становится сторонником новинки.

Условия современной жизни постоянно изменяются, ее динамичность и интенсивность требуют чрезмерной психофизической мобилизации организма человека. Мода – один из ответов на насущную потребность в психофизиологической разрядке, снятии избытка эмоционального напряжения. По мнению Б.Д.Парыгина, «защищая человека от психической нагрузки, мода сводит к стереотипу человеческое поведение, эмоции, вкусы. Принимая

*готовый модный стандарт, мы не тратим время и энергию на «плавание» в океане новых вещей».*⁶⁹

Ж.Ж.Руссо, Г.Зиммель, В.Зомбарт, И.Богардус рассматривали моду как регулятор социальных потребностей. Мода не просто приобщает индивида к имеющимся социальным и культурным образцам. Эта функция осуществляется с помощью противопоставления предыдущим модным стандартам. Выбирая одни стандарты, индивид в то же время отвергает другие. «Мода дает возможность удовлетворить сразу и желание объединения, общности с другими, и изоляции, отличия», – подчеркивал Г.Зиммель.

Некоторые социально-психологические типы личности особенно подвержены модной регуляции. «Повышенная тревожность, неуверенность в себе, неустойчивость психологического и социального статуса усиливают зависимость от предписаний, исходящих от модных стандартов. Последние воспринимаются в этих случаях не просто как какие-то более или менее условные правила поведения и образцы культуры, а как жесткие нормы, нарушение которых самым «нарушителем» воспринимается как настоящая трагедия», – отмечает Б.Д.Парыгин.⁷⁰ Исследователь моды М.Гринби,⁷¹ ссылаясь на моду как нечто недостойное личности, указывает на весьма важный эффект влияния моды – на сознание и поведение человека.

И здесь возникает большая опасность попасть под стойкое влияние моды, крайнее подчинение влиянию моды, то есть стать жертвой моды. (*Жертва моды, или fashion victim – термин, принадлежит дизайнеру Оскару де ля Рента. Само понятие «жертва моды» возникло после Великой французской революции 1789 года. Victimes de la mode (с фр. «жертва моды») – так называли молодых девушек, выбегавших зимой в недавно вошедших в моду шифоновых платьях, и, как результат, огромное количество летальных исходов от пневмонии).*

В научной литературе представлены следующие признаки жертвы моды:

- крайне высокая степень интереса к моде и гламуру;
- лейбломания – погоня за модными лейблами (в одежде и других категориях продукции для потребления);

⁶⁹ См.: Парыгин Б.Д. Основы социально-психологической теории. М., 1971; Парыгин Б.Д. Социальная психология: Проблемы методологии, истории и теории. СПб. 1999; Парыгин Б.Д. Социальная психология. Учебное пособие. СПб, 2003; Парыгин Б.Д. Социальная психология. Истоки и перспективы. СПб, 2010;

⁷⁰ Парыгин Б.Д. Основы социально-психологической теории. М., 1971.

⁷¹ См.: Килошенко М.И. Индустрия моды: проблемы психологического анализа деятельности специалистов. СПб: Изд-во СПбГУ, 1999. С. 63; Килошенко М.И. Психология моды. СПб, 2001.

- крайности в выборе одежды: согласно деловому сленгу индустрии моды, «человека, который одет-обут не просто в вещи одной марки, но еще и из коллекции одного сезона, назовут «фэшн-виктим»;
- не критичное восприятие новинок моды и информации глянцевого издания;
- слепое подражание эталонам и иконам стиля, доходящее до абсурда;
- ониомания (шопоголизм);
- увлечение пластическими операциями;
- чрезмерное увлечение диетами (как следствие, анорексия, булимия);
- танорексия – чрезмерное увлечение загаром (как следствие, преждевременное старение кожи, воспаление лимфоузлов или онкологические заболевания);
- отказ от естественности: чрезмерное увлечение декоративной косметикой, перекрашиванием и наращиванием волос, искусственными ногтями, накладными ресницами, искусственным загаром, косметической стоматологией, косметической ортопедией и т.п.;
- выбор одежды и обуви в пользу красоты и моды, а не удобства и отсутствия опасности для здоровья:
 - постоянное ношение высоких каблуков и неудобной обуви и, как следствие, деформация стопы, искривление позвоночника и смещение внутренних органов;
 - чрезмерно узкие брюки, джинсы, нижнее белье и, как следствие, нарушение кровообращения;
 - одежда и обувь не по погоде и, как следствие, переохлаждение внутренних органов, простудные заболевания;
 - увлечение лакированной обувью, не позволяющей коже дышать, и, как результат, кожные заболевания;
 - тату-зависимость.⁷²

Как видно, мода неотделима от медиа-индустрии, шоу- и кинобизнеса, от неопределенной, всеобъемлющей «визуальной культуры». Интернет, кабельное телевидение позволяют выбрать модный стиль в режиме on-line. Циклы моды все более ускоряются, превращаясь в непрерывный, не привязанный к какому-либо месту или времени он-лайн-поток. Становится возможным *ежедневный выбор идентичности, произвольное изменение тела и настроения*. Каждый участник массовых коммуникаций становится агентом моды, многие авторы констатируют конец моды – той моды, которую знали в 19 и 20 веках.

⁷² <http://www.psychlist.net/moda/00001.htm>

Однако должен заметить, что наступает время реализации идей, высказанных в свое время А.П.Чеховым о том, что в человеке все должно быть прекрасно. Развитие моды связано с представлениями о моде, расширяющими ее границы от костюма до образа жизни, интерьера, духовных и эстетических ценностей, мотивационно-потребностного смысла.

Нас, как раз, больше интересует мотивационный аспект теории моды, который во многом определил дальнейшие пути психологических исследований моды, прежде всего, изучения мотивационных факторов следования моде.

Так, Пол Нистром (Paul Nystrom) одним из первых предложил довольно обширный перечень мотивов модного поведения человека. Он писал: *«Специфическими мотивами или факторами интереса людей к моде и изменений в моде, дополнение к физическим причинам, которые проявляются в конце каждого сезона, являются скука или усталость от настоящей моды, любознательность, желание быть отличным от других или оригинальным, протест против обычаев, зависимости и подражательства. Могут быть и другие факторы, обусловленные природой человека и определяющие его интерес к моде, но названные настолько эффективны и содержательны, что составляют практическую теорию моды»*.⁷³

С автором теории можно было бы согласиться полностью, если бы мода была универсальным и постоянным феноменом в истории костюма. Тогда бы все мужчины и женщины, живущие на Земле, всех без исключения возрастов постоянно демонстрировали бы неугомонное желание изменяться, желание быть разными, желание восставать против старого, усталость от сезонной моды, и только тогда можно было бы сказать, что мода – результат непостоянства человеческой природы. Но, в действительности, это не совсем так.

Условия, в которых проявляется мода, рассматривая историю человечества в целом, – исключительные условия. Как правило, модное и старомодное какое-то время сосуществуют рядом. Из этого факта следует, что *личностные мотивы оказывают влияние на изменение моды только в специальных обстоятельствах*, между модой и человеческой природой существует определенная взаимосвязь. С одной стороны, мода происходит от человеческой природы, но, с другой стороны, – человеческая природа сама является субъектом моды.

Отношение человека к моде складывается из двух слагаемых: *объективного* и *субъективного*. Объективное слагаемое – поведение участника моды как некая система действий с модными объектами и система взаимодействия, контактов, связей с другими участниками моды. Субъективное, или оценочное, есть оценка участником моды модных объектов, действий с ними, а также межличностных

⁷³ Здесь и далее использован материал: Программа курса «Теория моды». М.: ИМДТ, 2009.

отношений, складывающихся в процессе следования моде. Оба слагаемых тесно взаимосвязаны, хотя и относятся к различным аспектам реальности. Одни – объективные, доступные для внешнего наблюдения процессы, с другие – их субъективное отражение. В целом, структура моды может быть представлена в виде замкнутой цепи, звеньями которой являются: *модные стандарты*, опосредованные материальными и нематериальными *объектами*, *атрибутивные* («внутренние») и *денотативные* («внешние») ценности моды, поведение участников.

Модные стандарты. Наиболее очевидным и наименее устойчивым элементом моды считается то, что «входит» в моду и «выходит» из нее: определенные способы или образцы поведения, которые время от времени сменяют друг друга. Условно их называют модными стандартами. Модные стандарты – это разновидность культурных образцов, другими словами, некие способы или правила поведения или действия, зафиксированные в культуре особыми средствами. Модные стандарты чаще всего реализуются посредством каких-то объектов, как материальных, так и нематериальных. К ним относятся вещи, идеи, слова и т. п., а также свойства объектов, например, формы или размеры.

Модные объекты. Любые объекты, которые оказываются «в моде», могут быть названы модными. Каждый из них существует исключительно как элемент и средство реализации модного стандарта, т.е. определенного способа поведения. Почему одни образцы поведения или предметы считаются модными, а другие нет? Или почему одни и те же вещи, их свойства (форма, размеры) когда-то считались модными, затем становились немодными, а впоследствии снова «входили в моду»? Что с ними происходило, что придавало им «модность», а что лишало ее, в то время как сами они оставались, по существу, теми же»? Очевидно, дело здесь не в их внутренних свойствах. Те или иные стандарты «X»-объектов становятся модными, оказываются «в моде» тогда и только тогда, когда они обладают модными значениями, то есть выступают в качестве знаков моды. Это означает, что эти *стандарты и объекты замещают и указывают на какие-то ценности, которые в обществе или социальных группах воспринимаются как модные.*

К атрибутивным («внутренним») ценностям относятся современность, универсальность, демонстративность, игра. Ценности моды – это то, что человек особенно ценит в моде, чему он придает особый положительный жизненный смысл. Люди в определенной обстановке обычно выбирают такую одежду, которая приводит к утверждению их ценностей.

Современность – фундаментальная ценность в структуре моды. Современность ассоциируется с прогрессивностью, инновационностью, готовностью к изменениям, она

противопоставляется косности, рутине, консерватизму. «Стремление человек к новому опыту имеет в моде основное значение. Люди устают от старого, страстно желают нового».

Универсальность, или диффузность, объясняется такой чертой моды, как массовость. В моде, как правило, участвуют различные классы, социальные слои, профессиональные группы и т.п. мода присуща большим социальным системам и носит глобальный характер. Участники моды ощущают принадлежность к некоему обширному и неопределенному, диффузному целому. Они не образуют социальную организацию с формально предписанными функциями. Модные стандарты общеприняты. Одним из выражений универсальности является тот факт, что «моды» в своем движении легко преодолевают межгосударственные границы, на какие бы замки они не запирались. Это обусловлено особенностями современного массового производства и потребления, развитием средств коммуникации, культурных контактов и т.д.

Демонстративность как ценность моды имеет корни в биологических аспектах человеческого существования. Социальные аспекты жизнедеятельности человека обуславливают функционирование моды как одной из форм коммуникации, передачи информации от одних людей другим. В моде понятия «быть» и «казаться», по существу, совпадают. мода не может быть скрытой, глубинной, она непременно должна быть «на виду». Даже если участник моды следует ей из конформных побуждений, хочет не выделяться, а напротив, быть незаметным, все равно он должен эту «незаметность» как-то продемонстрировать.

Процесс моды зачастую напоминает игру. Вероятно, поэтому игра рассматривается одной из доминирующих ценностей моды. С игрой связано и активное участие в моде молодежи, которая таким образом в игровой форме приобщается к социальным нормам и ценностям.

Уровень денотативных или «внешних» ценностей. Различные общества, многообразные социальные группы, бесчисленное множество индивидов, участвующих в моде, обладают своими собственными глубинными ценностями, от которых в процессе участия в моде они не хотят, да и не могут отказаться. Напротив, они приписывают «модам» и обозначаемым ими внутренним ценностям (современности, универсальности, демонстративности, игре) те значения, которые им близки и дороги. Это – глубинный слой, который не вытесняется «внутренними» ценностями моды, но придает им особое выражение и толкование. Будучи «внешними» для структуры моды, денотативные ценности в то же время составляют наиболее «сильный» мотивационный слой, мощную движущую силу поведения участников моды.

Ценностные ориентации и мотивы, связанные с участием в

моды, существенно различаются между собой на этом денотативном уровне. Для одних участников моды важно выделиться из массы, для других – слиться с ней. Одни – выражают своим участием приверженность эстетическим ценностям, другие – утилитарным. Среди мотивов участников моды – повышение привлекательности своего «Я», принадлежность (реальная или желаемая) к социальным группам, обладающим высоким статусом или престижем и т.д. Содержание этих «внешних» ценностей моды определяется различными обстоятельствами основными социальными институтами, образом жизни общества и составляющих его групп, их традициями и т.п.

В психологической структуре личности ценности моды, скорее всего, представлены интегрировано и обозначены понятием «мода». Принятие личностью ценности моды может оказаться достаточным основанием и оправданием стремления «быть модным» или «не отстать от моды».

Модные стандарты и ценности носят нормативный характер (как и любые другие средства социальной регуляции), но степень императивности, принудительности, жестокости их предписаний не очень велика. Так называемый «диктат моды» зачастую преувеличивается в массовом сознании. Это видно хотя бы из того факта, что нарушение нормативных предписаний моды, как правило, не влечет за собой серьезных социальных санкций по отношению к «провинившемуся». Во всяком случае, нормы в моде менее императивны, обязательны, жестки, чем в ряде социальных институтов или в обычае.

Факт вхождения моды в психологическую структуру личности в форме личностной ценности является неперенным условием модного поведения. Мода, наряду с другими личностными ценностями, отражается в сознании в форме ценностных ориентации, которые включают в себя также широкий круг социальных ценностей, признаваемых личностью, но не всегда принимаемых ею в качестве жизненных целей и принципов. Поэтому возможно как неполное, неадекватное отражение моды как личностной ценности в сознании, так и ориентация в плане сознания на моду как на ценность, не являющуюся реальным мотивом поведения личности.

В структуре зрелой личности ценности выполняют функцию перспективных стратегических жизненных целей и мотивов жизнедеятельности, реализация которых выражается во вкладе личности в культуру, создании ею новых объективированных форм ценностей.

Прежде, чем принять то или иное модное веяние, человек конструирует образы, связанные с оформлением своей внешности, самочувствием, реакцией других людей.

Значительное влияние на формирование моды принадлежит общественным лидерам, так называемым кумирам, которыми искренне восхищаются люди и стремятся им подражать. Многие поколения молодежи искали и находили своих кумиров, среди которых герои художественных произведений, артисты, общественные и политические деятели.

Психологической основой моды является подражание. Сложность же явления моды обуславливается многочисленными типами влияния на сознание людей, отражающееся в их поведении.

Поведение участников моды – еще один важный компонент моды, то есть такое поведение, которое ориентировано на демонстрацию определенных образцов поведения, принимаемых за социальную норму. Мода как социальная норма поведения человека всегда выражается в оценочной или конкретно-чувственной форме. Нормативность не только не мешает моде быть одной из форм утверждения эстетического идеала, но и дополняет и развивает эту ее сторону. Эстетический идеал утверждается модой и в том смысле, что одна из ее главных целей – преодоление противоречий между внешним обликом людей и эстетическим идеалом данного времени. Это означает, что в той мере, в какой внешнее взаимодействует с внутренним, мода влияет и на содержание человеческой личности.

Таким образом, мода выступает как проекция основных структурных компонентов концепции «Я» личности (физического «Я», социального «Я», идеального «Я») на ее потребительское поведение. В процессе социализации личность изменяет представление о своем «Я», расширяя его за счет накопления социального опыта, идентификации с определенной социальной группой. Все эти изменения находят свое отражение в одежде, которую выбирает человек, в характере отношения к моде в целом. Мода может рассматриваться как один из каналов социализации. От других видов социализации мода отличается тем, что она обращена на общедоступные культурные образцы.

В заключение приведу небезынтересную социально-психологическую типологию функций моды, которую приводит Д.В.Ольшанский:

1. *Массовизация человеческой психики.* Главная функция моды как социально-психологического явления состоит, прежде всего, в массовизации человеческой психики, массовизации сознания и поведения. Мода «массовизирует» человеческую психику, заставляя индивида быть таким же, как масса ему подобных.

2. *Повышение престижа.* Приобщаясь, хотя бы внешне, к наиболее богатой и обладающей модными вещами публике, человек резко повышает свой престиж как внешне, так и внутренне. Не случайно до сих пор верна и популярна известная народная

пословица: «Встречают по одежке, а провожают по уму».

3. *Регуляция эмоциональных состояний.* Известно, что обладающий модной одеждой, предметом, идеей и т.д. человек чувствует себя значительно лучше, чем не обладающий такими вещами. Особенное значение фактор модности в виде модной одежды имеет для женщин.

4. *Приобщение к новому.* Следя за модой, стремясь к модному в одежде, в идеях, в образе жизни, человек неизбежно развивается, обогащаясь новыми знаниями, чувствами и представлениями. Он подражает новому, легко перенимает его и тем самым делает как бы «своим», формируя собственный вкус и предпочтения.

5. *Самоутверждение личности.* Следуя моде, человек утверждает себя в своих собственных глазах. Понятно, что самоутверждение может касаться различных сфер. Для женщин модная одежда всегда связана с сексуальным самоутверждением. Для мужчин модная идея связана с интеллектуальным самоутверждением. Какой бы ни была сфера моды, за ней стоит одно и то же – стремление к выделению и утверждению себя. Однако говоря объективно, фактически эта функция противоположна функции массовизации психики. Самоутверждение отдельной личности, становясь массовым, как бы захватывая большинство, всегда нивелирует эту отдельную личность согласно действию законов психологии масс.⁷⁴

Приведенная типология Д.В.Ольшанского, может служить и своеобразными выводами к главе.

⁷⁴ Ольшанский Д.В. Психология масс. СПб: Питер, 2002. С.264.

ГЛАВА 12.

ПРОПЕДЕВТИКА ПСИХОЛОГИИ ДОБРА И ЗЛА

*«Мир – это зеркало, которое показывает каждому человеку его
собственное отражение»*

Уильям Теккерей, английский писатель (1811-1863).

*«Добрый человек не тот, кто умеет делать добро,
а тот, кто не умеет делать зла»*

В.О.Ключевский.

Эпиграфами этих гуманитарных гениев прошлого мне хотелось бы предварить обсуждение одной из ключевых категорий психологии личности – проблему **Добра** и **Зла**. Очень точно, на мой взгляд, определил отношение к данной проблеме известный писатель Виктор Гюго. Он сказал, что «в этом мире только одна вещь, перед которой должны преклоняться, это – *Гений*; и одна только вещь, перед которой следует пасть на колени, – это *Доброта*».

И действительно, я в этом убежден, когда человек делает выбор в пользу **Добра**, то он становится свободным, он становится чище и одухотвореннее. Потому что *делать добро никто не запрещает*, в отличие от зла, которое рано или поздно будет наказанным. Однако мы забыли, что само рождение человека – это уже добро; но также важно и другое: *человек – единственный, у кого есть способность выбирать, у кого есть свое мнение, свои принципы и позиции*. У братьев наших младших (животных, птиц) есть только рефлексy, которые помогают им выжить (охота, добывание пищи, сон и т.п.). Человек же практически всю свою жизнь находится в перманентном состоянии выбора: выбора между добром и злом. Он сам (заметьте, **осознанно!**), решает для себя, как ему быть и как ему поступать, для чего открыть себя – для добра (для хорошего) или для зла (для плохого). Человеку следует четко осознать и запомнить: *открыв себя для плохих дел, уже не остановить в себе плохое, не остановить в себе зло, которое начнет захватывать душу очень быстро*. (Помните выражение: «продал душу дьяволу»?).

С самого начала мы окружены людьми. И психология наших отношений с окружающими строится сначала на подсознательном уровне. В начале, мы учимся понимать людей и выстраивать с ними отношения методом «проб и ошибок». Взрослея и активно социализируясь, в наши взаимоотношения «вмешивается» **сознание**,

которое помогает человеку придумать, сконструировать свою собственную программу поведения (а, значит, выбора!), исходя из его прирожденных способностей. Ведь *сознание – есть мы сами* (в определенном смысле) и *сознание, прежде всего, есть способность человека, это явление внутренней жизни человека*. Сознание помогает нам что-то анализировать, сравнивать, оценивать, находить отличие одного от другого. Сознание проявляется во многих психических актах: внимание, память, воображение, мечта, мышление и т.п., благодаря которым *выявляются качественные и количественные характеристики предметов, явлений и процессов*.

У Аристотеля есть совсем ясная и полезная для нас фраза: *«Это различающее выражает, что добро отличается от зла: говоря об одном (положим, о добре), что оно различно от другого (от зла), это различающее тем же самым (и в то же время) говорит и о другом (о зле), что оно отличается от первого (добра). Если я говорю, что что-нибудь различается от другого, то хотя я и не выражаю тогда же, что это второе отличается от первого, но выражаю разом и то, и другое. Таким образом, это делается нераздельно и в нераздельное время»*. Иными словами, говоря о свете, я говорю заодно и о тьме. В одном и том же месте в одно и то же время. Говоря про белый свет, я говорю, тем самым, одновременно как черный цвет от него отличается и как белый цвет отличается от черного.⁷⁵

Насколько мне известно, единственная удачная попытка научного осмысления **злости** как психического явления, хоть и незавершенная, принадлежит К.Д.Ушинскому. Взяв за основу труд великого русского психолога и педагога, попробуем разобраться с понятием злости с его позиций. Так, по К.Д.Ушинскому, **злоба** – это извращение души. Чтобы «дойти» до злости, человек должен «преодолеть» **семь ступеней** (!), выработать много разных привычек. **Злоба** не возникает внезапно и в одно мгновение. Человек движется к ней постепенно, я бы даже сказал – осознанно и методично. На каждой ступени своего развития злоба имеет обратимый характер, кроме последнего.

Путь **злости** начинается с переживания такого чувственного состояния, как **самолюбие**, то есть любовь к себе. **Это – первая ступень**, ведущая к злобе. Однако любить, значит испытать целую цепочку различных состояний: испытывать влечение к предмету, затем ощущать удовольствие от обладания предметом, представлять этот предмет в уме, испытывать удовольствие от представления обладания предметом. К.Д.Ушинский поясняет: «Если стремление это обращается на любование своими личными совершенствами, более

⁷⁵ <http://freelanser74.ru/Soznanie>

стремится к наслаждению, чем к деятельности, – тогда образуется самолюбие».⁷⁶

Вторая ступень, ведущая к злобе, – появление зависти. Во взаимоотношениях между людьми всегда происходит сравнение себя с другими. *Сравнение есть условие зависти.* Когда сравнивающий субъект испытывает *горечь, боль* и другие неловкости от преимуществ других субъектов – это и есть зависть. А преимущество в чем-либо – это уже превосходство. Крайняя степень превосходства – совершенство. Как определить кто совершенней, а кто нет? Если нет эталона сравнения, определить это невозможно. Но человек такой эталон находит всегда.

Неудовлетворение стремлений рождает неудовольствие. То, что зависть – это боль от счастья другого, и что зависть происходит от сравнения, факт несомненный. Как выясняется, больше человеку сравнивать кроме личных заслуг и заслуг соседа перед собственным идеалом совершенства, нечего. Вспомните известную поговорку, которая точно характеризует вторую ступень: *«Ничто так не радуется, как несчастье товарища»* или *«Ничто так не огорчает, как успех товарища»*.

Третья ступень, ведущая к злобе – злорадство. Злорадство – крайняя степень зависти, ведущая к злобе, но это еще не злоба. Человек при злорадстве уже «насамолюбывался», «наравнивал» себя с другими, горечь испытывал и «порадовался» счастьем других людей – и дошел до крайности. Радует и смеется, когда его друг или брат несчастен. Повторю, это еще не злоба.

Поговорка, приведенная выше, ярко характеризует внутренний мир современного человека, его нутро, блистательно и метко выражая его чувство. Злорадство, как психическое явление, становится уже понятным. Оно не скрывается человеком.

Четвертая ступень, ведущая к злобе – злодейства, злоба в начальной форме. «Сила» злорадства переполняет человека и выплескивается постепенно наружу. Конечно, это еще не злоба.

Злодейство способствует зарождению чувства порока, унижающего человека в собственных глазах. К.Д.Ушинский метко заметил: «Только порок, унижающий человека в собственных глазах, попадая на характер уже завистливый, делает его злобным».⁷⁷ Здесь находит свое выражение и нравственная составляющая личности, без которой злобы не будет. Это понимание того, что в тебе крепко сидит порок. Однако всегда следует помнить: *«Отпускай хлеб твой по водам, потому что по прошествии многих дней опять найдешь его...»* (Еккл. 11:1).

⁷⁶ Здесь и далее: Ушинский К.Д. Избранные труды. В 4-х кн. Кн.4. Человек как предмет воспитания / К.Д.Ушинский; сост. Э.Д. Днепров. М.: Дрофа, 2005; а также: <http://freelanser74.ru/zloba-kak-psihicheskoe-sostoyanie-cheloveka>.

⁷⁷ Ушинский К.Д. Указ. соч. М.: Дрофа, 2005.

Пятая ступень – злоба в развитии. За одним эпизодическим злодейством происходит другое, третье, четвертое. После каждого злодейства возрастает и страсть самолюбия. Возрастает и чувство нравственного падения. Злоба поработывает человека.

Как он будет портить счастье другим людям? Обыкновенно – клеветой и наветом, поджогом, подлостью и др. Велика здесь степень извращения души. Но и даже теперь злоба не является необратимой. И этой злобе есть предел, пока есть достоинства или надежда к достижению их.

Шестая ступень, ведущая к необратимой человеческой злобе – осознание своего падения. Как бы носитель злобы не портил счастье людей, до очередного шага к необратимой злобе важно осознание того, что человек сам по себе низок по сравнению с другими. Происходит полное осознание своей низости. Произведенные злодейства играют роковую роль. Нет больше достоинств. Нет надежды к достижению достоинств. Стремление к совершенству действует. Самолюбие вынуждает становиться выше других, иначе страдания. Осознание низости и страстное желание стать выше других приводит к единственному средству – понизить всех до своей низости, до своего уровня. Тогда душа злобствующего, по словам К.Д.Ушинского, *«с остервенением бросается на всякое достоинство и на всякое счастье и наслаждается пороками и бедствиями. Глубока эта степень падения, но есть еще и ниже и эта уже последняя...»*.⁷⁸

Ступень седьмая – злоба необратимая, хула на Святого Духа. Продолжаю и заканчиваю цитату К.Д.Ушинского: *«Глубока эта степень падения, но есть еще и ниже и это уже последняя: человек начинает ненавидеть не людей добра, но само добро, и гонит его сознательно только потому, что оно добро. Мы думаем, что эту именно ступень злобы надо разуместь по теми страшными грехами «хулы на Духа Святого», которая даже по словам Всепрощающего, не может быть отпущена ни в сей жизни, ни в будущей. Не забудем, что эти слова сказаны спасителем после того, когда фарисеи приписали его чудеса злему духу. Не значило ли это называть духа добра духом зла и духа зла духом добра, и называть сознательно! Вот что значит хула на Духа Святого – и такая душа не прощается потому, что не может быть прощена, ибо из человеческой душа делается демонскою»*.⁷⁹

Итак, носителем добра и зла является человек. Мы знаем про зло в физическом мире по другим людям и по себе. Без людей нет зла и добра в физическом мире. По И.А.Ильину, *«зло начинается в человеке. Зло появляется с человеком. Зло – это состояние душевно-духовного мира человека. Дух и душа личности – истинное*

⁷⁸ Ушинский К.Д. Указ. соч. М., 2005.

⁷⁹ Ушинский К.Д. Указ. соч. М., 2005.

*местонахождение добра и зла. Поступки людей, а также любые внешние проявления состояний человеческого тела не могут быть добрыми и злыми сами по себе. Зло – это душевно-духовное состояние. Все поступки человека и слова порождены духовно-душевным состоянием».*⁸⁰

Зло – это то, что разрушает жизнь и благополучие человека. Зло – всегда уничтожение, подавление, унижение. Зло деструктивно, оно ведет к распаду, к отчуждению людей друг от друга и от животворящих истоков бытия, к гибели. Зло есть противоположность Добра.

Принято считать, что **зло существует в мире в трех видах:**

1. *Физическое или природное, зло* (естественные стихийные силы, не зависит от человеческой воли и сознания, биологические и геологические процессы происходят помимо человеческих желаний и действий);

2. *Зло в общественных процессах* (совершается с участием человеческого сознания: война, революция, рабство и т.д.);

3. *Собственно нравственное зло*, субъективное по происхождению (человеческие пороки: мракобесие, малодушие, трусость, лень, холопство, неумение совладать своими влечениями, желаниями и страстями, а также – агрессия, насилие, гнев, ненависть, желание гибели, подавление других и т.п.).⁸¹

Как видно, третий вид зла более «психологичен» по своей сути. Считается (Т.Гоббс, И.Кант), что человек по своей природе эгоистичен и зол, стремящийся оттеснить других людей от благ, и возможно, еще и потешится над их страданиями. Эгоизм и зло – естественные качества, поскольку в жизни люди конкурируют друг с другом, а, как известно, «кто смел, тот и съел». Как считали Я. Беме, Н. Бердяев, зло необходимо для реализации человеком подлинной свободы.

Однако является очевидным, что истоки зла коренятся в социальном несовершенстве, отсутствии условий для полноценной реализации личности. Преодоление несправедливости, неравенства, коррупции и т.п. способствует развитию общества по пути добра. Зло при этом необходимо не только для отличения, но и для созидания добра (марксизм).

Справедливости ради замечу, что представления о добром и злом различаются и по эпохам и поколениям. Так, в традиционном обществе добродетелью считалось беспрекословное подчинение старшим и действие по тому стереотипу, который они предлагали.

⁸⁰ См.: Ильин И.А. О сопротивлении злу силой. М.: Дарь (серия Русская культура), 2006. 480 с.

⁸¹ Здесь и далее см.: <http://xreferat.ru/77/3835-1-predstavleniya-o-dobre-i-zle-v-istorii-civilizacii.html>

Нынешнее поколение выбирает свободу от диктата и опеки, для него истинное добро – самостоятельность, возможность поступать по своему усмотрению и собственной воле. То, что, является несомненным злом, при некоторых обстоятельствах оценивается людьми как добро. Это, прежде всего, относится к убийству. В священных книгах разных народов есть заповедь «не убий». Однако люди убивают, и часто их поведение расценивается как добро.

Но все же, в современном мире, к сожалению, пока нельзя совсем обойтись без насилия, или хотя бы угрозы насилия, при противостоянии злу, но по возможности, его надо сводить к минимуму, иначе любое благое дело, политое кровью, само обратиться во зло.

Кстати, в буддизме терминов «Добро» и «Зло» не существуют. У буддистов есть понятие «Сансара», то есть земные страдания, которые тесно связаны с физическим существованием и от которых по возможности должен избавиться человек. Страдания вызываются желаниями, например, желанием есть. Для осуществления этого желания в пищу употребляется мясо животных или птиц, и тем самым причиняет им страдание. В иудаизме Добро символизирует ответственность человека за свои поступки, свободу выбора. Проблему отсутствия справедливости наказания зла и поощрения добра Талмуд трактует как ограниченность человеческого ума и сознания. Христианство трактовало Зло как отречение от божественного порядка и отречение от бога.

Люди могут искренне верить, что творят добро, в то время как их действия объективно оборачиваются злом. Так искренне любящие родители, которые желают своему чаду только добра, могут настолько его огородить от жизни с ее проблемами, что ребенок вырастет совсем не подготовленным к сложностям реальных человеческих отношений. Или, напротив слишком современные родители принципиально предоставляют своему ребенку полную самостоятельность, к которой он пока не готов. В результате этой «акции» ребенок попадает в дурную компанию, а семья сокрушается о том, что «хотели-то они хорошего». Или эгоизм некоторых людей меняет в их сознании понятия о добре и зле, и они считают, что добро это то, когда им хорошо, а зло – наоборот. Например, есть такая фраза «Если я украду у соседа банан – это добро, а если он у меня – это зло».

Добро и Зло связаны тем, что они взаимно отрицают друг друга. Более того, добро и зло зависят друг от друга: добро практически утверждается в отвержении зла. Но противоположность Добра и Зла абсолютна. Эта противоположность реализуется через человека: через его решения, действия и оценки.

Доброта связана с верой в добро; это – всегда *доверие* друг другу, отношение к позитивным возможностям другого, в отличие от зла, которое ориентировано на деструктивность отношений, на не-

доверие. Доверие возникает при наличии готовности к его проявлению у одного из партнеров как результата восприятия другого как значимого, надежного и безопасного и собственной субъективной значимости и безопасности. Отсутствие одно из этих качеств существенно влияет на характеристики доверия (мера, глубина, длительность, симметричность отношений и т.д.).

Таким образом, заключая главу, напомним, что Природа слепа в своих стихийных проявлениях, Человек же обладает силою в какой-то мере обуздывать стихию. По крайней мере, стихию своего характера: не поддаваться гневу, не предаваться искушениям (славы, власти, корысти), не распускаться и воздерживаться от распущенности.

Добро – это то, что приближает к идеалу, зло удаляет от него. Добро и зло как моральные понятия формируются человеком по мерке его внутреннего мира. Любые ценности могут быть как добром, так и злом в зависимости от того как индивид переживает свой конкретный опыт «освоения» этих ценностей в отношении к идеалу, к высшему благу.

ГЛАВА 13.

ЧЕРНЫЙ ЮМОР КАК ФОРМА ПРОЯВЛЕНИЯ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Принято считать, что юмор в целом и «черный», в частности, – составная часть культуры общества, барометр настроения общества, индикатор развития общества и т.п.

По З.Фрейду, *«культура обозначает всю сумму достижений и учреждений, отличающих нашу жизнь от жизни наших животных предков и служащих двум целям: защите людей от природы и урегулированию отношений между людьми»*.⁸² Однако чуть раньше в указанной работе, З.Фрейд заключает, что *«...большую часть вины за наши несчастья несет наша так называемая культура; мы были бы несравнимо счастливее, если бы от нее отказались и вернулись к первобытности»*.⁸³

«Под колпаком» культуры находятся, в частности потребности и интересы человека и социальных групп. Культура контролирует их и регулирует их проявление в обществе, то есть, по сути, ограничивает

⁸² Фрейд З. Психоанализ. Религия. Культура. М.: Изд-во «Ренессанс», 1992. С.88.

⁸³ Фрейд З. Указ. соч. С.85-86.

удовлетворение потребностей. Вследствие такого ограничения культурой потребностей человека, происходит его невротизация и З. Фрейд предлагал бороться с этим посредством уменьшения ограничений, налагаемых на человека культурой.

Самой потрясающей чертой ограничения влечений по средствам культуры является *сублимация*. По мнению З.Фрейда, именно благодаря ей на свет появились величайшие произведения искусства. Согласно его теории, великие деятели культуры имели массу вытесненных влечений, но осознавали, что обладают величайшим талантом, и творили под действием собственного бессознательного, ибо именно «Ид» занимает львиную долю в структуре психики человека.

Сказанное в равной степени относится и к характеристике современной поп-культуры, современным формам девиантного поведения спортивной, досуговой, политической ориентации, а также черному юмору, граффити.

Выражение «Черный юмор» (англ. *black humour*) изначально означало в средневековой медицине «черную желчь», которая, согласно учению Гиппократов (около 460 – ок. 370 до н.э.) о «пяти соках» в организме человека, была признаком меланхолии. В современном значении (шутки на темы смерти, преступлений, несчастных случаев и т.п.) это выражение стало употребляться сначала в США (1950-е годы), потом и в других странах мира.

Однако сам термин «*Черный юмор*» как таковой впервые возникает в 80-е годы XX века, и активно используется в *сюрреализме*. Одним из его основателей и пропагандистом считается А.Бертон. Он первый составил *антологию* этого вида юмора. В XX веке черный юмор активно использовался в «*театре абсурда*», сначала в Европе, а чуть позже и в США.

Если посмотреть на географию черного юмора, то отчетливо видно, что явление это широко представлено в массмедиа, социальных сетях, в искусстве и рекламе именно развитых стран. Сытое общество, граждане которого чувствуют себя защищенными от бедности, войн и невзгод, порождает прекрасные образцы черного юмора. Им изобилуют кинематограф, литература, театр, изобразительные искусства и, конечно, реклама.

«Черное» как отражение естественного человеческого интереса к смерти, оказывается, по сути дела, одним из стилей, жанров и способов художественного освоения действительности. Что касается смешного, то пристрастие к осмеянию уродов, насмешки над смертью и страданиями издавна присутствуют в народном искусстве балагана, в русском лубке. Юродствуют и ерничают герои средневековых карнавалов, скоморохи и шуты. В отечественном фольклоре глумление над смертью мы видим в страшных сказках, жестоких романах и романах, легендах.

Однако со времен появления черного юмора смерть как основная его составляющая давно отошла на второй план. Видоизменившийся черный юмор сегодня стал формой протеста, защиты. Проявление черного юмора рассматривается психологами в русле неклассического психоанализа как специфический защитный механизм личности, помогающий справиться со страхом будущего.⁸⁴

Черный юмор, в основном увлекает подростково-юношеский возраст. Явлению «черного юмора» в подростковом возрасте не было уделено достаточно внимания со стороны литературы и науки, а между тем этот материал чрезвычайно богат сведениями, характеризующими развитие личности, становлению ее отношений с внешним миром, восприятию экзистенциальных проблем в современном обществе.

В молодежном фольклоре сегодня черный юмор существует в подавляющем большинстве в виде дву- и четверостиший. Они легко запоминаются и очень похожи на частушки или бравые пионерские вирши, почему нередко в быту черный юмор еще называют садистскими стихами. В подавляющем большинстве их речь идет о чадах и домочадцах, чрезвычайно жестоких по отношению друг к другу. Именно здесь образ семьи, семейные отношения предстают в удивительном, однако, наиболее полном виде. Именно здесь образ семьи, семейные отношения предстают в удивительном и наиболее полном и доступном для исследования виде.

Юмористическое отношение к различным аспектам жизни общества отражается как в творчестве профессионалов-юмористов, так и в окказиональном (созданном на данный случай) спонтанном творчестве любителей. Часть созданных и теми и другими шуток в силу глубины содержания и удачности формы распространяется и на определенное время, закрепляется в групповом или даже в массовом сознании в виде более или менее широко известной языковой игры, стандартных шуточных реплик, анекдотов, пародий и т.п.

Так, богатейшее содержание можем мы увидеть не только в количестве анекдотов про армию, о евреях, «на юридические темы» (как это весьма удачно сделал А.В.Дмитриев, показав на таком материале роль анекдота в критической социальной рефлексии⁸⁵), но и в содержании и смысле, а также популярных *переделках* обычных слов и словосочетаний: «секретварь», «секретутка», «овощегноилище», «министерство захоронения», «Ах, эти черные глаза ... Одни туда, другой – сюда», «Как много девушек в

⁸⁴ Далее использованы опубликованные материалы в журнале «СоцИС». 1994. №11, а также Клейберг Ю.А. Девиантное поведение в вопросах и ответах. [37, с.171-180]; открытые для свободного пользования Интернет-источники: <http://esperanto-plus.ru/senkom.htm>; http://psinovo.ru/referati_po_psichologii_i_pedagogike/chemiy_umor_anatomiya_chelovecheskoy_destruktivnosti.html; <http://www.arthouse.com.ua/notes/168/chemnyi-yumor-v-reklame>; <http://esperanto-plus.ru/aforism/pochjemu-psikhologi-schitajut-chjernyj-jumor-zashhitnym-mjekhanizmom.htm>.

⁸⁵ Дмитриев А.В. Социология юмора: Очерки. М., 1996.

галошах...»); *лозунгов*: «Каждому пассажиру – по мягкому месту!»; *речений*: от памятных с детства «Когда я кушаю, я говорю и слушаю» до популярных насколько лет назад «Когда я ем, я эм-эм-эм».

С психологической точки зрения юмор – одна из форм завуалированной или переключенной агрессии – вместо ненависти к дуракам юмор позволяет ощутить превосходство над ними, юмор абсурда выступает против общепринятой логики и заведенного порядка, в то же время не нарушая их. И неважно в данном случае, приравнивается ли смех по своему социальному значению к искусству или народному творчеству. Важно то, что роль его заключается в предупреждении и ослаблении внутриличностных, межличностных и межгрупповых конфликтов.

Для ребенка и подростка семья много значит: здесь основа его физического существования, здесь формируются его основные ценностные ориентации, здесь же, по убеждению большинства психологов и психиатров, коренятся его страхи, комплексы, устойчивые привычки и т.п.

Отражение внутреннего мира подростка через его фольклор, позволяет оценить его отношения и переживания на данном этапе развития. Понять механизмы некоторых противоречий, таких как стремление к независимости и нужда в опеке, наставнике. Стремление к индивидуальности, но значимость осознания себя частью группы, нахождение в группе сверстников.

В черном юморе уже сам отчий дом – гарантирующий, казалось бы, безмятежный приют от горестей и защиту от внешнего мира, убежище, куда стремится любой нормальный благополучный человек – показан как место, полное опасностей. Не только на его чердаке, в лифте или в подвале – в излюбленных местах рискованных детских забав, – но и в квартире, комнате ребенка подстерегает возможность получить удар током, сломать руки-ноги, замерзнуть в холодильнике, сгореть в плите:

«Темною ночью в пижаме в полоску
Мальчик на кухне распиливал доску.
Мягко железо в ногу вошло.
Вместе с ногою детство ушло».

«Маленький мальчик сидел на окошке,
Свесив наружу тонкие ножки.
Об мостовую грохнули кости.
Мальчик не едет к бабушке в гости».

«Маленький мальчик, высокий карниз.
Маленький пальчик летит с него вниз.
Ну а внизу улыбается мать:
«Нет, не умеет сынок мой летать!»».

«Маленький мальчик залез в холодильник.
Маленькой ручкой схватил за рубильник.
Быстро застыли сопли в носу.
Нет, не доест он свою колбасу!»

«Ручки и ножки исчезли все сразу.
Не подпускайте детей к унитазу!»

Черствые родители не только не способны к сопереживанию, но и откровенно радуются детским несчастьям:

«Маленький мальчик побриться хотел.
Бритвой опасной он горло задел.
Горькую весть сообщили отцу.
Папа сказал: «Поделом сорванцу!».

Как видим, именно родители оказываются как косвенными, так и непосредственными виновниками мучений, увечий и гибели своих непослушных чад, причем наказание совершенно несоразмерно проступку, явно гиперболизировано:

«Мне мама в детстве выколола глазки.
Чтоб я в шкафу варенье не нашел.
Теперь я не смотрю мультфильмы, не читаю сказки,
Зато я нюхаю и слышу хорошо».

«Девочка дома в мячик играла.
Девочка в папу случайно попала.
Папа сказал ей: «Ах ты, егоза!»
Долго на пальцах блестели глаза».

Трогательную «нежность» проявляют к малым детям не только родители, но и дедушки-бабушки, не оставляя надежды на помощь и сочувствие:

Маленький Костя с карниза сорвался,
Крик его вскоре внизу оборвался.
Бабушка в комнату кинулась ланью...
Нет! Не задел он горшочек с геранью.

«Бабушка внучку из школы ждала.
Цианистый калий в ступке толкла.
Дедушка бабушку опередил.
Внучку гвоздями к забору прибил».

Не менее горячи и братские чувства:
«Маленький мальчик нашел автомат.
Долго у стенки корчился брат».

Уже из этих примеров видно, что семья – настоящее поле боя, на котором равнодушные, циничные, безрассудно и бессмысленно жестокие родственники постоянно друг друга увечат и умерщвляют. Кстати, это явление существует не только в отечественной подростковой субкультуре: черным юмором полна английская народная поэзия для детей «Mother Goose Rhymes», есть похожие произведения в США, Франции, Германии, Италии.

Высмеивая пугающие ситуации, человек как бы отстраняется, видит себя со стороны более сильным и неуязвимым. Такой «карнавальный», катарсический смех, коему особое внимание уделял М.М. Бахнин (1983), – победа над страхом, его преодоление. Рисуя с нарочитым спокойствием глобальное разрушение родственных связей на бытовом уровне, черный юмор подростков на самом деле выполняет в определенном смысле функцию защиты их тонкой чувствительной психики, предохраняя от многочисленных и небеспочвенных страхов, идущих частично от современных условий жизни, а частично коренящихся в глубокой древности. Однако не следует буквально принимать образ семьи в черном юморе. Не деградацию института семьи демонстрирует нам черный юмор, а напротив, глубокую драму личности, остро переживающую предстоящее ослабление родственных связей. И потому, безусловно, пафос разрушения привычных связей и человеческих отношений в черном юморе – одновременно и пафос созидания.

Теперь попробуем привести аргументы «за» и «против» черного юмора.

Аргументы в пользу черного юмора:

1. Черный юмор – одна из естественных потребностей человека, подлежащая удовлетворению.
2. Черный юмор вызывает сильное эмоциональное воздействие. Этот фактор является одной из причин популярности черного юмора.
3. Черный юмор несет в себе элемент эпатажа, что также позитивно сказывается на силе воздействия и запоминаемости.
4. Юмор имеет свойство «вирусного» распространения – из уст в уста.
5. С помощью черного юмора можно живо и доступно передать нужную информацию.
6. Черный юмор может быть хорошим приемом, когда информация сначала пугает слушателя, чтобы потом предложить решение проблемы.

Аргументы против черного юмора:

1. Черный юмор, наряду с положительным воздействием, вызывает отрицательные эмоции. У некоторых людей он может вызывать острое неприятие.

2. Чем острее человек переживает жизненную проблему, тем больше будет агрессии.

3. При неудачной идее или плохом исполнении черный юмор просто пройдет мимо внимания аудитории.

Итак, черным юмором называют особый вид юмора, в котором смех и комический эффект вызывается насмешками над темами, насмеяться над которыми обычно не принято – это здоровье, катастрофы и прочие тематики.

В таком случае, нужен ли людям такой юмор? По словам психологов, черный юмор нам нужен. Любой человек знает множество анекдотов. Или хотя бы слышал их бесконечно много, просто не все хорошо запоминают эти короткие истории, тем более что они действительно имеют удивительное свойство пропадать из памяти. Так вот среди них наверняка есть анекдоты, основа которых – черный юмор, ведь это одна из популярнейших тем во всем мировом юморе.

Черный юмор многогранен, он используется во многих сферах нашей жизни. Любая идеология или общественная система начинает разрушаться тогда, когда над ней начинают смеяться, поскольку то, что является смешным, уже не может восприниматься чем-то невероятно всесильным и жутко страшным. Так вот идеальный вариант разрушить какую-то идеологию, это использование именно черного юмора.

Все эти принципы хорошо известны политтехнологам и специалистам по рекламе. В частности, в политике очень часто применяется такой прием борьбы с конкурентом за государственное кресло, как заставить общественность смеяться над оппонентом. Этот прием существенно снижает позиции конкурента.

Шутка, направленная на что-то неизбежное, страшное или всесильное – снижает уровень реальной опасности, и человек, который посмеется над ней, хоть на несколько секунд освободится от страха. Самые безобидные шутки, например, беззлобные истории про тещу или прапорщика, или высмеиваемые в анекдотах секс секреты любовников и неверных жен, коррупционеров-чиновников, это юмор для души. Например:

- Дорогой, у тебя ко мне осталось хоть какое-то чувство?

- Конечно, дорогая, – чувство юмора.

- Как сделать, чтобы все были довольны? – Расстрелять недовольных...

Или сын читает книгу и спрашивает отца-чиновника:

- Папа, а «Ревизор» - это трагедия или комедия, я что-то не пойму?

- Если, сынок, ревизор свой, то комедия, а если чужой – то трагедия, - разъяснил отец.

А вот еще: *- Сема, ты мне приснился в эротическом сне.*

- *И шо там, Сара, я тебе вытворял?*

- *Ты пришел и все испортил...*

Тогда как в черном юморе заложен особый смысл.

Здесь как бы смех борется со страхом. На этом утверждении сходятся все – философы, ученые, писатели. Не зря появляются анекдоты, которые высмеивают, казалось бы, весьма несмешные и даже трагические вещи. В частности, много шуток породил обещанный конец света, который должен был случиться в 2012 году (например, *«Только у русских может быть конец света в 2012 году, а Олимпийские игры – в 2014-м»*). Например, ученики шутили, что после 21 декабря (дата так и не случившегося конца света) им зададут написать сочинение на тему, как они провели конец света. Более взрослая молодежь шутила, что неплохо было бы электрикам в этот день провести массовый флэш-моб, и отключить по всей стране свет на пятнадцать-двадцать минут. Подобные приколы можно было читать на многих юмористических сайтах.

Так вот, все эти шутки, это защитный механизм, коим и является черный юмор. Он помогает нам пережить трагические ситуации, которые обычно считаются чересчур трагичными, чтобы позволять себе шутки на эту тему. Но когда человек смеется над проблемой, ему действительно становится легче.

Поразительно, но факт: *черный юмор – оружие мирного времени*. Когда общество еще сравнительно здорово, – оно может позволить себе мрачно подшучивать над своим плачевным состоянием. И наоборот: если мы часто слышим вокруг мрачные шутки, значит, дела еще не так плохи. А вот когда смолкает и мрачный юмор, занимается заря Судного Дня. Юмор, по словам Н.В.Гоголя, есть *«видимый миру смех сквозь невидимые миру слезы»*.

Здесь позволительна аналогия с бранью, грязной руганью; к ней охотно прибегают, пока ситуация еще под контролем; когда же приходит время настоящего кризиса, мы признаемся: «даже выругаться нету сил», «зла не хватает». Чуть полегчало – и человек «с облегчением выругался».

Стало быть, черный юмор исчезает тогда, когда мы обнаруживаем, что находимся уже не перед зеркалом своего бытия, а в мрачном зазеркалье, где все наши плюсы – безжалостные минусы, где просто нет места Добру и Вдохновению.

И в заключение главы привожу *«психологическую формулу юмора»*. Алестер Клар – известный английский ученый в области эволюции, вывел универсальную формулу юмора. Он утверждает, что удовольствие от хорошей шутки является результатом умножения имеющейся в ней ошибочной или заведомо неверной информации на серьезность слушателя.

Формула довольно проста: $H = M * S$, где **H** означает степень удовольствия от хорошей шутки (юмор по-английски – humor), **M** –

уровень находящейся в ней неверной информации (misinformation), а S – способность слушателей серьезно ее воспринимать (seriousness).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Я с большим волнением выношу сей труд на суд читателей. Надеюсь на ваше снисхождение, ибо, во-первых, это «первый блин» и хочется надеяться, что он вышел не «комом»; во-вторых, и это естественно, охватить все девиантологические проблемы невозможно в одной книге, но был велик соблазн хотя бы приблизиться к неизведанному или мало изведанному в психологии творчества (искусства) и девиантологии; в-третьих, я с благодарностью приму любую конструктивную критику и предложения читателей, что, безусловно, послужит мне дополнительным творческим импульсом и укажет вектор дальнейших поисков, размышлений и экспериментов.

Как говорил Д.И. Писарев, *«готовых убеждений нельзя ни выпросить у добрых знакомых, ни купить в книжной лавке. Их надо выработать процессом собственного мышления и искания, которые непременно должны совершаться самостоятельно в собственной голове и поступке ...»*.

Однако следует всегда также помнить и слова Лао-Цзы о внимательном отношении к своим мыслям, ибо они – начало поступков.

Как позитивный девиант, я вслед за J.Humphrey (2006), готов думать по-другому о важных проблемах и вдохновлять других думать по-другому об окружающем мире и себе в этом мире. И поступать по-другому! Это важно с любой точки зрения.

А в завершении книги позволю себе немного пошутить:

-X-X-X-

Ему так везло, как будто он нашел подкову от слона.

-X-X-X-

Обидно, когда твои мечты сбываются у других.

-X-X-X-

Всем хочется хорошо провести время... Но время не проведешь!

-X-X-X-

Как ни крути, но самый удобный шкаф для одежды - это стул.

-X-X-X-

Самый страшный зверь – это жаба, она уже задушила больше половины населения земного шара.

-X-X-X-

Наша страна полностью перешла на 3D - к дуракам и дорогам примкнули депутаты.

-X-X-X-

Жена: - Я у тебя как Золушка – стираю, убираю, готовлю ...

Муж в ответ: - Я же тебе говорил, выйдешь за меня – жить будешь как в сказке!

-X-X-X-

- В чем секрет вашего долголетия?

- Нет денег на похороны.

-X-X-X-

На уроке анатомии в школе:

- Вовочка, какой самый известный рудимент современного человека?

- Совесть, Мария Ивановна!

-X-X-X-

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абрахамсон, Э.* Эффективный беспорядок / Эрик Абрахамсон, Дэвид Фридман; Пер. с англ. Д.Л. Раевской. М.: Эксмо, 2010. 288 с.
2. *Арнхейм, Р.* Искусство и визуальное восприятие. М., 1974.
3. *Бердяев, Н.А.* Смысл творчества. М., 1989 (гл. 4, 7, 8, 9).
4. *Берковиц, Л.* Агрессия: причины, последствия и контроль. М., 2001.
5. *Васильюк, Ф.Е.* Психология переживания. М., 1984.
6. *Веселовский, А.Н.* Историческая поэтика. М., 1940.
7. *Выготский, Л.С.* Психология искусства. М., 1968.
8. *Воспитание трудного ребенка: Дети с девиантным поведением* / Под ред. М.И.Рожкова. М., 2001.
9. *Гилинский, Я.И.* Социальное насилие. Монография. СПб: Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2013.
10. *Гилинский, Я.И.* Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». Монография. 3-е изд., испр. и доп. СПб: Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2013.
11. *Гилинский, Я.И.* Творчество: норма или отклонение? // СоцИС. 1990. №2. С. 41-49.
12. *Доценко, Е.Л.* Психология манипуляции. М., 1996.
13. *Дранков, В.Л.* Психология художественного творчества СПб, 1991.
14. *Дронова, Е.Н., Растов, Ю.Е.* Синтагма исследований суицидального поведения // Известия Алтайского государственного университета. Раздел «Социология». № 2-1 (78). 2013.
15. *Дружинин, В.Н.* Психология. Учебник для гуманитарных вузов. Гл.35. СПб: Питер, 2001.
16. *Дружинин, В.Н.* Психология общих способностей. СПб: Питер, 2000.
17. *Егоров, А.Ю.* Нейропсихология девиантного поведения. СПб, 2006.
18. *Змановская, Е.В.* Девиантология: (Психология девиантного поведения). М., 2003; 2006.
19. *Змановская, Е.В.* Основы прикладного психоанализа. СПб: Речь, 2005.
20. *Искусство и социальная психология.* М., 1996.
21. *История зарубежной психологии. Тексты.* М., 1986.
22. *Ильин, Е.П.* Психология творчества, креативности, одаренности. СПб: Питер, 2009.

23. *Кеплер, И.* О шестиугольных снежинках. М.: Наука, 1982. 188 с.
24. *Клейберг, Ю.А.* Неопределенность самоидентичности: девиантологический конструкт // Пензенский психологический вестник. 2015. № 1 (4). doi 10.17689/psy-2015.1.11. С. 166-180.
25. *Клейберг, Ю.А.* Креативная девиантология: опыт институализации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Психологические науки». 2015. № 1. С. 47-52.
26. *Клейберг, Ю.А.* Креативная девиантология: опыт амплификации // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 2 (62). Т.1. С.125-130.
27. *Клейберг, Ю.А.* Синтагма исследований девиантного поведения // Общество и право. 2014. № 1. С.145-156.
28. *Клейберг, Ю.А.* Эпатаж и манипуляция: понятие и девиантогенная природа // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Психологические науки». 2013. № 4. С. 41-46 (на англ. яз.).
29. *Клейберг, Ю.А.* Девиантология: Словарь. М.: Тверской печатник, 2014. 100 с.
30. *Клейберг, Ю.А.* Основы психологии девиантного поведения. Монография. СПб: Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2014. 233 с.
31. *Клейберг, Ю.А.* Девиантология: схемы, таблицы, комментарии. Учебное пособие. М.: МПСУ, 2013. 155 с.
32. *Клейберг, Ю.А.* Ювенальная девиантология. Saarbrücken: Palmarium Publishing, Germany, 2012. 350 с.
33. *Клейберг, Ю.А.* Ювенальная психология девиантного поведения. Нальчик: Тетраграф, 2013. 248 с.
34. *Клейберг, Ю.А., Канина, С.Ю.* Креативность образовательной среды и профилактика девиантного поведения. Монография. Ульяновск: УГПУ, 2007. 236 с.
35. *Клейберг, Ю.А.* Социальная психология девиантного поведения: Учебное пособие. М.: ТЦ «Сфера», 2004. 160 с.
36. *Клейберг, Ю.А.* Психология девиантного поведения: Учебное пособие для вузов. 2-е изд., доп. и перераб. М.: ТЦ «Сфера» с участием «Юрайт-М», 2001; 2003. 160 с.
37. *Клейберг, Ю.А.* Девиантное поведение в вопросах и ответах: учебное пособие. М.: МПСИ. 2006. 304 с.
38. *Klayberg, Yu.A.* Social-psychological determinations of juvenile victimization of deviant Personality: theoretical exposition of the Problem // Найновите постижения на европейската наука / Материали за 7-а Международна научна практична конференция. Психология и социология. Том 24. София. БялГРАД БГ ООД, 2011. С. 44-46.

39. *Klayberg, Yu.A.* Aggression, violence, deprivation in the context of deviation socialization of Personality: a theoretical exposition of the Problem // Trends of modern Science / Materials of the X International scientific and practical conference. Psychology and Sociology. Vol. 18. Sheffield. Science and Education LTD, 2014. P. 19-24.
40. *Когнитивная психология* / Под ред. В.Н.Дружинина, Д.В.Ушакова. М.: Пер СЭ, 2002.
41. *Комлев, Ю.Ю.* Теории девиантного поведения. Казань, 2013.
42. *Кривцун, О.А.* Эстетика. М.: Аспект Пресс, 2000.
43. *Куруленко, Э.А.* Творчество в пространстве культуры детства. Самара, 1998.
44. *Леонтьев, А.Н.* Философия психологии. М., 1994.
45. *Ломброзо, Ч.* Гениальность и помешательство. М., 1995.
46. *Потебня, А.А.* Эстетика и теория искусства. М., 1978.
47. *Пономарев, Я.А.* Психология творчества. М.: Наука, 1976.
48. *Малкина-Пых, И.Г.* Психология поведения жертвы. М.: Эксмо, 2006. 1008 с.
49. *Ракитов, А.И.* Новой науке – новое науковедение (от парадигмы к синтагме) // Науковедческие исследования: Сб. науч. трудов. М., 2003.
50. *Рождественская, Н.В.* Психология художественного творчества. СПб, 1995.
51. *Румянцева, Г.* Агрессия и аутоагрессия // Насилие в современном мире / Под ред. Я.И.Гишинского. СПб, 1997.
52. *Семенов В.Е.* Искусство как межличностная коммуникация СПб, 1995.
53. *Социологический словарь.* М., 2008.
54. *Словарь иностранных слов* / Под ред. И.В.Лухина, С.М.Локшиной, Ф.Н.Петрова (гл.ред.) и Л.С.Шаумяна. - 6-е изд., перераб. и доп. М., 1964.
55. *Творчество как позитивная девиантность* / Коллективная монография // Под ред. Я.И.Гишинского и Н.А.Исаева. СПб: Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2014.
56. *Ухтомский, А.А.* Доминанта души. Рыбинск, 2000.
57. *Ушаков, Д.В.* Интеллект: структурно-динамическая теория. М.: ИП РАН, 2003.
58. *Ушаков, Д.В.* (ред.). Психология творчества. Школа Я.А.Пономарева / Под ред. Д.В.Ушакова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.
59. *Ушаков, Д.В.* Психология одаренности: от теории к практике / Под ред. Д.В. Ушакова. М.: ПЭР СЭ, 2000.
60. *Франкл, В.* Человек в поисках смысла. М., 1990.
61. *Фурманов, И.А.* Агрессия и насилие: диагностика, профилактика и коррекция. СПб: Речь, 2007.

62. *Фрейд, З.* Художник и фантазирование. М., 1995.
63. *Фромм, Э.* Анатомия человеческой деструктивности. М., 1994.
64. *Хагуров, Т.А.* Дисфункции процессов социализации и социального контроля в условиях экспансии массовой потребительской культуры (проблемы девиантологического анализа): автореф. дис. ... доктора социологических наук. М., 2007.
65. *Хагуров, Т.А.* Введение в современную девиантологию. Учебное пособие. Ростов-на-Дону, 2003.
66. *Хренов, Н.А.* Социально-психологические аспекты взаимодействия искусства и публики. М., 1981.
67. *Хомич, А.В.* Психология девиантного поведения. Ростов-на-Дону, 2006.
68. *Эллис, А.* Гуманистическая психотерапия. Рационально-когнитивный подход. СПб: СОВА; М.: ЭКСМО-ПРЕСС, 2002. 272 с.
69. *Юнг, К., Нойманн, Э.* Психоанализ и искусство. М., 1996.
70. *Ярошевский, М.Г.* История психологии. М., 1985.
71. *Kriminologie Lexicon.* Heidelberg: Kriminalistik Verlag, 1991.
72. *Taylor, F.* The Principles of Scientific Management. N.Y., 1911. 312 с.
73. *Tomada, G., Schneider* Under controlled and controlled in assaultive adolescents // Dev. Psychol. 1997. Vol. 33, № 4. P. 601-609; *Boivin M., Vitaro F., Poulin, F.* Peer relationships and development of aggressive behavior in early childhood // R.E.Tremblay W.W. Hart up, J.Archer / eds. Developmental Origins of Aggression. N.Y.: Guilford Press, 2005. P.376-397.
74. <http://www.airmed.com.ua/forum/index.php?showtopic=11632> (дата обращения 03.08.2015).

Научное издание

Клейберг Юрий Александрович

КРЕАТИВНАЯ ДЕВИАНТОЛОГИЯ

Дизайн обложки – Б.Ю. Клейберг

Подписано в печать: 02.03.2016 г.
Бумага офсетная. Гарнитура «Times New Roman».
Печать офсетная. Формат бумаги 60×84/16.
Усл. п. л. 10, уч.-изд. л. 9,25.
Тираж 500 экз. (1-й з-д 1–28). Заказ № 2015/11-06.

Отпечатано в ИИУ МГОУ.
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10а.